

ВОЛЯ РОССИИ

**ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ**

VIII-IX

ПРАГА

1926

5-ый год издания.

5-ый год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере « ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климущикин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржийский (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживовани Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: в Чехословакии — 25 кр., Югославии — 30 дин., Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 20 фр., Англии — 3 шилл., Америке — 1 долл., Германии — 3 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 25 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelny trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

VIII-IX

ПРАГА

ПРАГА, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Замятин: Икс	3
Марина Цветаева: Деревья	23
Кесарь Гусев: Про шинкарочку	27
Егор Лазарев: Дмитрий Богров и убийство Столыпина	28
Юман Гексли: Повелитель Материи	66
Марк Слоним: Литературные отклики (Бунин — критик. — Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах»)	87
Б. Невидимцев: Московская мозаика (О горизонтальной и вертикальной склоке. Советский антисемитизм)	104
Эдуард Бенеш: Проблема славянской политики. (Неославянофильство).	113
А Пешехонов: Опыт национализации	147
В. Архангельский: Рабочие в Советской России	170
Е. Сталинский: Каким путем?	189
Иностранная жизнь:	
Тадеуш Головко: Причины и последствия переворота в Польше	209
Среди книг и журналов	
Влад. Декабрев: Новости иностранной литературы	222
Алексей Ремизов: О разных книгах	230
Н. Мельникова - Папоушек «Конармия»	234
Евг. Недзельский: Зарубежные поэты	236
С. Раф: Ольга Далматова	238
Отзывы о книгах:	
Д. Лутохин: Письма Ф. М. Достоевского к жене	240
А. — Ч.: Проф. А. И. Малейн А. М.: Ловячин	242
Столпник: Атений	243
Письмо в редакцию	244

ИКС*).

В спектре этого рассказа — основные линии: золотая, красная и лиловая, так как город полон куполов, революции и сирени. Революция и сирень — в полном цвету, откуда с известной степенью достоверности можно сделать вывод, что год — 1919-й, а месяц — май.

Это майское утро начинается с того, что на углу Блинной и Розы Люксембург появляется процессия — повидимому, религиозная: восемь духовных особ, хорошо известных всему городу. Но духовные особы размахивают не кадилами, а метлами, что переносит все действие из плана религии в план революции: это — просто нетрудовой элемент, отбывающий трудовую повинность в пользу народа. Вместо молитв, золотая, вздымаются к небу облака пыли, народ на тротуарах чихает, кашляет и торопится сквозь пыль. Еще только начало десятого, служба — в десять, но сегодня почему то все вылетели спозаранок и гудят, как пчелы перед роением.

В тот день (1919, 20/V) все граждане в возрасте от 18 до 50 лет, за исключением самых нераскаянных буржуев, состояли на службе, и всех от 18 до 50 явно ждало сегодня что то необычайное во всевозможных УЕПО, УЭКО, УОНО. Главное, что это было «что то», что это был икс, а природа человеческая такова, что ее влекут именно иксы (этим прекрасно пользуются в алгебре и в рассказах). В данном случае икс произошел от раскаявшегося дьякона Индикоплева.

*) Рассказ «Икс» — Е. Замятина — нами перепечатывается из № 2 закрытого большевиками журнала «Новая Россия».

Дьякон Индикоплев, публично признавшийся, что он в течение десяти лет обманывал народ, естественно пользовался теперь доверием и народа и власти... Иногда случалось даже, что он ловил рыбу с товарищем Стерлиговым из УИК-а — так было, например, вчера вечером. Оба глядели на полавки, на золото-красно-лиловую воду и беседовали о головлях, о вождях революции, о свекольной патоке, о сбежавшем эсэре Перепечко, об акулах империализма.

Здесь — совершенно некстати — дьякон заметил, конфиденциально прикрывшись ладонью:

— А у вас, товарищ Стерлигов — извиняюсь — штаники сзади... не то, чтобы это самое, а в роде как бы...

Товарищ Стерлигов только почесал шубу на лице:

— Ладно — до завтра доживут. А завтра, должно быть, служащим прозодежду выдавать будут — из центра бумага пришла. Только насчет прозодежды — это я вам по секрету.

Когда с тремя ершами дьякон возвращался домой, он по дороге, конечно, стукнул в окно телеграфисту Алешке и сказал ему — конечно, по секрету. А телеграфист Алешка, как вам известно, поэт, он написал уже 8 фунтов стихов — вон там, в сундуке лежат. Как поэт, он не счел себя в праве хранить тайну в душе: призвание поэта — открывать душу настезь для всех. И к утру все от 18 до 50 знали о прозодежде.

Но никто не знал, что такое прозодежда. Всем ясно было одно: прозодежда есть нечто, ведущее свою родословную от фигового листа, т. е. нечто, прикрывающее наготу адамов и украшающее наготу ев. А общая площадь наготы тогда была значительно больше площади фиговых листьев — настолько, что, например, телеграфист Алешка давно уже ходил на службу в кальсонах, посредством олифы, сажи и сурика превращенных в серые, с красной полоской непромокаемые брюки.

Естественно поэтому, что для Алешки прозодежда воплощалась в брючный образ; но она же для красавицы Марфы расцветала в майскую розовую шляпу, для бывше-

го дьякона уплотнялась в сапоги — и так далее. Словом, прозодежда — явно, нечто подобное протоплазме, первичной материи, из которой выросло все: и баобабы, и агнцы, и тигры, и шляпы, и эсэры, и сапоги, и пролетарии, и нераскайные буржуи, и раскайвшийся дьякон Индикоплев.

Если вы рискнете сейчас вместе со мной нырнуть в пыльные облака на улице Розы Люксембург, то сквозь чох и кашель вы явственно услышите то же самое, что слышу я: «Дьякон... С дьяконом... Где дьякон? Не видали дьякона?» Только один дьякон, как опытный рыболов, мог вытащить этот зацепивший всех крючок — икс, с наживкой из прозодежды. Но дьякона здесь не было: дьякона надо искать сейчас не в красной линии спектра, а в сиреневой, майской, любовной. Эта линия пролегает не по Розе Люксембург, а по Блинной.

В самом конце Блинной, возле выкрашенного нежнейшей сиренево-розовой краской дома, стоит раскайвшийся дьякон. Вот он постучал в калитку — через минуту мы услышим во дворе розовый Марфин голос: «Кузьма Иваныч, это вы? — калитка откроется. В ожидании дьякон разглядывает нарисованную на калитке физиономию с злодейскими усами и с надписью внизу: «Быть по сему». Неизвестно, что это значит, но дьякон тотчас вспоминает, что он — бритый: с тех пор, как, раскайвшись, он снял усы и бороду — ему постоянно чудится, что он будто снял штаны, что нос торчит совершенно неприлично и его надо чем попало прикрыть — это сущая мука.

Прикрывши нос ладонью, дьякон стучит еще раз, еще: никого. А между тем Марфа дома: калитка заперта изнутри. Значит — что же? — Значит, она там... Дьякон ставит внутри себя именно это, только что здесь изображенное графически, многоточие и, ежеминутно спотыкаясь на него, идет к Розе Люксембург.

Через несколько минут на том же самом месте возле нежнейшего розового дома нам виден телеграфист и поэт Алешка. Он тоже стучит в калитку, созерцает усатую физиономию, ждет. Стоит спиной к нам: только темный за-

тылок и уши, оттопыренные как то очень удобно и гостеприимно — как ручки у самовара.

Вдруг весь Алешка становится почти ненужным гарниром к собственному правому уху: живет только ухо — глотает шопот, шорох, шаги во дворе. Поэту нужно все знать и все видеть: он метнулся к забору, ухватился за край, подпрыгнул, разорвал рукав — и там, во дворе, под сараем, на один миг увидел нечто.

Пожалуй, не стоит рвать рукава и лезть на забор за поэтом: все равно — раньше или позже мы узнаем, что там увидел Алешка. А пока об этом можно судить по его лицу: с разинутым ртом и круглыми глазами Алешка походил сейчас на тех, беспощадно нанизанных на веревочку ершей, которые вчера вечером болтались в дьяконовой руке перед окном у Алешки. В ершовом виде Алешка простоял ровно столько, сколько ему потребовалось, чтобы к увиденному подобрать рифмы (рифмой увиденному оказалось слово «осечка»). Затем он сорвался с веревочки, на которую нанизала его судьба, и помчался к Розе Люксембург.

Там сейчас готовилась катастрофа: столкновение в некоей человеческой точке двух враждующих линий спектра — красной и золотой, революционной и купольной.

Этой человеческой точкой был дьякон. Одет он был в бордовые штаны и толстовку, сшитые из праздничной рясы, — и виден был издалека, как зарево или знамя. Чуть только он забагровел в облаках пыли — к нему, как к магниту, повернулась вся Роза Люксембург — к нему прилипли десятки вопросов, рук, глаз. Дьякон был на невидимом пьедестале и с пьедестала раздавал каждому: «Да, прозодежда... Да-да, бумага из центра».

Но один из народа (бас) брякнул:

— Какая там бумага! Ври больше!

— То есть, как это — «ври больше»?

— А так, очень просто.

— Не веришь? Ну гляди — ну, вот те крест святой —

ну? — и чтобы удержаться на пьедестале, раскаявшийся дьякон, забыв о раскаянии, действительно перекрестился. Затем вдруг побагровел — рефлекс другой линии спектра — и с пьедестала грохнул вниз.

Катастрофа эта была вызвана тем, что из соседнего облака пыли прямо в упор на дьякона глядела козья ножка, вправленная в меховое лицо: Стерлигов из УИК-а. И конечно, он видел, как дьякон перекрестился.

Дьякон мучительно почуял свой голый нос, прикрыл его рукою, другую прижал к сердцу.

— Товарищ Стерлигов... товарищ Стерлигов, простите ради христ... — и, побагровев еще пуще, замер.

Стерлигов вынул изо рта цыгарку, хотел что то сказать, но ничего не сказал — и это было еще страшнее: только молча поглядел на дьякона и пошел. Дьякон, как лунатик, все еще прижав руку к сердцу, за ним.

Еще пять-десять строк — и, глядишь, дьякон придумал бы, что сказать, и был бы спасен, но как раз тут из-за угла вывернулся Алешка. Он подскочил к Стерлигову и вместо того слова, какое было нужно, выпалил рифму:

—Осечка! То есть... я хочу...

И замолчал, оглядываясь, переминаясь с ноги на ногу — непромокаемые брюки его чуть погромыхивали, как бычьи пузыри, на каких ребята учатся плавать. Стерлигов сердито выплюнул цыгарку.

— Ну? По какому делу?

— По... по секретному, — шепнул Алешка:

В пыльных волнах кругом плавали десятки ушей — шопот услышали, и он побежал дальше, как огонек по пороховой нитке. Секретное Алешкино дело, неведомая прозодежда, катастрофа с дьяконом — это было уже слишком много, в воздухе носились тысячи вольт, нужен был разряд.

И разряд совершился: хлынул дождь. Все от 18 до 50 спасались в под'езды, в подворотни и оттуда глядели на шуршащий, сплошной стеклярусный занавес. Ничего-о, пусть льет: дождь этот одинаково нужен как для хлебов

республики, так и для последующих событий рассказа: в сумерках по следам на влажной земле преследователям будет легче искать некоего убегающего от них икса.

Все, кто видал дьякона вот сейчас, на Розе Люксембург или раньше — знают, что это мужчина здоровенный. Так что, может быть, я рискую неприятностью при случайной встрече с ним в другом рассказе или повести — но тем не менее я считаю своим долгом разоблачить его здесь до конца.

Раскаявшись и обрившись, дьякон Индикоплев напечатал буллу к прежней своей пастве в « Известиях » УИК-а. Набранная жирным цицero булла была расклеена на заборах — и из нее все узнали, что дьякон раскаялся после того, как прослушал лекцию заезжего москвича о марксизме. Правда, лекция и вообще произвела большое впечатление — настолько, что следующий клубный доклад, астрономический, был анонсирован так: « Планета Маркс и ее обитатели ». Но мне доподлинно известно: то, что произвело в дьяконе переворот и заставило его раскаяться, — был не марксизм, а марфизм.

Родоначалница этого внеклассового учения, до сих пор только чуть чуть показанная между строк, однажды ранним утром спустилась к реке — искупаться. Разделась, повесила на лозинку платье, с камушка опустила в воду пальцы правой ноги — какова сегодня вода? — плеснула раз, другой. На сажень влево сидел под кустом (тогда еще не раскаявшийся) голый дьякон Индикоплев и подтягивал венгер, поставленный в ночь на раков. Привычным рыболовным ухом дьякон услышал плеск: « Эх, должно быть, крупная играет! » — взглянул — и погиб.

Марфа повела плечами (вода холодновата) и стала венком закладывать косу кругом головы — волосы спелые, богатые, русые, и вся богатая, спелая. Ах, если бы дьякон умел рисовать, как Кустодиев! — ее, на темной зелени листьев, поднявшую к голове руки, в зубах — шпилька,

зубы — сахарные, голубовато - белые, на черном шнурочке — зеленый эмалевый крестик между грудей...

Тотчас же встать и уйти дьякон не мог — по случаю своей наготы, одеваться — белье было одна срамота. Поневоле пришлось вытерпеть все до конца — пока Марфа наплавалась, вышла из воды (одно это: как скатывались капельки с груди, с кончиков!), оделась — не спеша. Дьякон вытерпел, но с того именно дня стал убежденным марфистом.

В сущности, к евангелию марфизм был гораздо ближе, чем к марксизму. Так, например, несомненно, что основной заповедью Марфа считала: « возлюби ближнего своего ». Для ближнего — она всегда готова была, по евангелию, снять с себя последнюю рубашку. « Ах ты, бедняжечка мой, ну что ж мне с тобой делать? Ну, поди миленький, ко мне — ну, поди!» — это она говорила эсэру Перепечко («бедненький, в тюрьме сидел!»), говорила Хаскину из ячейки (« бедненький — шейка прямо как у цыпленка !»), говорила телеграфисту Алешке (« бедненький, все сидит — пишет !»), говорила...

Тут то в дьяконе и обнаружилось это проклятое наследие капитализма — собственнический инстинкт.

И дьякон сказал:

— А я желаю, чтобы ты была моя — и больше никому! Если я тебя... ну, вот как... ну, не знаю как... — понимаешь?

— Ах ты, бедненький мой! Да понимаю же, понима-аю! А только что же мне с ними делать, когда они Христом-богом просят? Ведь не каменная я, жалко!

Это было в тихий революционный вечер, на лавочке у Марфы в саду. Где то нудно татакал пулемет, призывая самку. За стеною в сарае горько вздыхала корова — и в саду еще горчее вздыхал дьякон. Так бы и шло, если бы судьба не пустила в ход красного цвета, каким окрашиваются все перевороты в истории.

Как то раз вместо хлеба гражданам выдали по бидону разведенного на олифе сурика. Весь день дьякон громышал босыми ногами по железу — красил в медный цвет крышу. А когда стемнело, дьяконица (соседки ей уже давно шеп-

тали про дьякона) задами пробралась к Марфе в сад. В руках у ней был узелок, а в узелке — нечто круглое: может быть — бомба, может быть — отрубленная голова, а может быть — горшок с чемнибудь. Через десять минут дьяконица вылезла из сада, обтерла о лопух руки (не в крови ли они?) — и вернулась домой. Затем — как всегда: звезды, пулемет, в сарае вздыхала корова, на лавочке в саду — дьякон. Он вздохнул раз-другой — и выругался:

— Фу, ч-чорт! И тут краской воняет — никуда от нее не уйдешь, нынче за день весь насквозь пропитался!

Но, к счастью, у Марфы на груди была приколота веточка сирени. Дорогие товарищи, знакома ли вам эта надстройка на нежнейшем базисе — согласно учению марфизма? Если знакома, вы поймете, что дьякон скоро забыл о краске и обо всем на свете.

Неудивительно, что утром дьякон еле продрал глаза к обеду. Скорей одеваться — схватил штаны... Владычица! — не штаны, а прямо знамя: все вымазано красным. И у серого подрысника — все сиденье красное, и все полы красные... Лавочка-то вчера в саду была выкрашена — то-то оно и пахло.

Дьякон кинулся к шкафу--надеть другие брюки, которые не представляли бы собой наглядной диаграммы его греха, но шкаф был пуст: дьяконица все припрятала.

— Нет, Гришка ты этакой Распутин, так и иди! — кричала дьяконица, — иди, иди, чтоб все добрые люди видели! Не-ет, не дам, иди!

Так и пошел — как некогда пророк Елисей — со стадом гогочущих мальчишек сзади.

Никому и никогда не удавалось изобразить по настоящему самум, землетрясение, роды, катценяммер. Нельзя изобразить то, что происходило в дьяконе, когда он служил эту обедню. Важно одно: к концу обедни дьякон оценил завоевания Октябрьской революции и, в частности, то, что революцией разрушена тюрьма буржуазного брака.

На другой день дьякон отнес к портному праздничную рясу. А через два дня в бордовой толстовке, бритый, стыдливо прикрывая рукой бесстыдно выскочивший нос, за-

явился к Марфе — сказать ей, что из-за нее он решил погубить душу, отречься от всего, с дьяконицей развестись и жениться на ней, Марфе.

— Ах ты, бедненький! Ну поди, поди ко мне... да что это у тебя глаза этакие чудные?

— Что — глаза! Тут мозги наперекосы пойдут — от всего от этого...

Мозги у дьякона шли на перекосы: как в бурсе, он опять сидел и зубрил тексты — теперь из Маркса — и каждый вечер ходил на занятия здесь, в кружок. Но под марксизмом дьякона скрывался чистейший марфизм: после моих беспристрастных свидетельских показаний это должно быть ясно для суда истории. А затем, граждане судьи истории, разве не на ваших глазах этот якобы раскаявшийся служитель культа только что перекрестился публично? Это видела вся Роза Люксембург и в том числе уважаемый тов. Стерлигов из УИК-а, — неужели этого мало?

Вся Роза Люксембург была сейчас театральным залом: стеклярусный дождевой занавес раздвинут, ложи - подворотни полны публики, сотни глаз прикованы к сцене. Сцена — две конструктивных по Мейерхольду площадки: два под'езда с навесами у входов в галантерейный магазин Перелыгина (входы, конечно, забиты досками: год — 1919-й). Действие разворачивается одновременно на обеих площадках: справа — Стерлигов и телеграфист Алешка, слева — марфист-дьякон и Марфа.

Алешка бледен, как Пьеро, и только отопыренные уши нагримированы красным. Алешка с трудом (публике это видно) произносить, наконец, какое то слово — у Стерлигова цыгарка падает на землю, он хватается за кобуру револьвера. Затем подымает обе руки к Алешкиной голове — как будто, чтобы взять ее за ручки, как самовар, и снять с плеч. Голова остается на плечах, но несомненно Стерлигов говорит что то вроде: « Ну, если врешь — голову с плеч долой! » И оба действующих лица сходят со сцены — вер-

нее, сбегают — Стерлигов за рукав волокет Алешку куда то за кулисы.

На левой площадке — явно, любовный диалог. Дьякон начинает его скупно, без жестов — и только видно, как в кармане его толстовки мечется и прыгает что то, будто там зашита кошка: это — стиснутый дьяконов кулак. Можно поручиться, что он спрашивает Марфу: « Ты мне почему сегодня утром не открыла? Кто у тебя был? Нет, говори — кто? Слышишь? ». Марфа подымает брови, вытягивает губы — так же, как когда говорят ребенку «агу-агушенки». Это на дьякона уже не действует — мозги у него, явно, пошли на перекосы, кошка сейчас выпрыгнет из кармана. Но публика в ложах его стесняет, видно, как он говорит только (текст приблизительный): « Ну, ладно — погоди! » — и уходит с твердым решением (— кошка в кармане камнеет): вечером спрятаться в саду у Марфы и подстеречь соперника.

Представление кончено. Марфа остается на сцене одна, раскланивается с публикой. Публика все еще не расходится, — дождь припустил сильнее и промокнуть до костей решаются только те, кто волею судеб вплетен в основную сюжетную нить, как, например, Стерлигов и Алешка - телеграфист.

Мокрые, они уже входили сейчас в учреждение, которое в тот же год носило имя гораздо более чеканное и металлическое, чем теперь. Рябой солдат равнодушно насадил Алешкин пропуск на свой штык, где уже трепетал десяток других алешек, превращенных в бумажные лоскуты. Потом — бесконечный коридор, какие то летучие, почти прозрачные лица, сделанные из человеческого желатина. И перед дверью кабинета за столиком барышня, из этой особой породы — секретарш (в собачьей вселенной секретрашами служат, несомненно, болонки).

У Стерлигова сквозь меха на лице — или от волнения — голос глухой.

— Папалаги у себя?

Болонка юркнула в кабинет, выскочила обратно, помахала Стерлигову хвостиком:

— Пожалуйте.

И через секунду телеграфист Алешка уже стоял перед самым товарищем Папалаги. На столе возле него — тарелка с самой обыкновенной пшенной кашей, и удивительно, что он ест самым обыкновенным способом, как все. Но усы у Папалаги — громадные, черные, острые, греческие — или еще какие усы...

— Ну, гражданин... как вас? ага! — рассказывайте. Ну?

Колени у Алешки так тряслись, что он сам слышал, как шуршат, вроде пузырей, непромокаемые брюки. Заикаясь, с точками и точками с запятой после каждого слова, Алешка доложил, что нынче утром во дворе у гражданки Марфы Ижболдиной, он видел эсэра Перепечко, который эсэр, явно, ночевал на сеннике в сарае.

— Тем лучше: сам к нам на рога лезет (действительно: острые усы были как рога). Тем лучше, тем лучше... — Папалаги нажал звонок, в дверях — желатинное лицо. — Вот что: сегодня вечером на Блинной улице поставьте... Впрочем — потом. Пока идите. Вы тоже можете итти (это — уже Алеше, и Алешка непромокаемо шуршит из кабинета).

Тишина. Пшенная каша. Рога нацелены на Стерлигова.

— Чорт возьми! — понимаете: сотрудники заявляют, чтоб им выдать прозодежду. И нужно же им было там, в Москве... Слушайте, Стерлигов: у вас там в магазинах ничего не осталось, чтоб реквизировать и роздать им?

Стерлигов роется в своих мехах, уставившись в пшенную кашу...

— Гм... Разве только у Перелыгина еще кой что...

— Ну, у Перелыгина, так у Перелыгина. Только скорей распорядитесь, чтоб привезли сюда. Момент такой, что, понимаете.. Этот сукин сын Перепечко...

Каша. Тишина. Шелк дождя за открытым окном. Запах сирени, проникающий даже сюда без всяких пропусков. В ложах подворотней на Розе Люксембург публика все еще ждет хоть коротенького сухого антракта.

Но вместо антракта — представление неожиданно возобновляется: на одну из сценических площадок входят

трое милиционеров (статисты без слов) и человек в белой мохнатой куртке, сшитой из купальной простыни. В ложах его тотчас узнали и шопотом заволновались:

— Сюсин! Сюсин из Упродкома! Сюсин!

Слабое мание руки великого Сюсина, треск отдираемых от дверей досок, — милиционеры уже волокут из магазина какие то картонки и валят их на бывшую городско-го головы линейку.

Дождь сразу перестал, как перестает реветь капризный мальчишка, заметив, что на него уже не смотрят. Под солнцем блестела на линейке черная, еще мокрая, клеенка. С крыш что то кричали народу воробьи. Народ от 18 до 50 кричал на сцену:

— Эй, товарищи! Чего это у вас там?

Милиционеры, которым от автора не дано было слов, молчали. Сюсин выдержал паузу и вполоборота бросил небержно — как теперь, в 1925 —, закурив, бросаюет спичку:

— Прозодежда.

И от Сюсинской спички тотчас же загорелась вся Роза Люксембург от 18 до 50.

— Прозодежда? Куда? Кому? А-а, так, а нам - шиш? Граждане, трудящие, держи их! Граждане!

Сюсин вскочил в линейку, за ним милиционеры. Один из них стал нахлестывать лошадь так, как будто это был классовый враг, — пожалуй, даже без «как будто»: лошадь была купеческая. Сивый классовый враг пустился во всю прыть, унося тайну прозодежды.

Через полчаса в кабинете у Папалаги телефон звонил, что по случаю прозодежды — волнение. Всем от 18 до 50 по добавочному купону Б. выдали спички — один коробок на троих. Народ от 18 до 50 зажужжал еще пуще — как пчелы, в воздухе ощущались рои событий, и пока еще неизвестно только, где они привьются, где повиснут спутанным, темным, крылатым клубком.

Раскаившийся дьякон Индикоплев снимал теперь комнату. Дом, дьяконицу, детей, деньги, диван — все прочные «д» дьякон оставил позади и жил теперь среди революционных «р»: фотографии Маркса и Марфы, кровать без простынь, огрызки, брошюры, окурки. Когда в сумерках дьякон вернулся сюда и голый нос спрятал в грязную подушку, все эти «р» закружились, кровать колыхнулась и отчалила вместе с дьяконом от реальных берегов.

Тотчас же руки, ноги, пальцы — где то за сто верст и в то же время — вот тут рядом: как на карте — кружки городов. Дьякон проскочил сквозь себя по некой спирали и стал в уголку, откуда все было видно. И совершенно ясно было, что там, где голый, выбритый дьяков нос, — там Москва, уткнувшаяся в кислые перья подушки. Чтобы не задохнуться — надо поднять руки, выпростать Москву из перьев, но дом, дьяконица, дети, диван придавили, — конец! Перекреститься бы — но нельзя: из уголка своего дьякон видит, что на нем не ряса, а бордовая толстовка, и на стене — меховой, похожий на Стерлигова, Маркс.....

От Стерлигова — как вязальной иглой кольнуло куда то в живот, лежачий стоверстный дьякон и крошечный в уголку — соединились в одного, этот один вскочил, открыл окно. На кладбище звонили ко всеобщей, за углом солдаты пели интернационал — и невозможно, чтоб это было вместе, надо было скорее распутать, скорее разыскать Стерлигова, объяснить ему, что ей - богу же — никакого бога нет, а есть... а есть... Что, ну, — что есть, что?

Дьякон отчаянно махнул рукой и побежал в УИК. Там сказали, что Стерлигов, наверное, в клубе, наверху. Дьякон полез наверх, открыл обитую драной клеенкой дверь, вошелъ.

В огромной зале — за сто верст, на дне — мигала в дыму керосиновая лампочка. Старушка за роялью играла миньон, в мешочных рубахах милиционеры пятились миньоном назад, натываясь с хохотом друг на друга. Шли занятия балетно - драматической студии для милиционеров, густо пахло 1919 годом (примечание для тех, кто забыл: запах 1919 — санитарный вагон).

Дьякон крикнул:

— Товарищ Стерлигов здесь?

Миньон затвердел, старушка вынула платок и не то сморкалась, не то плакала. Дьякон прикрыл голый нос ладонью и сказал, глядя в чьи то, отдельно повисшие в дыму, веселые зубы с цыгаркой:

— Мне товарищу Стерлигову об'яснить, что бога..... Мне — по срочному делу: нельзя ли сейчас — узнайте.

— Ладно... — и, пятясь миньоном, милиционер пропал в темном углу.

Короткая, в 3/8, пауза, заполненная смесью колокола с интернационалом (окно открыто). Когда 3/8 прошло, дьякон издали - за сто верст — услышал сквозь дым:

— Нельзя. Велел вас задержать. Сядьте пока тут.

Дьякон послушно сел. Старушка всхлипнула последний раз и заиграла, милиционеры, пятясь, поплыли в дыму. И только тогда, через версты, дошло до дьякона это слово — «задержать». Пропал: сейчас придут с ружьями и уведут... По пути к пяткам душа остановилась в ногах, ноги стали самостоятельным, логически мыслящим существом, в секунду все решили, потихоньку подняли дьякона—и под музыку,пятясь,как все, он пошел к двери. Тут набрал сколько мог санитарного воздуха — сломя голову вниз по ступеням, на улицу — и побежал.

Как в поезде столбы телеграфа, черные квадраты окон, крошечные булабочные огоньки, самовар на столе. И вдруг где то — косой, яркий свет, вырезанные из темноты головы, плечи, носы, толпа. Дальше было некуда, назад — нельзя. Дьякон втиснул себя в кирпичную вереву у каких то ворот, зажмурил глаза, ждал: сейчас придут.

И действительно: кто то подошел и крикнул над самым ухом у дьякона:

— Выдали!

Кто выдал — все равно: надо бежать. Дьякон рванулся, открыл глаза.

Перед ним был Алешка — телеграфист. Вытянув руки, в пригоршнях крепко как птичку, которая сейчас улетит — он держал кусок черного хлеба.

— Выдали, — крикнул он, — вместо прозодежды! Я — последний!

Длинно, как корова в сарае, дьякон выдохнул из себя все. И тотчас же понял, что хочется есть, с утра ничего не ел, дома в шкафу стоит каша, надо пойти домой. Но Алешка схватил за рукав:

— Гляди, — гляди — гляди! Да гляди же!

В косом свете из окна на ступенях стоял Сюзин в своей белой, мохнатой куртке и рядом с ним рябой Пузырев — тот самый, какой два года пропадал в немецком плену. Пузырев двумя пальцами, как в огурец вилкой, тыкал в Сюсина:

— Так ты говоришь — хлеба больше нету! А если так, то спрашивается: за что же я, например, пропал без вести? Граждане, бей его!....

В белой косой полосе все накренилось. Сюзин упал, на него надели густым, шевелящимся роемъ, на секунду очень ясно — рука Сюсина с зажатым в ней ключом.

Здесь несколько зачеркнутых строк — или, может быть, дьякон, действительно, не помнил, как он очутился в своей комнате, инструментальной на «р», как ел холодную кашу. Поевши, хотел прикрыть кастрюлю брошюрой Троцкого, но раздумал: знал, что сюда больше никогда не вернется, потому что финал рассказа должен быть трагический. И захватив для этого финала железный косарь, каким щепал для самовара лучину, дьякон вышел навстречу неизбежному.

Возле дома через забор свешивалась вниз сирень — сейчас она была черная, железная. Под сиренью на бревнах тесно сидели двое, белел в темноте чулок и голое колено, звучно, революционно целовались. От этого в дьяконе сразу как повернулся выключатель и осветил комнату, где (внутри дьякона) с кем то целовалась Марфа. Все остальное потухло, и дьякон помнил теперь только одно: скорее туда, чтобы подстеречь его.

Там, на Блинной, одно окошко было освещено и на белой занавеске шевелилась тень — сейчас подняла к голове руки: должно быть, разделась и венком закладыва-

ет косу на голове — как тогда. Дьякона обожгло, будто выпил рюмку чистого спирта. На цыпочках стал подбираться к самому окну, чтоб поднять занавеску, но позади кто то чихнул. Дьякон дрогнул, обернулся — и возле Марфиной калитки увидал его. Лица не разобрать — было видно только: поднят воротник и надвинута на глаза франтовская — белой тарелкой — шляпа - канотье.

В кармане — далеко, за сто верст — дьякон трясущимися пальцами нащупал косарь. Потом: нет, пусть залезет в сад, пусть! И прошел мимо освещенного окошка, мимо разоренного перелыгинского дома. Тут поглядел назад: шляпа - канотье заворачивала за угол, где в переулочке была садовая калитка. Окошко у Марфы потухло: значит....

Дьякон немного помедлил, — как, крутясь, всегда медлят взорваться бомбы у Льва Толстого. Вытащил косарь, обтер его зачем то полкой — и, перескочив через забор, сквозь мокрую, хлещущую сирень, бомбой пролетел к скамейке, чтоб одним махом прикончить его и этот рассказ.

Мы уже давно обросли мозолями и не слышим, как убивают. Никто не слышал, как вскрикнул дьякон, замахнувшись косарем: все от 18 до 50 были заняты мирным революционным делом. — готовили к ужину котлеты из селедок, рагу из селедок, сладкое из селедок. Где то, с зажатым в руке ключом, лежал белый Сюсин. Из окна пахло сиренью. Товарищ Папалаги допрашивал пятерых арестованных возле хлебной лавки и справлялся по телефону, чем кончилось дело на Блинной.

Но на Блинной не кончилось, бомба продолжала крутиться еще бешенней; на скамье дьякон никого не нашел — и ободранный, мокрый, полыхающий выскочил назад, на Блинную. На углу остановился, крутясь, и увидел: в лиловых майских чернилах белела, быстро плыла шляпа - канотье прямо на него.

Мгновенно погасла (в дьяконе) комната, посвященная марфизму, вспыхнула другая, где был Маркс, Стерлигов и прочие грозные меховые вещи. И меховой Стер-

лигов - Маркс послал канотье, чтобы задержать дьякона, — это осветилось в темноте совершенно ясно.

Дьякон несся по Блинной — огромный, и видел свои размахивающие руки. Но это был не он: сам он — крошечный, с булавочную головку, стоял посередине дороги и смотрел, как бежит этот, другой. И вдруг кольнуло в живот от страха: заметил, что тот — огромный — дьякон бежит, пятясь миньоном, как тогда милиционеры — ну да: вот теперь как раз мимо закопченных стен перелыгинского дома. Надо было остановиться, понять, что же это такое — дьякон нырнул в голую, без дверей, дыру в стене и, громко дыша, присел.

Густо пахло — как во всех пустых домах в тот год. Сверху в черный четырехугольник звезды равнодушно глядели вниз, на Россию, как иностранцы. Разом было слышно: частое дыханье, третий звонок на кладбище, выстрелы. И, конечно, невозможно, чтобы один человек сразу же слышал все это и видел звезды, нюхал вонь. Стало быть, дьякон не один, а...

Плоские, плюхающие шаги за стеной. Медленно, сустав за суставом раздвигая себя, как складной аршин, дьякон приподнялся, выглянул через дырку в стене — и ахнул: этот, в канотье, раздвоился, двойной, в двух - одиновых канотье, присел на корточки и, зажигая спички, разглядывал следы на влажной земле. Больше терпеть было невозможно: дьякон закричал и, прыгая через какие то балки, печи, кирпичи, кинулся сквозь перелыгинский дом. Слышно было, как сзади падал и в два голоса материл он, споткнулся — затих.

Пустыми переулками, набитыми черной ватой, дьякон добежал до кладбища, — оно начиналось сразу же за Блинной. Там он забился у ограды, где кладбище спускалось в лог и где оптом закапывали умиравших в тот год. Соленые, едучие капли со лба лезли в глаза — дьякон утерся и сел на плиту. Вылез красный, запыхавшийся месяц, и на плите дьякон увидел мраморную дощечку с золотыми буквами: «Доктор И. И. Феноменов. Прием от 10 до 2.» Дьякон очень хорошо помнил эту дощечку на дверях

у доктора и самого его помнил, — как он почесывал за тылок мизинцем перед тем как писать рецепт. Дьякон знал, что ему надо бы поговорить с доктором, и решил ждать, пока начнется прием у Феноменова.

Но дожидаться не пришлось: из лога над оградой кладбища показался он, в белом канотье. И он размножился с ужасающей быстротой: он был теперь уж не раздвоенный, а распятеренный » в пяти канотье. Дьякон понял, что это — конец, деваться некуда, и заорал: «Сдаюсь! Сдаюсь!»

Когда привели пойманного, Папалаги повернул зеленый абажур так, чтобы осветить его, и спросил:

— Фамилия?

— Индикоплев — ответил дьякон.

— Ах, Ии-ди-ко-плев! Вот как! Происхождение, родители?

Где то далеко, за сто верст — дьякон знал: нельзя, чтоб родитель был протопоп. Дьякон прикрыл ладонью голый нос и сквозь ладонь уверенно сказал:

— Родителей не.... не было.

Папалаги — как рога — наставил на него страшные черные усы:

— Довольно дурака валять! Сознавайтесь!

Дьякона прокололо. Значит, уже все известно — тогда все равно.

— Я сознаюсь, — сказал он. — Я перекрестился. Хотя я и отрекся, но перекрестился, я сознаюсь.

Папалаги обернулся к кому то в угол:

— Что он — сумасшедшего разыграть хочет? Ладно, пусть попробует! — нажал кнопку.

И тогда вошел он — неясное, желатинное лицо, поднятый воротник, канотье. Дьякон побелел и забормотал, пятясь:

— Он самый... пять шляп — эти самые... Пожалуйста, не надо.

Папалаги поглядел на шляпу, сердито зашевелил усами. Потом показал на пойманного эсэра, который при-
творялся сумасшедшим:

— Увести его в десятый — и сами ко мне, сейчас же!

Когда в кабинете выстроились все пятеро во фран-
товских канотье, Папалаги закричал:

— Что это еще за маскарад такой, что за чепуха?
Кто это выдумал?

Один, который стоял ближе, вынул руки из карма-
нов, снял канотье, повертел в руках.

— Это, видите ли, товарищ Папалаги... это согласно
приказу, прозодежда, которую нам, выдали для ноше-
ния.

— Сейчас чтобы снять! Ну, слышали?

И пять прозодежд стопкой покорно легли на письмен-
ный стол.

Так кончился миф с прозодеждой. Очевидно, кончил-
ся и рассказ, потому что уже не осталось больше никаких
иксов и, кроме того, порок уже наказан. Нравоучение же
(всякий рассказ должен быть нравоучителен) совершен-
но ясно: не следует доверять служителям культа, даже
когда они якобы раскаиваются.

Деревья *)

IV

Купальщицами, в легкой круг
Сбитыми, — стаей
Нимф - охранительниц, — и вдруг,
Гривы взметая,

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске, кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро....
Вытянув выю....
Березовое серебро,
Ручьи живые!

V

Беглецы? Вестовые?
Отзовись коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?

*) Начало цикла «Деревья» было помещено в № 5 «В. Р.» за 1926 г.

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганьи дерев!

Лес! ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это - в платье просторном —
Отрок, нектаром вскормлен.
Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая — кто видел?! —
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

VI

Нищих и горлиц
Сирий распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге дерев?

Рощ, перелесков.

Книги и храмы
Людям отдав — взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:

— Скроем! — Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил
Даже осиною
Мчал — и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели;
Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

VII

Не краской, не кистью!
Свет — царство его, ибо сед.
Ложь — красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет — цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила, и суть

Осеннего леса?
Над тихою заводью дней
Как будто завеса
Рванулась — и грозно за ней....

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук —
Слова: Палестина
Встают и Элизиум вдруг....

Струенье.... Сквоженье....
Сквозь трепетов мелкую вязь
Свет, смерти блаженнее
И — обрывается связь.

Древесная седость!
Грущенье, прощанье без слез.
Здесь многое спелось,
А больше еще — расплелось.

Так светят седины,
Так древние главы семьи —
Последнего сына,
Последнейшего из семи —

В последние двери —
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур — последний из слуг!)

Уже и не светом;
Каким то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли — и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И — больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

VIII

Та, что без видения спала —
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скалой —

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! — Руки! — Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) — и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих — птицы!
— Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелен —
Взлет седобородый:
Вяз!
— Переселенье! — Легион!
Целые народы

Выходцев! — На милость и на гнев!
Види! — Буди! — Вспомни!

Несколько избегающих дерев
Вечером, на всхолмь.

Марина Цветаева

Прага, 1922 г.

Про шинкарочку.

Старинная донская казачья песня, петья казаком Кесарем Гусевым, социалистом - революционером, расстрелянным большевиками в Саратове (вместе с другими заложниками, после покушения Доры Каплан на Ленина). Слышана им от его престарелой бабушки. Покойный В. Г. Каратыгин не раз собирался гармонизовать ее с голоса Кесаря Гусева. В. Г. Каратыгина поражало полное сходство мелодии со слов: «Поедем, шинкарочка»... с мелодией рассказа Томского в опере «Пиковая Дама»: «Однажды в Версале, au jeu de la reine»
Очевидно, Чайковскому песня эта была известна.

На горе крутой стояла корчма,
Корчма польская, королевская.....
В той корчме сидят поляк да прусак,
Поляк да прусак, млад донской казак....
Поляк водку пьет — червонцы кладет,
Прусак водку пьет — талеры кладет,
Казак водку пьет — ничего не кладет.....
Ничего не кладет — на стенке мелит,
Шинкарочку манит:
«Поедем шинкарочка, ко мне
На тихий Дон.
У нас на Дону не повашему:
Не ткут, не прядут, — хорошо живут».
Сманилась шинкарка на казачьи на слова.
Сажал он шинкарочку коню на бедра,
Повез он шинкарочку во темные леса.
Сажал он шинкарочку на сосенку.
Поджег сосенку.... Сосенка горит,
Шинкарочка кричит:
«Все - то вы, казаченьки,
Изменьщики»...

Дмитрий Богровъ и убийство Столыпина *)).

Чтобы закончить официальное и, так сказать, документальное освещение дела об убийстве Столыпина, я приведу показания, еще двух, близко заинтересованных лиц, — начальника команды для личной охраны бывшего царя, полковника Спиридовича, и бывшего начальника департамента полиции и сенатора Трусевича, на которого высочайше было возложено поручение обревизовать, после убийства Столыпина, деятельность киевского охранного отделения, и в частности — выяснить ответственность полковника Кулябоко и других должностных лиц. Я приведу выдержки из их показаний перед Чрезвычайной Следственной Комиссией, образованной Временным Правительством после мартовской революции для опроса всех арестованных министров и других высокопоставленных лиц и для выяснения условий падения старого режима.**).

ДОПРОС ТРУСЕВИЧА

Председатель. — Когда в Киеве был убит Столыпин, вы были там?

Спиридович. — Да.

*) Окончание, см. «В. Р.» № 6-7.

***) «Падение Царского Режим». Стенографические отчеты, т. III. Допросы и показания: Герасимова, Спиридовича, Воейкова, Маклакова, Комиссарова, Курлова, Трусевича, Вырубовой, Белецкого, Горемыкина, Лохтиной и Чхеидзе. Государственное издательство. Ленинградъ 1925 г.

Пред. — По должности вашей начальника охраны особы бывшего императора. Вы служили раньше в Киеве. Вы знали тогдашнего начальника киевского охранного отделения, одного из ваших приемников по должности, Кулябко?

Спирид. — Кулябко женат на моей сестре. Мы с ним вместе учились.

Пред. — Сколько у вас было агентов - охранников?

Спирид. — У меня их было 250 человек. Но к ним еще прибавлялись из специальной команды, имевшейся в Петербурге специально для охраны министров и лиц, которых нужно было охранять; вот оттуда и давали когда было мало. Такой отряд был у меня. Он был сформирован, разбит на десятки, десятки соединены в команды, над командами были поставлены жандармские офицеры.

Пред. — Коснемся теперь внутренней стороны — ваших свиданий с Кулябко и Богровым.

Спирид. — За несколько дней я обедал у Кулябко. Обедало несколько человек. Во время обеда Кулябко говорит: «Зайди в кабинет, выслушай, там у меня один молодой человек». Кончился обед, я пошел с Кулябко в кабинет, молодой человек мне был представлен. Кто он, я не знал, — я его видел тогда впервые. И вот этот молодой человек, насколько помню, стал рассказывать при мне Кулябко о заговоре нескольких лиц; указал на партию социалистов - революционеров, сказал, что партия замышляет убийство Столыпина. О государе ни одного слова не было сказано. Это продолжалось несколько минут..... Богров должен был несколько спустя еще нечто сообщить. Кто-то, по его рассказам, должен был приехать, он должен был сообщить в какой дом придут. Вопрос об установлении наблюдения меня не интересовал... Утром в 6 часов я выехал на маневры с бывшим государем верст за 50 и вернулся в 2 часа. Утром же, перед отъездом на маневры, я услышал, что организация, о которой предупредил Богров, приехала. Я взволновался и уже наметил себе некоторый план в смысле переброски наряда. Когда я уезжал с маневров, я условился с дворцовым комендантом Дедюлиным, где я буду стоять при въезде в город и какой подам сигнал — куда государю ехать. Все это есть в показании на следствии. Стоя в Святошах, я должен в зависимости от того, что я узнаю, махнуть таким образом,

и шоффер должен был узнать, куда ехать. Цель была та, чтобы не везти государя по обставленной нарядами улицам... Потому что, раз мы верили начальнику розыска в том, что прибыла террористическая организация, у меня не могло быть уверенности, что она будет оперировать именно против Столыпина, и я не мог подвергнуть этому риску государя.

Пред. — Все таки на основной вопрос вы не ответили. Положение вещей было такое: утром приехала организация, вы заведуете охраной царя, вы придавали этому серьезное значение, допуская, что объект замышляемого покушения, Столыпин, может быть заменен другим объектом, — царем. Что же вы сделали, чтобы узнать, — арестована эта организация или нет?

Спирид. — Очевидно, я спрашивал Кулябко.... Он говорил, что организация приехала, что они сидят у него (Богрова) в комнате, и их нельзя взять: кто-то придет вечером и будет что-то передавать.

Предс. — Но когда вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять, — как вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабьими сказками? Ведь вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит... потому что на улице как раз она может разбежаться, а тут ее и можно захватить наверняка.

Спирид. —Я делал свое дело и не мог... Работа охраны разделяется на два вида. Одной работой ведает охранное отделение, и я ею не ведал. Я теперь не помню о чем говорил Кулябко, но, во всяком случае, мне не было времени вникать в это.

Пред. — Председателей совета министров России убивали не каждый день. Это был все таки исключительный случай. Вы стояли очень близко к этому делу. Вы вероятно волновались за участь вашего родственника Кулябко и за вашу собственную. Как же все обстоятельства этого дела не врезались в вашу память? Вы должны ясно помнить, как Богров в нескольких шагах от бывшего императора убил Столыпина, при чем мог убить и царя.

Спиридович на все вопросы отвечает, что план охраны разрабатывали Кулябко, ген. Курлов и другие приехавшие охранники. Он же был занят все время внешней охраной царя. Весь день 1-го сентября он, с командой своих агентов, следует за царем, который

рано утром поехал на маневры, по возвращении ездили на ипподром, оттуда в Киево - Печерскую лавру — поклониться святым угодникам и их мощам. А вечером предстояло парадное представление в театре, где и произошла драма. Ему, Спиридовичу, пришлось всюду следовать за царем и перебрасывать наряды команды с места на место.

«Может быть это было ошибочно, — говорит он, — но я был слишком спокоен за Кулябку.....»

ДОПРОС СПИРИДОВИЧА

Председатель. — Нам хотелось бы спросить вас, — как вы, ревизовавший дело об убийстве Столыпина, относились к участию в этом деле Спиридовича, Кулябку и самого Курлова?

Трусевич. — Мне задача была поставлена весьма узкая. В конце концов это было производство расследования, по поводу убийства Столыпина, организации охраны его величества и высших должностных лиц в Киеве. Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое только выпадало на мою долю, потому что это был, можно сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайние предположения — о злоумышлении убийства Столыпина ген. Курловым; другие говорили, что абсолютно ничего нет, что это просто примазка Кулябки. В этих пределах нужно было найти точку, которая отвечала действительности. Было давление со всех сторон, но я считаю, что мы провели это дело довольно удачно. Ни в одну из крайностей не впали, а выяснили хорошую середину, которая дала основание для предания Курлова и его помощника суду за бездействие и превышение власти.... я старался вести расследование настолько объективно, — а это не особенно часто бывает, — что административное расследование вылилось в то самое обвинение, которое было в постановлении государственного совета. Я тогда лечился. Меня вызвали, не спрашивая моего согласия, как сенатора. Я явился и выяснил вопрос относительно того, какова моя задача, затем сразу обратился в департамент полиции и взял там дело. При этом оказалось, что департамент полиции был устранен от участия в этом киевском деле. Затем я отправился в Киев. В Киеве я явился в охранное отделение и ото-

брал все документы. Затем приступил к допросу Кулябка. Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, — был ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр? Я установил, что он еще два раза был в толпе, в которой находился Столыпин. Кулябко, после упорных с его стороны запирательств, все таки признал это. Я боялся главным образом, что Кулябко свалит вину на Курлова и прикроется его приказанием. Поэтому нужно было вести дело чрезвычайно осторожно. Мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом. По отношению к Кулябке была обнаружена растрата с подлогом. Это дело было выделено и направлено, и он был осужден. Затем, относительно Курлова было установлено, что он был осведомлен о том, что агент был допущен в театр. Дело было поставлено чрезвычайно неудачно, проверки не было никакой. Я сам установил целый ряд фактов, которыми можно было проверить все заявления этого Богрова. Припоминаю, что там какой то Николай у него на квартире сидел. Оказывается, там была прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое призывание этого Николая в квартире можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что это была сплошная ложь со стороны Богрова. Это я поставил в вину Кулябке.

Председатель. — Вы не ставили задачей установить, — не был ли Курлов прикосновенен к самому факту убийства, — в том смысле, что он принимал некоторое участие?

Трусевич. — Т. е. что это было организованное убийство? — Я начал с этого. На этом вопросе пришлось остановиться, потому что в публике, в особенности в кругах, близких к Столыпину, высказывалось это. Но я должен сказать, что если бы подобная мысль и явилась, то она была бы выполнена какнибудь иначе, а не так как это было в данном случае, потому что привлечь к участию целый ряд людей — это было бы совершенно..... Умышленное убийство было бы безцельно, потому что устранить Столыпина, как политического противника, у Курлова не было оснований; значит, единственный мотив мог быть карьеристический. Но ведь этим убийством он губил себя, потому что раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, — он самую почву у себя из - под ног выбивал этим, и выбил....

В этих показаниях мы слышим отзвуки смутных представлений о деле Богрова, которые господствовали в разных кругах даже административных сфер. В оценку деятельности и настроения самого Богрова все эти сферы мало входят..

МОИ СНОШЕНИЯ С ДМИТРИЕМ БОГРОВЫМ

Теперь, когда я познакомился подробно и документально с жизнью и деятельностью Дмитрия Богрова, с его поведением во время следствия и суда, мои свидания с ним в 1910 году для меня самого являются в совершенно ином свете. Поэтому, при изложении моих переговоров с Богровым, я постараюсь припомнить все подробности, которые лишь теперь получают особое значение.

Но сначала позволяю себе напомнить читателю общий политический момент, при котором произошло мое знакомство с Богровым весной 1910 г. Это необходимо для того, чтобы сопоставить тогдашнее настроение Богрова с моим собственным настроением.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ И ТАКТИКА ПАРТИИ С. - Р.

Партия Социалистов - Революционеров явилась принципиальной продолжательницей программы и тактики партии Народной Воли. Условия их появления на свет — аналогичны. Партия Народной Воли явилась реакцией против господствовавшего в 70-х годах «Бакунизма», т. е. анархизма, полного аполитизма и экономизма. Партия С.-Р. явилась на свет тоже, как реакция против аполитизма и исключительного экономизма господствовавшего в 90-х годах Марксизма. Презренье к политической борьбе, к «конституциям», к парламентаризму, демократизму и всякого рода «реформизму» было столь велико, что подчеркнуть абсолютную необходимость, в интересах социализма, борьбы за политические и гражданские права народов можно было лишь при помощи радикальной, смелой и даже дерзкой революционной тактики.

На Западе были уже в действии, какие ни на есть Конституции и связанные с ними политические свободы. Там можно было заниматься критикой конституций и демократических режимов.

В царской России свободная мысль и гражданское чувство, как в гробу, были заколочены наглухо и не могли не искать себе выхода. И этот выход был найден в громогласном вырывании наиболее крепких гвоздей из крышки гроба народной свободы, — в открытом приятии вызова, брошенного царем всем народам, населяющим Россию, в виде объявления всей страны на военном положении, на положении усиленной и чрезвычайной охраны, позволявшем всевластным опричникам безнаказанно производить в стране всевозможные безчинства и издевательства над человеческим достоинством. В воследовавшей борьбе между самодержавием и организованной партией кровавые безчинства администрации, на языке юристов, назывались «мерами административного порядка», а репликой на них со стороны организованной партии принято было всеми называть «террористическими актами». Ответные меры всегда тщательно обсуждались — и с точки зрения правосудия, и с точки зрения общественной и политической целесообразности. А по обсуждению, приговоры объявлялись во всеобщее сведение, или же партия объявляла, что совершившийся акт имел место по постановлению партии.

Конечно, всякая война и человекоубийство — вещь самая омерзительная. Но сами юристы различают поступки агрессивные и акты самозащиты. Многие не прочь террористические акты уподобить «Линчу». Но американский линч часто совершается над лицами уже осужденными, и притом совершаются властной толпой, над беззащитными лицами: при линче — «лежачаго бьют!» В террористических актах выражается обдуманная и целесообразная самозащита слабого от произвола сильного, и при том при условии отсутствия каких либо легальных средств самозащиты.

Несмотря на манифест 17 октября 1905 года и на созыв 1 Государственной Думы, партия С. - Р. решила воздержаться от выборов и от участия своих представителей в Г. Думе. Не доверяя словесным и письменным заявлениям слабоумного и слабовольного царя, ответившего кровопролитием на восторженный прием первой вести об обещанной свободе, партия С.-Р. решила не разоружаться, не заявлять о прекращении своей боевой деятельности и потому не принимать участия в выборах, пока правительство не докажет, что оно действительно вступило на путь культурного и демократического развития. Первая Государственная Дума

была бессмысленно разогнана, как революционная. Правительство решило опереться на крестьянство, которое царское правительство, вслед за социал демократами, считало самой главной консервативной силой. При выборах во II Государственную Думу, крестьянству были предоставлены всевозможные авансы.

Несмотря на то, что разгон I Г. Д. сопровождался небывалым правительственным террором, карательными экспедициями залившими кровью всю страну, от Балтики до отдаленной Сибири, партия С.-Р. решила прекратить боевую деятельность и дать самодержавию бой на поле легальной избирательной борьбы и влияния партии на рабочие и крестьянские массы.

Известны результаты: II Государственная Дума, благодаря крестьянству, оказалась более радикальной, чем I-я, с резко выраженными социалистическими тенденциями.

На сцену выступает Столыпин, который цинично пользуется провокацией, создает военный заговор, в котором обвиняет самых мирных социалдемократических депутатов - меньшевиков, ссылает их на каторгу, а II Г. Думу разгоняет твердой рукой, издает новый избирательный закон, созывает новую «Третье - июньскую Г. Думу, и столь же решительно принимается землеустроить крестьянство, уничтожить общинное владение землей и насаждать «кулаков». На социалистов открылись гонения.

Чтобы выяснить свое отношение к новому положению вещей, Партия С.-Р. в 1908 г. устраивает партийный съезд в Лондоне, где решает, в виду пробуждения широких народных масс, обратить усиленное внимание на организацию подпольной деятельности, не исключая и боевой. Это был замечательный Съезд, на котором присутствовали поседевшие в боях и крепостях ветераны и вожди партии Народной Воли, начиная с Веры Фигнер, Германа Лопатина, Фроленка и кончая А. Н. Бахом, автором «Царя Голода». Всеведущих местных репортеров умоляли держать язык за зубами. Съезд был окутан тайной полишинеля. Только представители Британской социалдемократии, Гайдман и Грин, пришли приветствовать приезжих гостей. Единственной погрешностью этого партийного Съезда было то, что на нем присутствовали два самых злостных провокатора, агенты русского охранного отделения, стоявшие в центре, или близь центра партии Эсэров: тол-

стый и безобразный Евно Азеф и изящная, как змейка, красавица Гернгрос - Жученко, хорошая знакомая В. Л. Бурцева.

Во исполнение партийного решения все активные силы партии направились в Россию, дабы восстановить и расширить организацию партии, привлекая симпатии огромных масс рабочих и крестьян. Бабка Брешковская оставалась в России, по привычке жила под чужими именами и без указания партии продолжала заниматься революционной культурно просветительной деятельностью, организуя подпольные и надпольные крестьянские газеты и кружки молодежи. Николай Васильевич Чайковский, всей душой отдавшийся делу свободы родного народа, жил тоже под чужими именами, скрываясь от зорких глаз вышколенной русской полиции, которую он когда - то знал столь же расхлябистой, наивной и благодушной, как и тогдашние революционеры. Осип Соломонович Минор, возглавляя целую компанию молодежи, тоже с жаром окупился в подпольную организационную работу на Волге и Кавказе. Несмотря на всеобщую подавленность и растерянность, отразившиеся и на настроении нашей партии, все отдались революционной работе с полной энергией и новыми надеждами.

Каковы бы ни были преследования со стороны русского правительства, но всеми чувствовалось и сознавалось, что с революцией 1905 года вынужденным манифестом 17 октября, старая, дворянская Россия умерла, и начинается агония старого порядка. И партийная работа вновь закипела.

ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ

В сердце партии С.-Р. давно уже сидел ядовитый гад и отравлял ее существование. То был Евно Азеф, которого я знал раньше всех, когда он был еще студентом и года два приезжал из Германии ко мне в Швейцарию, в компании с другими студентами, провести на лоне природы лето и попить молоко....

В последние годы Азеф производил на меня, как и на множество других лиц, отвратительное впечатление, но у многих доверие к Азефу было так велико, что никаким анонимным сообщением о его предательстве лица, стоявшие близко к Боевой Орга-

низации, не хотели верить. Через некоторое время после того как «дама под вуалью» передала в Москве Т. Ростовскому письмо, предостерегающее о предательстве Азефа и Татарова, я тоже получил анонимное письмо в Швейцарии за подписью «Доброжелателя», сообщающее, что «Член Ц. К. партии С.-Р. Евно Азеф состоит сотрудником охранного отделения. Считайтесь с последствиями.» — Я передал это письмо кому следует, но Азеф продолжал пользоваться безграничным доверием, связанных с ним лиц. В конце 1908 г. Минор и компания провалились в Саратове. Бабка Брешковская была выдана, Николай Чайковский — тоже. Оба они были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость. По всей России Столыпин при помощи Азефа стал «ликвидировать» все подпольные организации эсэровской партии. Началось физическое опустошение партии, к которому присоединился еще более страшный, моральный удар: предательство Азефа было вскрыто, удостоверено, и он скрылся безнаказанным с политического горизонта....

Сидеть за границей в то время, когда множество близких людей томится в тюрьме, страшно тяжело. В 1907 г. после 17-летнего отсутствия из России, я впервые поехал в Петербург и легализировался, получив законный паспорт от самого Петербургского градоначальника. После памятного разгона II Государственной Думы, я впервые поехал навестить мой родной город Самару и родную Грачевку, и осенью этого года по законному заграничному паспорту вернулся к себе в Швейцарию. Так что, когда явилось непреодолимое желание стать поближе к опасности, я без всяких препятствий, весной 1909 года приехал в Петербург, где заранее мне было обеспечено место секретаря в Битнеровском «Вестнике Знания», весь административный, редакционный и канцелярский состав которого был битком набит эсдеками и эсэрами.

При моем приезде, редакция «Вестника Знания» находилась на Старо - Невском проспекте. Позднее она перешла на Невский № 40, тот адрес, о котором упоминает Богров в своем показании. Помещение нашей редакции было как раз над помещением конторы и редакции «Нового Времени» Суворина, и радикальная публика часто остряла о близком и тесном сотрудничестве двух почтенных органов мысли.

Эти два незабвенные года я прожил на правах семьянина, в

семье старого товарища по процессу 193-х, Ивана Ивановича Добровольского, его жены Марьи Эдуардовны, тоже сопроцессницы, и их дочери, Лидии, позднее — жены инженера Чихачева. Жили мы на Кавалергардской улице близ Смольного монастыря, куда и явился впервые ко мне Дмитрий Богров.

Кроме литературных кругов я имел знакомства в самых разнообразных слоях, с многими благонамеренными лицами, посещавшими меня в Швейцарии; Пантелеевы, Родичевы, Кальмановичи и другие — целыми семьями бывали у меня в Божии. Я жил открыто, т. е. безбоязненно, посещая и генералов и пролетарскую шпанку с одинаковым рвением. С подпольным миром я сносился весьма осторожно, через избранных членов Петербургского партийного комитета. Из сенсаций, время от времени нарушавших спокойное течение дел в этот период, был суд над Бабкой Брешковской и Николаем Чайковским, на котором я тайно присутствовал. Затем последовала ссылка Бабки в Сибирь и хлопоты о ее снаряжении, оборудовании и отправке, усиленные и тщетные хлопоты о разрешении мне свидания с ней, когда ее перевели после суда в пересыльную тюрьму, — в ту самую тюрьму, куда годом позднее я был сам переведен из Дома Предварительного Заключения для отправки в Сибирь. Вслед за этим произошел суд над Минором и бессмысленно жестокое осуждение на 8 лет каторги. Нелегально работавший в России член Ц. К. Зензинов, был вскоре тоже арестован и сослан в В. Сибирь к самому Ледовитому океану. Наконец, к этому же времени относится дело Петрова и убийство начальника петербургского охранного отделения Карпова. Все это и многое другое создавало повышенное настроение, внушая в тоже время особую осторожность. Для иллюстрации тогдашнего положения в правительственном и революционном подполье, небезполезно напомнить читателю упомянутое дело Петрова и убийство Карпова, в 1909 году., почти за год до приезда Богрова в Петербург.

Подыскивая удобный предлог для разгона II Г. Думы, Столыпин использовал провокационные услуги сотрудницы охранного отделения Шорниковой, «работавшей» среди социалдемократов. Через Шорникову Столыпин достал и прочел копию «Наказа», который потом был взят при аресте военной депутации к с.-д. фракции Гос. Думы. Члены Г. Думы заплатились за это каторгой,

а присутствовавшая при передаче «Наказа» шорникова «благополучно» скрылась.

Когда Азеф провалился, т. е. был изобличен, Столыпин был очень огорчен и искал кандидата на его место для «обработки» Боевой Организации партии С.-Р. Чорт тотчас же пришел на помощь. Некто Петров, осужденный на каторгу и сидевший одновременно с Минором в Саратовской тюрьме, бывший ревностным эсэром, заявил местному жандармскому начальнику о своем желании рассказать начальству о всем, что творится в эсэровской партии, начиная со своих геройских подвигов. После долгих переговоров, Петров был вытребован в Петербург и вошел в переговоры с начальником охраны Герасимовым. Петров предложил помочь ему бежать из тюрьмы, с тем чтобы уехать за границу и там, пользуясь связями с Минором и другими эсэрами, вступить в Боевую организацию, и таким образом занять место скомпрометированного Азефа. Доложили об этом Столыпину и Курлову, Столыпин одобрил, и все исполнилось, как по щучьему веленью. Петров был отправлен обратно в Саратовскую тюрьму, откуда он совершает геройский побег; перед отъездом за границу видится с Герасимовым, просит для успеха дела освободить другого известного эсэра, его товарища Бартольда, которого нужно отпустить тоже за границу. Герасимов обещал сверх того послать в Париж, на помощь Петрову, специального офицера - охранника, Долгова, который был бы тайным между ними посредником. Между тем Петров, приехав за границу, рассказал эсэрами, как, при каких условиях и для чего он бежал и приехал. Центральный Комитет потребовал, чтобы Петров написал подробную исповедь, а затем, во исполнение желания премьера Столыпина и генерала Герасимова, отправился, в качестве члена Боевой Срганизации, обратно в Петербург и там «вызвал на дуэль» Герасимова, а если здоровье позволит, то и Столыпина или Курлова. Петров через Финляндию приезжает в Петербург и хочет видеть Герасимова. Герасимов, как раз в это время оставил пост начальника охраны, и рекомендовал Петрову в дальнейшем иметь дело с его приемником, полковником Карповым. Петров был очень огорчен, что принужден расстаться с своим любимым генералом. Но Карпов утешил его; сказав, что Герасимов отказался видеться с Петровым вследствие прямого приказа, товарища министра внутренних дел Курлова, который от-

носится враждебно к Герасимову. Сам Карпов, полагаясь на рекомендацию опытного охранника Герасимова, целиком уверовал в Петрова. Петров, воспользовавшись версией Карпова о вражде между Герасимовым и Курловым (что было верно), в свою очередь, уверил простоватого Карпова, что Герасимов и Столыпин бесчестные люди, которые подкапываются под Курлова, Висарионова и под него, Карпова. Петров берется доказать это. Пусть Карпов даст Петрову возможность по душе побеседовать с Герасимовым, а он, Карпов, Курлов или Виссарионов пусть послушают как тот будет отзываться об них. Карпов заинтересовался и согласился. Для этого была снята специальная конспиративная квартирка, которую Петров должен был оправить, оклеить и мебелировать. Петров это сделал: «оправил, оклеил и мебелировал», поместив под столом гостинной изрядную динамитную бомбу, провода которой выходили за наружную дверь для замыкания электрического тока. На новоселье Карпов пришел к Петрову в сопровождении одного филера. Сел за стол, покрытый белой скатертью. В его голову пришла несчастная мысль: ему показалась скатерть недостаточно чистой, и он сказал филеру, чтобы тот принес чистую скатерть. Петров пришел в ужас: при перемене скатерти махинация с проводами непременно обнаружится. Он поспешно поднимается, говоря, что сам достанет скатерть; выходит наружу за дверь, смыкает провода и адская машина производит свою адскую работу. Карпов был убит, филер ранен, но и Петров, задержанный на улице, вскоре был казнен. По замыслам Петрова от взрыва должен был погибнуть и Герасимов, если не Курлов. И Курлов и особенно Столыпин все время пребывания Петрова за границей интересовались его благополучием, спрашивая: «Не провалился ли он?» (*Примечание:* См. «Падение старого режима», т. III. Допросы ген. Герасимова и других).

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С БОГРОВЫМ

Дело было, действительно, как раз на Троицу 1910 г., и при обстоятельствах, правильно изложенных в докладе Кулябко департаменту полиции, от 2-го сентября 1911 г. Был теплый, солнечный день. Мы только что пообедали в 2 часа. Вдруг мне

сообщают, что какой-то господин пришел и спрашивает, — можно ли меня видеть? Я просил пригласить пришедшего в мою комнату. Вскоре дверь отворилась, и в комнату вошел довольно высокий, стройный и изящно одетый молодой человек, который поклонившись, спросил:

— Простите.... Вы будете Егор Егорович Лазарев?

— Я самый... Чем могу служить?

— Я имею к вам экстренное поручение: передать вам вот эти письма, которые привезла из Парижа одна дама, остановившаяся у Кальмановича. Письма ей поручили передать немедленно по приезде в Петербург вам, по адресу редакции «Вестника Знания». Но, по случаю праздников, контора редакции заперта, и сегодня утром, она там все не нашла. А между тем письма весьма горячие, она там вас не нашла. А между тем письма весьма спешные: ей было сказано, чтобы она ни минуты не ждала и по приезде немедленно вам письма передала. Я только что от Кальмановичей. Но они тоже на даче в Финляндии. Ему тоже есть письмо. Кальмановичу послана экстренная телеграмма, чтобы немедленно приехал. Эта дама моя хорошая знакомая. Она была в отчаянии, что не может тотчас же выполнить поручение. Я решил ей помочь — и взялся немедленно найти вас и передать письма. Я это делаю с тем большим удовольствием, что мне необходимо было повидаться с вами. Даже более того, я, собственно, и в Питер приехал, чтобы повидаться с вами.

Я пригласил его сесть и стал разбирать письма, тщательно рассматривая их.

— Здесь есть письмо для члена Гос. Думы Булата.... сказал я.

— Она была и у него. Его нет в городе. В этом случае, приезжей сказано, чтобы все письма передать вам.

— Как прикажете?.... Переговорить о вашем деле сначала, если вы имеете еще чтонибудь сказать, или вы позволите мне сначала прочитать письмо? — обратился я к Богрову.

— Егор Егорович, мне нужно переговорить с вами об очень важном деле. Я просил бы вас уделить мне свободный час. Если позволите я приду в другое, назначенное вами время. А теперь я не смею отнимать ваше время.... Я уйду на полчаса, чтобы не мешать вам, и потом зайду. Может быть вы захотите чтонибудь спро-

сить приезжую даму, повидать ее или сообщить чтонибудь? Я человек свободный и весь к вашим услугам.

— Зачем уходить? Сегодня праздник, я свободен. Сейчас увидим, нужно ли приезжую видеть.

Письмо, действительно, было спешное. Между прочим, требовалось предупредить скрывавшегося товарища о том, что его место пребывания открыто и чтобы он немедленно исчез оттуда. Не отрываясь от письма глазами, я обдумывал, что делать. Обсудив положение и решив повидать в тот же день Кальмановича и других нужных лиц, я спокойно положил письмо в карман и обратился к гостю.

— Все равно ничего нельзя сделать: два дня праздников и нужные учреждения будут закрыты. Не во время приехала. Если ничто не задержит, я постараюсь быть у Кальмановичей. А теперь я к вашим услугам. Позвольте узнать с кем имею дело?

Новоиспеченный помощник присяжного поверенного, Дмитрий Григорьевич Богров. Вам мое имя ничего не скажет. В торжественных случаях я прикрываюсь славой моего дедушки, написавшего свои «Записки старого еврея». Я чувствую себя в очень неловком положении, приступая к делу, которое меня интересует. Неловкость заключается в том, что вы меня совсем не знаете, а я вас знаю давно. Между тем дело, по которому я обращаюсь к вам, чрезвычайно деликатное и требует полного и с вашей стороны ко мне доверия. Я не знаю, удастся ли мне внушить вам необходимое ко мне доверие. Но я прошу вас облегчить мне эту задачу. Ибо без вашего доверия все мои планы разлетаются прахом.

Я чувствовал по тону, что он как будто бы стесняется сказать про свои, какиенибудь любовные похождения, и смеясь поощрил его:

— Выше предисловие сразу захватывает любопытство слушателя, как в хорошем французском романе, который начинается картиной: «На башне св. Мадлены пробило 12 часов ночи, когда фигура, закутанная в черный плащ... и т. д. Говорите прямо: перестали учиться, хотите жениться или губернаторское место получить? Будьте покойны, — с моей стороны препятствий не будет.

Богров улыбнулся, но, сразу понизив голос, спросил:

— Я хотел бы побеседовать с вами абсолютно конфиденциально. Нам никто здесь не помешает?

Я встал, отворил дверь в зало, заглянул. Там никого не было.

— Я живу у своих хороших знакомых. Мы совершенно одни. Можете говорить.

Богров прошелся несколько раз по комнате, и потом, подойдя близко ко мне, вдруг выпалил:

— Я решил убить Столыпина...

— Чем он вас огорчил? — спросил я, стараясь не показать свое удивление.

— Вам кажется это шуткой или сумасшествием с моей стороны. В этом и беда, что я-то вас знаю, а я для вас фигура темная. То, что я сказал, не шутка и не сумасшествие, а обдуманная задача, которую я решил во что бы то ни стало выполнить.

— Тогда — за чем же дело стало? Что же, вы хотите пригласить меня в компанию или в секунданты?...

— Егор Егорович, вам, повидимому, смешно, а мне очень тяжело. У меня нет подходящих товарищей, с которыми я мог бы посоветоваться. Я рассчитывал, что вы серьезно отнесетесь к моему сообщению.

— Дмитрий Григорьевич, у каждого человека есть свойственный ему темперамент. Предоставим свободу каждому быть самим собой. Вы человек серьезный, я человек шутливый. Но будьте уверены, что я слушаю вас с величайшим вниманием. Позвольте мне быть с вами столь же откровенным, каким вы являетесь сами. Это нужно, чтобы не было никаких недоразумений. И так, — почему вы рассерчали на Столыпина и почему обратились ко мне?

— Столыпина лично я никогда не видал. Но думаю, что он является теперь самой зловредной фигурой и вождем правительственной реакции. Укажите другое, более зловредное лицо, и я вам буду очень благодарен.

— Итак, ваши разногласия со Столыпиным чисто идеологического свойства. Почему же вы обращаетесь к моему посредничеству? Чем я могу быть полезным, чтобы удовлетворить ваши желания?

— Вы должны знать, что я не новичек в идейном движении. С гимназической скамьи я прошел всю гамму прогрессивных воззрений, от либерализма до анархизма включительно. И предавался их изучению с большим энтузиазмом. Дальше анархизма идти было некуда. А я им также искренно увлекался. Пройдя всю эту идейную гамму, я, наконец, пришел к заключению, что чем идеи радикальнее, тем они более утопичны. Я и теперь ценю моральную силу анархизма, но для обширных массовых движений и общественных переворотов необходима организованная партийная деятельность. Индивидуальное воздействие, или реакция, на среду совершается больше по вдохновению или настроению и не обращает внимания на настроение общества или народных масс, тогда как для определенного воздействия на массы человеческая деятельность должна быть не только индивидуально моральной, но и общественно целесообразной. Если бы я выступил с боевым актом перед своими товарищами раньше, то все анархисты одобрили бы мой поступок, но помочь мне не могли бы, а если бы помогли, то при настоящих условиях только дискредитировали — бы крупный общественный и политический акт. Выкинуть Столыпина с политической арены от имени анархистов, я не могу, потому что у анархистов нет партии, нет правил, обязательных для всех членов. Совершив удачно намеченный акт, я мог бы только ангажировать одного себя, заявив, что я действую от своего имени. Кем бы индивидуально я ни был, анархист, монархист или безпартийный. Чтобы вы лучше поняли мою мысль и мое настроение, представьте такой случай: завтра какойнибудь пьяный хулиган покончит случайно со Столыпиным, или ревнивый муж пристрелит министра за его непрошенное вмешательство в чужую семейную жизнь. Во всех этих случаях — Столыпин становится безвредным и устранен с политической арены. Я спрашиваю, какое политическое значение будет иметь при таких условиях смерть или удаление Столыпина? Не более, чем нормальная, естественная смерть, т. е. — никакого политического значения. Теперь возьмите мой случай. Представьте себе и поверьте на время мне, что я решил безповоротно устранить Столыпина, по моим индивидуальным идеологическим соображениям. Теперь я вполне понимаю, что всякое индивидуальное действие лишь ослабит и воспитательное и политическое значение столь крупного факта. Другое

дело, если бы хорошо организованная партия, в роде партии социалистов - революционеров, согласилась использовать мой акт, и в случае его удачи, санкционировать его как совершенный по постановлению, или просто с согласия партии....

— Браво!... Я начинаю понимать. Продолжайте.

— Продолжать, в сущности, нечего. Вы теперь ознакомились с моими взглядами и положением и понимаете цекотливость моего положения, а именно того, чтоя обращаюсь к вам, будучи вам совершенно неизвестным. Я решил обратиться к вам, оправдывая это решение тем, что я компрометирую этим не вас, а себя. Вы понимаете, что мне не с кем откровенно поделиться и посоветоваться. Когда у меня окончательно созрело решение покончить со Столыпным, я стал искать путей, чтобы войти в сношений с вашей партией и получить от нее санкцию моего выступления. Через знакомых лиц я узнал, что с Ц. К. партии можно войти в сношения через Николая Александровича, который теперь в Москве, или через Нину Александровну, которая должна быть в Петербурге. Но я узнал, что вы здесь, и решил приехать к вам. Чем бы ни кончились наши переговоры, решение мое неизменное. Я вам откровенно скажу, что я формально записался помощник. присяж. поверенного в Киеве, но я приехал сюда, в расчете быть ближе к цели. Чтобы получить право проживания здесь, я рассчитываю записаться в помощники к Кальмановичу или к одному из здешних присяжных поверенных. Вообще, я надеюсь основаться здесь, а не в Киеве. Итак, — вот каково положение. Обдумайте хорошенько. Наведите обо мне справки, и в случае благоприятных сведений, помогите добиться санкции партии. Это все, чего я добиваюсь. Что вы скажете?

— Этот вопрос не так прост, как вы его себе представляете. Такие вещи экспромтом не делаются Боевые выступления партии после тщательного обсуждения производятся по определенному плану, определенными лицами, которые, в сущности, идут на смерть, — вы не забывайте этого, — идут, конечно, совершенно добровольно как и вы, но поведение которых находится под контролем. Участники должны быть люди партийные, надежные, преданные, лично известные по крайней мере тем членам Ц. К., которые ведают Боевой Организацией. Вы же предлагаете экспромт.

Вы же сами говорите, что вы - то меня знаете, а я вас в первый раз вижу. Когда партия санкционирует боевой акт, она берет на свою ответственность не только все последствия акта, но и ответственность за личное поведение участников в нем. На откровенность позвольте ответить откровенностью. Я вас не знаю, но лично я вам верю. И однако, этого не достаточно. В этом деле больше чем в каком либо другом, все зависит от настроения, темперамента и силы воли. Настроение людей бывают переменчиво. Скажу больше: в этом отношении хорошо ли вы знаете сами себя?

— О моем настроении не беспокойтесь. Я пришел к вам не случайно и не экспромтом. Я знаю, на что иду и знаю все последствия. Я не новичек в революционном движении. Но все теоретические споры мне опротивели. Нужны дела, а не слова. Не все способны к активной и боевой деятельности — я это понимаю, — но не следует загораживать дорогу тем, которые сами рвутся в бой и, может быть, не способны ни на какую мирную и чисто культурную деятельность.

— Позвольте мне высказать мои мысли вслух: заметил я. Я смотрю на вас и люблюсь: Какой блестящий молодой человек, — умный, начитанный, бывалый, — что называется — из молодых да ранний; вся жизнь у него впереди; сколько добра и пользы мог бы людям принести... и вдруг — разочарование... — Что ж, вы Печорина в себе чувствуете? Вы простите, Д. Г., в таких делах люди должны говорить откровенно, устраняя всякую мысль об обиде. Я спрашиваю вас, что вас побуждает, человека молодого, цветущего здоровьем, брать на себя столь радикальную инициативу и ответственную роль.

— Я человек состоятельных родителей, учился в Мюнхене и знаю и изъездил почти всю Европу. Я был в Швейцарии с матерью и жил не подалеку от Клара на вашей фермы. Я слышал и тогда про вас, но познакомиться не удалось. А я был падок тогда и на революционные теории и на самих революционеров. Я знал множество выдающихся лиц - революционеров, социалистов и анархистов почти всех стран Европы. Анархисты привлекали меня своей последовательностью. Не в условиях З. Европы, при полной политической свободе в большинстве стран, деятельность анархистов раздваивается. Теоретики и такие святые люди, как Крапоткин, Реклю. Ньюенгюис и др. — простые мечтатели, а вульгарные

анархисты представляют полуграмотный сброд из которого набираются провокаторы или выходят такие артисты, как Раваполь и К-о. Я пришел к заключению, что в русских условиях систематическая революционная борьба с центральными правящими лицами единственно целесообразна. В России режим олицетворяется в правящих лицах, которые тем и сильны, что остаются неизвестными и недоступными.

— Почему же вы облюбовали Столыпина, а не другое лицо, — если вы признаете центральный террор?

— Потому что, по моему, важнее Столыпина только царь. А до царя мне добраться, одному, почти невозможно. Но если бы партия взялась мне помочь, я отдался бы охотно в ее распоряжение.

— Вы еврей? — спросил я.

— Еврей.

— Тогда — вы человек неподходящий....

— Как так? Почему?

Потому что партия не позволяет нашего батюшку царя евреям убивать.....

— Вы думаете — из боязни еврейских погромов?

— Главным образом — поэтому. Вообще, не представляйте участия партии в боевой деятельности столь упрощенно. Захотелось вам убить Столыпина, партия сейчас — санкцию: бей в мою голову! Индивидуальный террор может быть очень вреден даже тогда, когда он направляется на осужденных уже партией лиц. Почему, напр., вы думаете, что партия оставила Столыпина в покое? В истории революционного движения были такие случаи, когда таких любителей — одиночек, как вы, товарищи запирали в карцер, чтобы он своим вмешательством не помешал уже организовано поставленному предприятию.

— Тогда пусть партия укажет какое угодно другое лицо. Я готов отдать себя в полное распоряжение партии.

— Отчетливо ли вы сознаете, что делая это предложение, вы осуждаете себя на смерть?

— Если бы я этого не сознавал, я не обратился бы к вам. Я пришел просить не материальной или технической помощи партии, а помощи идейной и моральной. Я хочу обеспечить за собой уверенность, что после моей смерти останутся люди и целая

партия, которые правильно истолкуют мое поведение, объяснив его общественными, а не личными мотивами.

— И все таки, возникает еще один очень важный вопрос: Вы видите, что не партия, а вы сами берете на себя инициативу как в выборе лица, которое нужно устранить, так и в способах этого устранения. Но, чтобы санкционировать, при таких условиях, ваше выступление, партия должна знать вас основательно и убедиться, что вы способны не только выполнить акт, но и с надлежащим достоинством держать себя на следствии и суде. А для этого требуется необыкновенное мужество. Партия С. - Р. открыто объявила на жизнь и смерть войну самодержавию. Это правда. Но согласитесь сами, что партия, взявшая на себя страшную ответственность за судьбы своей страны перед целым светом, не может относиться к своим боевым выступлениям легкомысленно, санкционируя экспромтом предложение первого встречного. Боевые акты в гражданской войне являются более одиозными, чем массовые убийства при внешней войне. Эта одиозность может быть — если не покрыта, то значительно ослаблена в общественном мнении только проявлением высокого энтузиазма, самопожертвования и, если хотите, — истинного патриотизма. Только при таких условиях боевые акты могут быть целесообразны и находить себе оправдание. Поэтому и в Боевую Организацию принимаются не все желающие, а лица, проявившие себя в работе в партии, люди известные и испытанные, на которых можно положиться, что они исполнят свой долг до конца и поддержат честь и достоинство партии и дела, которое она защищает. Боевая деятельность, более чем всякая другая революционная деятельность, должна быть добровольной, т. е. исключавшей всякое принуждение или искусственное давление. Только полная самоотверженная готовность исполнить свой долг до конца, — до смертного конца, — дает людям силу выносить страшные волнения и часто долги лишения в период приготовления к последней битве... С внешней стороны ваше предложение есть акт вполне добровольный. Но для меня вы являетесь лицом совершенно не знакомым. И позвольте спросить вас еще раз, — знаете ли вы сами себя? т. е. ручаетесь ли вы сами за себя? Не действуете ли вы под давлением какой либо временной, так сказать «навязчивой» идеи? Seriously советую и прошу вас, обдумайте хорошенько еще раз и проверьте себя .

— Мне очень тяжело вас слушать, Е. Е., Несомненно, вы очень добрый человек, но я пришел не проповеди слушать, а просить совета и помощи. Вы считаете меня неразумным мальчиком. Но я много пережил и много передумал. Решение мое неизменное. Никто больше Столыпина не заслуживает особого внимания революционеров. В этом и вы, конечно, согласны. Удар в центр быть может был бы более внушительен, но мне, решившему действовать на свой страх, это не по силам. А со Столыпиным я надеюсь справиться один. Повторяю: я знаю, на что я иду, знаю и последствия. Я прошу об одном, чтобы в общих интересах мое выступление сделать внушительным и целесообразным.

— Разрешите мне задать вам два вопроса.

— Пожалуйста. Я признаю за вами право отнестись ко мне самым строгим образом. Вы имеете право знать все и спрашивать обо всем.

— Сколько вам лет?

— Примерно 23.

— Вы получили образование за границей. Имеются у вас собственные средства?

— Своих средств нет, но у меня отец состоятельный человек.

— Вообще, я не понимаю, — откуда взялся у вас такой пессимизм?

— Как?... Почему пессимизм?

— Подумайте сами. Вы блестящий молодой человек, даже еще не успевший совсем расцвести... Умный, образованный, повидавший свет... Если не красавец, то недурен собой. Короче сказать, перед вами открывается блестящая карьера в любой отрасли общественной жизни. При желании вы можете принести огромную пользу культурной работой, не прибегая к таким крайним мерам. И вот, когда перед вами открывается настежь дверь общественной жизни и деятельности, вы вдруг заявляете «Не хочу жениться, хочу застрелиться». Потому что ваше предложение с посторонней точки зрения кажется именно таким нелепым парадоксом.

— Что же, по вашему, молодые люди не должны участвовать в боевой деятельности....

— Нет, в Боевой организации огромное большинство всегда состояло из молодых энтузиастов. Но там они сознавали себя звеном в цепи сложной партийной работы. Как в армии существуют

разного рода оружия: пехота, кавалерия, артиллерия, так и в политической борьбе необходимо разделение труда. Артиллеристы, стоя в укромном месте, не чувствуют себя изолированными или забытыми. Они знают, что они исполняют определенную функцию в сложном процессе планомерной борьбы. Они знают, что имеются люди, вожди, которые скажут, когда нужно выступать или отступать. Доверие к вождям, вера в правое дело устранивает из головы организованно действующего человека заботу и тревоги за исход сложного целого. Он понимает, что успех этого целого зависит от поддержания дисциплины, от согласованности действий, от своевременного исполнения своих обязанностей, т. е. приказов со стороны лиц, специально наблюдающих за общим ходом битвы или движения. Тогда внимание отдельного воина сосредоточивается на выполнении только своих специальных обязанностей, часто чрезвычайно мелких и в то же время абсолютно необходимых. Когда сражение кончается победой, честь победы принадлежит всем, от простого солдата до главнокомандующего. Все это столь же справедливо и в сфере социальной или политической борьбы! При разделении труда, работа каждого чрезвычайно облегчается, потому что упрощается. Не такого положение ваше, вы сами по себе, один представляете целую армию: вы хотите быть и главнокомандующим и простым рядовым солдатом. Вам приходится ставить и цели, определять пути и средства для их достижения и приводить все это самому в исполнение. Не мудрено, если при таких условиях окажутся пробелы либо в определении целей и средств, либо в их достижении и практическом приложении. Вы и швец, и жнец, и на дуде игрец. Не всякий, конечно, способен быть членом боевой организации, но те молодые люди, которые, после многих испытаний, входят, наконец, в Боевую Организацию, только по своему желанию переменяют один род партийной или общественной службы на другой. Это вступление в члены Б. О. вызывается и сопровождается не пессимизмом, а наоборот, — усиленным оптимизмом, даже энтузиазмом, который совершенно удаляет мысль о предстоящей опасности и мысли о будущем: «Что-то скажет княгиня Марья Алексеевна»? Что бы ни случилось с ним, он знает, что его интересы и интересы партии, а значит интересы страны, народа или человечества совершенно тождественны. Есть люди близкие, товарищи, которые будут защищать его идеи, его

действия, и как бы ни безнадежно было современное положение, но придет время, и будущие поколения поймут мотивы его деятельности, поймут и оправдают поступки его. Повторяю, ваше положение совершенно иное. Вы идете на смерть в одиночку, без связи даже с близкими товарищами. Такое поведение указывает на какое-то разочарование, на утрату веры в идеал, в красоту общественной жизни, на равнодушие к своей собственной жизни. Вот что я называю большим пессимизмом, который не вяжется ни с вашим возрастом, ни с вашим общественным положением.

— Какой же ваш ответ на мое предложение, которое я после долгих размышлений решил поверить вам? Примите во внимание, что с такими предложениями и совещаниями не ходят славить из двора во двор. Мне не с кем больше посоветоваться о моих планах. Поэтому, подумайте на досуге о том, что я вам сказал, и позвольте мне еще раз зайти и побеседовать с вами. Я питаю надежду, что, наведя справки обо мне и ознакомившись лично со мною, вы отбросите филантропию и перестанете жалеть легкомысленного молодого юношу, который хочет сметь свое мнение иметь, не спросивсь более зрелых людей. Я вижу, — ваше настроение отеческое, а не деловое. Вы хотите наставить меня на путь истинный, дабы я усердно занимался своей адвокатской практикой и между прочим всякой иной культурной деятельностью; почитывал и пописывал революционные брошюры, и т. п. А между тем вы ведь, знаете лучше меня — во что обошелся манифест 17 октября. Ведь, после уже манифеста карательные экспедиции залили рабочей и крестьянской кровью всю страну. Где I и II Думы? Ведь всему свету известно — как и при каких условиях они были разогнаны и какими последствиями сопровождались. Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных вождей. Евреи никогда не забудут Крушеванов, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев. А где Герценштейн? а где Юлос? Где сотни и тысячи других растерзанных евреев — мужчин женщин и детей, с распоротыми животами, с отрезанными носами и ушами? Если в массах и выступают иногда активно против таких злодеяний, то расплачиваться в таких случаях приходится «стрелочникам», главные же виновники остаются безнаказанными. Указывать массам действительных виновников лежит на обязанности социалистических партий и на интеллигенции вооб-

ще. Вы знаете, что властным руководителем идущей теперь дикой реакции является Столыпин. Я прихожу к вам и говорю, что я решил устранить его, а вы мне советуете вместо этого заняться культурной адвокатской деятельностью... Я это объясняю только тем, что вы не подготовлены к обдуманному ответу. Поэтому, я прошу вас обдумать мое предложение и затем, — позвольте мне зайти к вам в другой раз. Время и место укажите сами. Я человек свободный и готов явиться к вам по первому призыву. Я надеюсь, что в следующий раз мы скорее пойдем друг друга.

— В этом отношении наши роли меняются: вы большой оптимист, а я, напротив, пессимист. Во всяком случае, если ваше намерение неизменно, то при всех условиях вы должны вести себя так, чтобы впоследствии не скомпрометировать тех лиц, которых не следует компрометировать. Все свои знакомства вы должны ограничить, — так сказать — присутственными местами... Со мной, официально, вы встречаться не должны, даже у Кальмановичей, где я часто бываю. Приходите через неделю тоже в воскресенье, но вечером, часов в 9.

На прощанье Богров с улыбкой и изысканной вежливостью просил извинить его, за его часто непочтительные возражения. На это я ответил тоже улыбкой и глубокой благодарностью ему — за то, что я так дешево отделался за свои неуместные советы и проповеди.

Таким образом, мы расстались очень довольные друг другом, после двух или трех часов беседы.

СПРАВКИ

Тотчас же после ухода Богрова я отправился исполнять поручение. В тот же день был послан нарочный, который должен был предупредить скрывавшегося товарища.

Поздно, вечером того же дня, я пошел к Кальмановичу, который в ту же ночь должен был выехать в Варшаву по судебному делу. Дамы, привезшей мне письма из Парижа, я уже не застал. Так что сообщения полковника Кулябко Департаменту Полиции, основанные на рассказах Богрова, довольно точны. Дама уехала с первым отходящим поездом в Москву.

Я сказал Самуилу Еремеевичу, что через Богрова я получил очень важные письма. Богрова я совсем не знаю и пришел спро-

силь, — что он за человек и можно ли ему доверять. Дамы этой я не застал, а между тем он передавал от нее устные сообщения довольно деликатного свойства. Я нарочито преувеличил свои опасения. Кальманович успокоил меня, говоря, что Дмитрий Григорьевич многообещающий молодой человек, сын почтенного присяжного поверенного в Киеве, хорошо Кальмановичу известно. Дмитрий Богров, благовоспитанный молодой человек, образованный, начитанный и может быть немножко черезчур радикальный. Но это современем сгладится. Скорее, его следует немного сдерживать. Он слишком привык к вольному заграничному языку. Можете быть спокойны, — закончил Кальманович.

Про себя, внутренне, я относился отрицательно к предложению Богрова, потому что обнаружение провокации Азефа вскоду внесло деморализацию в партии. Если бы выступление Столыпина было предпринято партией и организовано, т. е. с принятием во внимание всех предосторожностей, в определенный момент, к которому Ц. К. подготовлен, тогда оно могло быть своевременно и, пожалуй, целесообразно. Но ставить самую партию в зависимость от постороннего человека, который ведет ответственное предприятие за свой страх, при тогдашних настроениях было прямо опасно.

Тем не менее, Богров мне показался симпатичным и во всяком случае искренним. В глубине души у меня сидело убеждение, что Богров руководится каким-то повыпненным настроением, на манер фанатической настойчивости Соловьева в стремлении совершить покушение на жизнь императора Александра II. Я считал его настроение болезненным и предполагал подействовать на него успокоительно, отговорить от жизненной ставки «ва-банк» и направить его мысли, силы и способности на более длительную и производительную деятельность. Для того, чтобы, с этой целью, более основательно подготовиться к будущему свиданию с ним, я решил собрать о нем более основательные сведения. Через своих петербургских товарищей я познакомился с киевскими землячествами студентов, с надежными и идейными представителями их, эсэрами, эсдеками и бундистами. Киевляне всех оттенков единодушно утверждали, что Дмитрий Богров анархист. Относительно моральной оценки мнения эсэров разделились: один дал восторженные отзывы, ибо считал,

что знакомство с Богровым заставило его серьезно заняться общественными вопросами. Другой сказал, что Богров человек умный, дельный, анархист, но в своем радикализме — человек просто с жиру бесится. Человек — барин, буржуй, нужды никогда не видал; не прочь покутить. «В таких анархистов я не верю», — закончил свой отзыв другой. Но более определенный и более отрицательный отзыв дал мне бундист. Тот прямо сказал, что в серьезных делах лучше с Богровым не связываться.

— Почему? — спрашиваю я.

— Во первых, потому что он анархист и принципиальный скептик. Как бы кто основательно ни говорил, Богров непременно останется при особом мнении. Он никогда не соглашается ни с кем. Но это дело второстепенное.... А я всетаки советовал бы с ним быть осторожным.... Пожалуйста, чтобы это было между нами... Про него разные нехорошие слухи ходят. Может быть это неверно. Но мы сторонимся от него и он сторонится от нас.

— «Нехорошие слухи», говорите вы, В каком же смысле? В смысле политической неблагонадежности, или в смысле легкомысленной жизни и поведения, кутежей или чтонибудь в этом роде?

— Трудно, знаете, сказать чтонибудь положительное, когда слышишь разнообразные слухи. Говорят даже, что он оговаривал при дознании. Но вероятнее всего, все эти слухи идут от того, что у анархистов никакой конспирации нет, и набирают они в свою среду всякую дрянь. Лучше стоять подальше от них. Так советуют наши товарищи.

Такие разноречивые отзывы киевлян только укрепили меня в отрицательном ответе на предложение Богрова. Я решил попытаться разбить его мрачное настроение. После расспросов киевлян у меня укрепилась мысль, что Богров истребал нервы, разочарован и впал в пессимизм.

Мои сведения о Богрове были все таки поверхностные и отзывы о нем противоречивые. Приходилось полагаться больше на собственное чутье. Тем более, что киевские студенты — социалисты мне заявили, что на безпристрастие «бундистов» в этом случае полагаться нельзя, ибо Богров — еврей, человек остроумный, любит язвить, а «бундисты» ко всем евреям — социалистам, стоящим вне «Бунда», относятся вдвойне отрицательно. Сторонник

же Богрова отзыв бундиста о Богрове назвал прямой «клеветой». Вернувшийся из Варшавы Кальманович дал самые лестные отзывы о самом Богрове и о его семье. «Что касается до «анархизма» Богрова, сказал он, то, после революции 1905 г. кто из молодежи не увлекался максимализмом?... Теперь же он мне кажется очень рассудительным человеком и, вероятно, будет хорошим присяжным поверенным», — так закончил свой отзыв Кальманович. Помнится, что Кальманович даже предупредил меня, что Богров хочет переговорить со мной по какому-то важному делу, и спрашивал Кальмановича, можно ли со мной, Лазаревым, иметь дело для сношений с эсеровской партией. Кальманович дал обо мне лестный отзыв. Этот запрос Богрова Кальмановичу был раньше приезда дамы из Парижа. Значит, Богров не обманывал, когда при свидании сказал мне, что независимо от данного поручения, он хотел видеть меня и даже чуть ли не для того и в Петербург приехал.

При таких условиях произошло мое второе свидание с Богровым.

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ С БОГРОВЫМ

Во второе свидание мы просидели и побеседовали более 3 часов. Богров пришел ровно в 9 часов и ушел за полночь. Я не буду подробно излагать все разговоры. И им, и мною были повторены аргументы первого свидания.

На вопрос, — к какому заключению я пришел по поводу его предложения, я прямо ответил, что решил по дружески отговорить его от выступления.

— Глядя на вашу молодость, образование, опытность и физическое здоровье, я совершенно убежден, что ваше крайнее решение было навеяно болезненным настроением. Мы ведь условились говорить друг с другом откровенно, — продолжая я. Я, напр., причиной вашего мрачного взгляда на жизнь, предполагаю несчастную любовь... Какова бы ни была причина вашего пессимизма, для меня ясно, что вы, охваченный тяжелым настроением, снесли яйцо, и, уединившись от всего света, как клушка сели на него и стали высиживать, надеясь получить цыпленка. Между тем, какое бы горе не наваливалось на человека, пока

человек жив, всякое его горе — дело преходящее. Ведь, подумайте хорошенько, — раз это не личная месть, а глубоко общественное служение, зачем вы уставились глазами на кончик своего носа и не хотите видеть широких горизонтов общественной, национальной и мировой жизни, в которой растворяется личная жизнь? Ведь в нынешние времена общественная жизнь, в которой нам приходится участвовать, бесконечно сложна и требует самой разнообразной деятельности. Вы еще только вступаете в жизнь, и мне кажется, что при вашей решимости к самопожертвованию, и с вашими способностями вы могли бы принести пользы неизмеримо больше на других поприщах общественной жизни. А такие индивидуальные и изолированные выступления обыкновенно являются для всех неожиданными и, вызывая неизбежную реакцию, редко бывают удачными. Вследствие этого, при неудаче, даже радикальные слои общества начинают нападать на изолированного неудачника. —

Я привел, как пример, покушение Березовского, Каракозова и Соловьева на Александра II, которые вели себя на суде с достоинством и умерли героями. Критикуя намерения своего собеседника, я провел аналогию между ним и Соловьевым. Тот тоже задумал убить царя, и как его ни уговаривали отказаться от этого намерения, он всетаки настоял на своем.

Богров внимательно выслушивал мои рассуждения, вставляя вопросы относительно дела Соловьева. В разговоре мы вспоминали разные случаи изолированных и организованных покушений, вплоть до дела Петрова.

— Но представьте себе, сказал Богров, — что намерение мое неизменно. По каким причинам такая боевая партия, как ваша, может отказаться от содействия со стороны идейных добровольцев, вроде меня? Я знаю, что успешное покушение на царя, — имело бы более существенное значение, но я не берусь за это потому, что для отдельного лица это дело теперь невозможное. Но я избираю не третье-разрядного стрелочника, а можно сказать второе лицо после царя. В оценке выступления против Столыпина едва ли можно сомневаться. Вы стоите на ложной точке зрения. Вам, повидимому, просто жаль меня. Я очень ценю это, но я прошу вас стать на деловую точку зрения. Ведь этот план я составил сам, не спрашивая никакой партии и решил сам без помощи

кого либо, привести его в исполнение. Я все равно так и сделаю, но меня тяготила одна мысль; мой поступок могут истолковать так, что мой акт потеряет всякое политическое значение. Я уж вам говорил: какое значение будет иметь смерть Столыпина, если его случайно убьет сорвавшаяся вывеска, или его прикончит муж его любовницы? Егор Егорович... Вы первый, с кем я решил поделиться своими тревогами... Будьте старшим другом... отцом родным... Помогите мне добыть санкцию вашей партии. Мне казалось, что Ц. К. вашей партии не может отказать в моей просьбе... Поймите меня и то, что я прошу... Я не прошу никакой ни материальной, ни технической помощи от партии. Я знаю, что единственное возражение, которое, я мог ожидать, состоит в том, что вы и партия меня не знаете и не можете положиться, как я буду себя вести после акта и на суде. Вот, единственно это возражение, которое я хотел бы устранить. Что я предлагаю и прошу?... Обратитесь на это внимание, — продолжал Богров умоляющим тоном, который меня и удивил и привел в смущение. — Я прошу партию о том, чтобы она санкционировала мой акт только в том случае, если она убедится, что я веду себя достойно и умру тоже достойно. До самой смерти я не буду ангажировать партию. Пусть партия обещает, только, что она публично санкционирует мой акт после следствия и суда. Но мне это нужно знать теперь же, чтобы знать как себя держать. Вас же я прошу об одном, — передать мое предложение на усмотрение Ц. К. партии и поддержать его.

Признаться, слыша это, я был внутренне смущен: волнение Богрова передалось и мне. Но из этого волнения, в искренности которого я не мог сомневаться, я заключил, что он нуждается в дружеской, чисто моральной поддержке. Поэтому не показывая своего смущения, я твердым голосом сказал:

— Добрейший Дмитрий Григорьевич.... Я вижу, что вы не со вчерашнего дня носите эту мысль в вашей душе, и до сих пор вы варились в собственном соку. Но послушайте моего чисто дружеского, товарищеского совета: Отложите и пересмотрите ваше решение. Это необходимо и для вас самих, это необходимо и в интересах партии. Для вас, — потому, что при ваших способностях и решительном характере вы сделаете больше добра на других прищипах, а если бы когда нибудь и понадобилась боевая деятельность, так она не уйдет от вас. Между тем, захваченный этой

идеей, вы мешаете себе жить всесторонней жизнью. Я обещаю вам: если мы встретимся через год, что мы вместе посмеемся над вашим теперешним настроением. Но еще важнее это для партии. Почему вы знаете, что партия сама оставила в покое Столыпина? Такое ответственное выступление партия не может передоверить третьему и постороннему партии лицу. Помните, что я вполне ценю ваше доверие, с которым вы обратились ко мне. Я сочувствую вашему доброму гражданскому настроению, но я откровенно вам скажу, что партия не примет вашего предложения, а я отказываюсь передавать его на усмотрение Ц. К.

— Почему же?...

— А потому что вы анархист... Не потому, что я против анархистов... У меня много друзей - анархистов. Но с точки зрения партийной и политической целесообразности, единение в таком ответственном деле социалистов - революционеров с анархистами — недопустимо, вредно. Вы рассудите сами. Допустим, что акт совершился. Вы, анархист, арестованы. Кому придет в голову, что этот акт дело партии? Если вы прикроетесь партией, вам никто не поверит, и во всяком случае партия должна будет тотчас же высказаться, — подтвердить или опровергнуть. Если партия теперь санкционирует ваше выступление, она не может молчать тогда. Она должна будет подтвердить. Но во что тогда превратится партия?... Для анархистов борьба с государством и правительствами всеми средствами есть дело принципиальное. Для нас, социалистов, террористические акты могут быть допустимы только в исключительных случаях и только тогда, когда по совокупности обстоятельств каждый отдельный случай может найти себе достаточное оправдание в общественном мнении. Все социалистические партии уже пережили болезненный период экспроприаций. А наша партия уже переболела максимализмом. Как она может теперь сходить с ясно установленной позиции и сближаться с анархизмом? Если нужно устранить Столыпина с политической сцены, то партия это должна взять на себя сама, и акт совершить должны ее собственные члены, эсеры, а не анархисты. Эта определенность позиции партии особенно необходима после разгрома ее благодаря провокации Азефа. Если вы отвлекетесь от своей *idée fixe*, и примите во внимание интересы партии в настоящий критический момент, вы сами поймете почему партия

не может возлагать исполнение ответственных актов на посторонних партии лиц, как бы эти акты ни были заманчивы сами по себе.

— Я не скрывал от вас, что я был и максималистом и анархистом, но самое обращение мое к вам показывает, что я отбросил анархистские увлечения и ясно вижу необходимость организованной политической деятельности. Боевые акты я признаю абсолютно необходимыми и целесообразными после разгона двух первых Дум. Вам должно быть также понятно, почему я обращаюсь с этим предложением к вашей партии, а не к социалдемократам. Я положительно знаю, что все социалдемократы, которых я знаю, были бы рады устранению Столыпина, который раздавил провокаторски социалдемократическую фракцию Г.Думы. Но в этом они надеются на эсеровскую партию. Я знаю, что они не стали бы отговаривать меня, как это делаете вы; напротив, они с радостью помогли бы мне, но все это тайно, в частном порядке, с тем, чтобы по совершении удачного выступления публично прийти в негодование, и меня обругать. Поэтому я надѣялся, что между мною и вами легко установится взаимопонимание. Я серьезно и искренно вам говорю: я готов стать верным и сознательным членом вашей партии. Пусть она мне даст какие угодно инструкции, я все выполняю, и смею вас уверить, что я сумею на суде и следствии объяснить мой переход от анархизма к эсэрству и поддержать честь партии. Я искренно вам говорю, я теперь сознательно разделяю программу и тактику партии социалистов - революционеров.

— Хорошие речи приятно и слушать... Вам ничто не мешает войти в партию и сообща работать. Но для этого нужно именно *войти* в партию, т. е. принять участие во всей сложной работе ее, избрав по желанию наиболее подходящую к вашим способностям и вкусам одну из отраслей ее; если захотите займитесь и боевой деятельностью. А теперь вы совершенно чужой человек для партии: ни вы партии не знаете, ни партия не знает вас. Как же мы, незнакомые друг другу, начнем такое ответственное дело вести сообща?

— Но если бы вы передали мое предложение на усмотрение Ц. К., может быть он отнесется иначе, чем вы? Я, конечно, не могу сам... но если бы вы сами посоветовались с Николаем Яковлевичем или Ниной Александровной....

— От кого вы знаете про этих лиц?

— От одного знакомого киевского эсэра, недавно видевшемся с Николаем Яковлевичем, который находится теперь, кажется, в Москве. Я сказал, что у меня имеется важный документ, который я должен передать непосредственно в Ц. К. партии С. Р. Я просил указать, как это лучше сделать. Он пожалел, что я не сказал раньше, потому что он недавно виделся с представителем Ц. К., который теперь должен быть в Москве. А в Питере можно передать через одну девицу. Я просил мне указать, как я могу с ними видаться. В виду важности документа, я предложил ему даже на мой счет ехать со мной в Москву или в Питер. Тогда он мне сказал, что их можно найти через вас. «Скажите, только Лазареву, что вам нужно повидать Николая Яковлевича или Нину Александровну.» Я не знал, что вы в Питере. Этого было достаточно, и я решил совсем переехать в Питер.

— Помните, Д. Г., дабы не было между нами никаких недоразумений, мы должны быть абсолютно откровенны друг с другом. Теперь я спрашиваю вас: хотите вы послушать меня и отложить, или даже оставить совсем, ваше намерение, или вы с упорством фанатика, будете настаивать на своем? С своей стороны, я считаю ваше предложение в настоящий момент настолько неприемлемым, что еслибы я передал его на усмотрение Ц. К., то лично я стал бы настаивать, чтобы оно было отвергнуто. Это касается пункта о санкции вашего предложения нашей партией. И я вам сказал почему. Что касается до моей личной оценки ваших планов, то я, как и социалдемократы и вообще русская интеллигенция, только порадуюсь если Столыпин будет наказан за все его реакционные подвиги. Но ведь вы интересуетесь не лично моей оценкой вашего поведения, а вы добиваетесь, чтобы партия взяла заранее на себя ответственность за ваше поведение, контролировать которое она не может. На это партия не согласится, и передавать ей об этом бесполезно. Все, кого я ни спрашивал, отзываются о вас, как о заведомом анархисте. В последнее время партия получила столько жестоких ударов как от провокации, так и от ошибок своих собственных членов, что подвергнуть свою репутацию новым испытаниям она не согласится. Я вас убедительно прошу, и настаиваю, чтобы вы не пытались искать никакого другого посредничества: ни Николая Яковлевича ни Нины Александровны, тем более, вы по-

нимаете, что это люди нелегальные, и живут по вличкам. И вот, прежде чем расстаться, я прошу вас сказать мне определенно: согласны ли вы пересмотреть ваше решение и войти в общую революционную и культурную работу, или вы остаетесь при прежнем решении и желаете идти своей дорогой? Каков бы ни был ваш ответ, он должен быть искренним и нелицеприятным. Если вы откажетесь от вашего намерения, вы развяжете самого себя, и перед вами откроются широкие горизонты полезной общественной деятельности. Тогда, чем шире будет круг вашего знакомства и общественных связей, тем лучше. Если же вы остаетесь при прежнем решении, ваша жизнь и поведение должны быть обставлены так, чтобы в случае вашего выступления было скомпрометировано как можно меньше народа. Вы должны будете тогда прекратить всякие сношения не только со мной, но и вообще с радикальной и учащейся молодежью. Я жду вашего ответа....

Но ответа долго не было. Богров все время моей последней речи сидел за столом, подперев голову на ладонь. Как теперь помню: не получая ответа, — потому ли что он огорчен, или потому что обдумывает ответ, — я сказал: «Подумайте хорошенько», и тотчас же на несколько минут вышел из комнаты.

Когда я вернулся, Богров стоял с шляпой в руке.

— Неужели это последнее ваше слово? — сказал он. Признаюсь, я и теперь не понимаю причин вашего отказа. Я был настолько уверен в вашем благоприятном ответе, что соответственно перестроил всю свою жизнь. Ведь, я приехал сюда с двойной целью, чтобы повидаться с вами и для того, чтобы быть ближе к цели. Я уже заранее здесь обеспечил себе положение и надеюсь скоро устроиться так, что смогу иметь доступ к разным высокопоставленным лицам. Я ни в какой посторонней помощи не нуждаюсь, и санкции партии прошу только под условием, если докажу, своим поведением после вероятного ареста, следствия и суда. Большого для партии я не могу ни дать ни обещать. Признаюсь, ваше отношение во многом расстраивает все мои планы. Я вновь остаюсь на-едине с своими думами, совершенно изолированным. У меня вновь нет никого, кто бы мог авторитетно истолковать мое поведение и об'яснить его не личными, а общественными мотивами... Я убедительно вас прошу, подумать еще раз. Перед партией и перед всей страной ваш отрицательный ответ столь же

ответственен, как и ответ положительный. В подтверждение я скажу: несмотря ни на что, я постараюсь привести свое решение в исполнение. Я стремлюсь сделать мое выступление более целесообразным, а вы этому мешаете. Вот результат наших разговоров...

Все это было сказано Богровым с сдержанным чувством, и тоном, переходящим в агрессивность, так что я очутился в положении человека, которому приходилось защищаться. Было уже поздно и надо было кончать и расставаться.

— Мы люди взрослые, и учить нам друг друга не приходится. Самый предмет разговора требовал честного отношения к вам, т. е. полной искренности и откровенности. По вашей инициативе произошел обмен мнениями: вы высказали ваше мнение, а я высказал свое, Я не осуждаю вашей инициативы, я только против того, чтобы партия принимала на себя ответственность за ваше индивидуальное выступление. Надеюсь, мы расстанемся друзьями..

На этом мы расстались. Я предполагал — навсегда. Но недели через две, когда впечатления от сношения с ним стали улетучиваться, поздним вечером, часов в 9, совершенно неожиданно Богров пришел еще раз на мою квартиру. На этот раз свидание продолжалось лишь несколько минут. Он вошел в комнату, не раздеваясь, в легком летнем пальто.

— Простите, Е. Е., обстоятельства заставляют меня еще раз обратиться к вам и просить категорически ответить: могу я надеяться на поддержку партии или нет.

— Я считал вопрос выясненным, — сказал я и другого ответа дать не могу....

— В таком случае, еще раз прошу извинить меня, что побеспокоил вас. Согласно вашему указанию, — этого больше не случится.

Он протянул руку, мы попрощались, и он немедленно ушел. После того я его не встречал ни у Кальмановичей, ни на улицах, ни в каких общественных собраниях. И самый образ его улетучился из моей памяти.

По показанию Богрова, 22 ноября 1910 г. он по болезни (а по словам Мушина по расстройству нервов) уезжает за границу, в Ниццу. А неделю спустя, после студенческой демонстрации по случаю смерти Л. Н. Толстого, 30 ноября я был арестован, пробыл с неделю в Сущевской части, затем переведен был в знако-

мый мне Дом Предварительного Заключения, где в 70-х годах я просидел целые годы, и, по приказу Столыпина, был приговорен к административной высылке в Сибирь на 4 года. Я уже был переведен в пересыльный замок, — в тот самый замок, куда меня год тому назад не допускали на свиданье с Бабкой Брешковской, но куда я часто ходил, помогая сборам ее перед отправкой в Сибирь. По ходатайству одной высокопоставленной феи, Столыпин заменил мне ссылку в Сибирь ссылкой на тот же срок за границу. В мае 1911 г. я был уже у себя, в Швейцарии; а 2 сентября весь свет уже знал, что Столыпин смертельно ранен Дмитрием Богровым, от чего через несколько дней, 5-го сентября, скончался. Только тогда я рассказал товарищам о моих сношениях с Богровым.

Теперь, когда читатель ознакомился схематически с сущностью моих переговоров с Богровым, ему легче понять довольно странное поведение его на следствии при опросах разными лицами. Раз мы знаем теперь, что Богров долгое время состоял сотрудником охраны, естественно может возникнуть мысль, что свидание и переговоры со мною он вел в целях провокации, тем более, что установлено, да и сам Богров признает, что после свиданий со мною, он вошел в сношения с начальником петербургской охраны. Но я и теперь твердо верю, что в переговорах со мною он был совершенно искренен, что в своих показаниях на следствии он говорил правду; что по приезде в Петербург он вновь стал революционером, — в том смысле, конечно, что он решил «хлопнуть дверью», уходя с этого света. Я убежден, что он вошел в сношения с фон Котгеном для лучшего достижения своей цели: что версия о покушениях на жизнь Кулябки не соответствует действительности; что покушение на Столыпина и готовность умереть объясняются не боязнью каких-то малоизвестных анархистов, а внутренней драмой, поздним сознанием загубленной жизни своей; что свидание с членами «ревизионной комиссии» лишь подлило масла в огонь и привело к дерзкому решению использовать царский приезд в Киев и поставить карту «ва-банк» на жизнь свою и Столыпина. Писем ко мне из Парижа в петербургскую охранку Богров не передавал, а, войдя в определенных целях в сношения

с фон Котеном уже после свиданий со мною, он ничего компрометирующего меня, кроме «безделиц», не сообщал. Прочитывая показания Богрова на следствии, я чувствовал, что в некоторых частях они являются, как бы отражением наших питерских разговоров. В то время мне и в голову не могла прийти мысль о его «политической неблагонадежности», т. е. о его «сотрудничестве» в охранке. Я видел, или скорее «чуял», что под его планами скрываются какие-то ненормальные мотивы, но я склонен был объяснить их фанатизмом революционера, глубоко разочарованного в обычных «словесных», пропагандистских способах борьбы, — подобно тому, как это имело место с Соловьевым при неудачном покушении на Александра II, в апреле 1879 г. Я не могу теперь со стенографической точностью восстановить мои беседы с Богровым, ни передать все детали и порядок, в котором развивались аргументы с той и другой стороны. Я старался только как можно точнее схематически восстановить эти аргументы. Мимоходом, я указывал Богрову разные случаи «террористических актов», которые имели место на моей памяти, начиная с убийства Судейкина Стародворским и Канашевичем при активном содействии злостного предателя и сотрудника Судейкина, Сергея Дегаева, в 1883 г., и кончая свежим случаем динамитного взрыва на Астраханской улице в Петербурге, произведенного горячим и искренним фанатиком Петровым, — взрыва, от которого погиб начальник петербургской охранки, полковник Карпов, и который закончился казнью Петрова. Богров интересовался моими сообщениями о разных случаях и их подробностях, и часто задавал вопросы:

Я давал лишь беглый обзор террористических актов в русском революционном движении, не останавливаясь на интересовавших его деталях, с единственной целью иллюстрировать нецелесообразность индивидуальных выступлений. Я не подозревал тогда, какого рода мучительная драма происходит в его душе.

Для меня несомненно, что Дмитрий Богров переживал свой страшный «психологический момент», который был для него мучительнее, чем у Петрова, ибо Петров, открывшись товарищам, шел на борьбу и смерть с радостью, тогда как Богров затаил свое преступление в глубине души: он не признался передо мной и, таким образом, не облегчил тяжести своего мучительного настро-

ения. Петров, несмотря ни на что, остался идеалистом - фанатиком, человеком нравственно чистым, жертвовавшим своей *честью*, во имя интересов своей партии. Он не тайл своего падения перед товарищами, и искупая свой грех против духа святого, шел на смерть радостно. Богров сидевший изолированно в тюрьме собственной души - своей, пытался облегчить свое настроение, став под защиту партии, решив своим поведением и смертью искупить свое преступление. Но, будучи морально запячкан, он не хотел сказать мне всей правды, основательно предполагая, что мой отрицательный ответ был бы более решителен.

И Богрову пришлось смертью умереть, героической смертью изолированным и непонятым.

Егор Лазарев.

Повелитель Материи.

Юман Гексли, сын известного естествоиспытателя, принадлежит к числу наиболее выдающихся современных английских писателей.

Целых три дня мы с трудом пробирались по болотистой местности. Наконец, мы очутились на твердой почве и начали огибать холм. Вершина его заросла густым кустарником. По мере приближения он все более принимал вид изгороди, как бы нарочно посаженной людьми. Не желая прорубать дороги сквозь колючую толщу, мы повернули направо, вдоль зеленой стены. Вскоре мы вышли на просеку, которая, суживаясь, вела вниз к тому, что казалось тропинкой. Это было немного подозрительно... Тем не менее, полагая, что нам следует продвинуться как можно дальше, я приказал каравану свернуть в этот проход, сам заняв место непосредственно за проводником.

Вдруг проводник, издав гортанный возглас, остановился. Я взглянул и увидел крупную африканскую жабу, грузными прыжками пересекавшую тропинку. Она была о двух головах. Я никогда не видал ничего подобного и решил заполучить это чудовище для наших коллекций; но едва я двинулся к жабе, как она в два - три прыжка ушла под защиту колючего кустарника.

По мере того, как мы подвигались вперед, я все более убеждался, что просека, по которой мы шли, была искусственного происхождения. По прошествии некоторого времени до нас долетел глухой звук, показавшийся нам человеческим голосом. Я остановил отряд и пошел с проводником вперед. Всматриваясь сквозь редкую заросль кустарника, мы были безмерно поражены тем, что представилось нашим глазам в ложбине под нами. Слышанный нами голос принадлежал громадному, не менее восьми футов ростом, негру, самому огромному человеку, какового мне когда либо приходилось видеть. Он сидел на корточках, время

от времени падая ниц и бормоча какие то молитвы или заклинания. Перед ним на земле стоял предмет его поклонения — небольшой, вделанный в подставку черного дерева плоский кусок стекла. Рядом лежали громадное копьё и расписная корзинка с крышкой. Спустя минуту он молча поднял предмет из стекла и черного дерева и положил его в корзинку. Потом, к крайнему моему изумлению, вынул плетенную из травы клетку с двухголовой, подобной только что нами виденной жабой, поставил ее на землю и возобновил коленопреклонения и молитвенные бормотания. Как только это было окончено, жаба была водворена на место, и сидящий на корточках великан спокойно оглядел окрестность.

По другую сторону ложбины простиралась холмистая местность с зарослями густого кустарника. Неподалеку раздался звук. Сквозь заросли кустарника двигались красочные пятна; приближался отряд человек в сорок, — в большинстве таких же великанов, как и наш первый незнакомец. Вооруженные громадными копьями, подпоясанные цветными кушаками, с чем то вроде ягташей на бедрах, двигались они в стройном порядке. Впереди шел нормального роста негр с умным лицом в сопровождении двух фигур еще более удивительных, нежели великаны.

Ниже среднего роста, почти карлики, с огромными головами, коричневыми лицами и телами, они были неестественно тучны. Ярко желтые плащи покрывали их темные плечи. При виде отряда наш великан поднялся и стал на вытяжку у своей корзины. Отряд подошел и остановился. Послышалась команда, и один из великанов вышел из строя, направляясь к стоящему у корзины, который поднял ее и, торжественно передав вновь пришедшему, занял его место в строю. Было ясно, что мы присутствуем при чем то вроде смены караула. Я ломал себе голову, стараясь понять, что бы все это могло означать — часовые, великаны, жабы — когда к моему ужасу я услышал возглас за спиной.

Это был один из проклятых носильщиков — противный тип, любивший показать свою независимость. Ему, повидимому, надоело ждать, он самовольно подполз, чтобы увидеть в чем дело, но нервы не выдержали внезапного зрелища. Я сделал знак лежать тихо, но было уже поздно. Воскликание было услышано; предводитель отдал краткое приказание и великаны двумя отрядами бросились вверх по откосу, чтобы нас окружить.

Конечно, нечего было и думать о борьбе или сопротивлении, стараясь сохранить собственное достоинство, я вскочил на ноги и поднял руки, приказав в то же время проводнику не стрелять. Дюжина копей нависла над моей головой, однако, ни одно не опустилось; предводитель отдал какое то приказание: ко мне подошли два великана, взяли под руки и повели. Передо мной под угрозой копий гнали проводника и носильщика. Остальные

носильщики, поняв, что случилось что то неладное, открыли стрельбу и разбежались, преследуемые великанами. Нас троих вежливо, но настойчиво повели под конвоем вниз по долине. Я совершенно не понимал их языка и крикнул проводнику, чтобы он сделал попытку объясниться с ними. Оказалось, что одно из известных ему африканских наречий было несколько похоже на их язык. Однако, нам все - таки не удалось ничего узнать, кроме того, что нас ведут к каким то высшим властям.

В продолжение двух дней нас вели по красивой местности, похожей на парк с изредка встречавшимися деревнями. Время от времени нам попадалось какое нибудь новое чудовище в виде карлика, невероятно жирной женщины или животного о двух головах, что, в конце концов, заставило меня подумать, уж не попал ли я на какую нибудь фабрику изделий для паноптикума.

К концу второго дня дорога стала спускаться в очаровательную речную долину. Мы приближались к столице. Этот город, с его вылепленными из грязи стенами причудливо внушительных архитектурных форм, с тяжелыми массами их контрфорсов, со стоящими наверху великанами - часовыми, — был действительно большим для Африки городом. При нашем приближении часовые дали залп, и из ближайших ворот высыпала толпа. Боже мой, какая толпа! К этому времени я уже слегка успел приглядеться к чудесам, но здесь был настоящий цирк: великаны, карлики, какие то странные существа — не то преждевременно развившиеся дети, не то отвратительные захиревшие старики, непомерно жирные уроды с руками, напоминавшими свиные окорока с складками и завитками жира, выпирающими из похожих на сальные опухоли задов; преждевременно состарившиеся и дряблые полуидиоты с бессмысленным выражением лица. Конечно, было множество и обыкновенных негров, но необыкновенного было совершенно достаточно для того, чтобы почувствовать себя по меньшей мере странно. Едва войдя в стены города, я вдруг заметил нечно, удивившее меня еще более — телефонный провод с обыкновенной изоляцией, тянувшийся от дерева к дереву. Телефоны в никому неизвестном африканском городе! Совершенно невероятно.

Но меня ждала еще большая неожиданность. Я увидел человека, шедшего от одного дома к другому и переходившего через улицу. Это — несомненно — был белый. Во - первых, на нем был светлый парусиновый костюм и шлем, во вторых, бледное лицо.

На шум нашего шествия он обернулся, посмотрел с минуту и направился в нашу сторону.

«Алло!» — окликнул я: «Вы говорите по английски?»

«Да», ответил он: «Но подождите», и быстро заговорил о чем то с нашей стражей, выказавшей ему величайшее уважение.

Потом, обратившись ко мне, он поспешно сказал: «Вас ведут в залу совета для осмотра. Я постараюсь, чтобы вам не было причинено никакого вреда. Эта страна запретная для иностранцев, и вы должны быть готовы к тому, что вас оставят под стражей на некоторое время. Как только будут выполнены формальности, вы будете присланы ко мне в здание культа, и я объясню вам положение вещей. А оно требует, по правде сказать, некоторого разъяснения», добавил он с сухой усмешкой. «Между прочим, зовут меня Хэкомб, бывший научный сотрудник при Мидлсекском госпитале, ныне духовный наставник Его Величества Короля Мгобы». Он вновь усмехнулся и пошел своей дорогой.

Это была интересная фигура сухого человека лет пятидесяти, тонколицего, с маленькой бородкой и глубоко сидящими газельими глазами. Выражение его лица говорило о том, что он, повидимому, пиник, но в то же время чувствовался в нем какой то интерес к жизни.

Мы подошли ко входу в помещение совета. Наша стража выстроилась у дверей, охраняя моих спутников, и только я с przewodителем прошли внутрь здания. Осмотр был поверхностен и интересен, главным образом, своей торжественной обрядностью, выражавшейся во всех движениях осматривавших нас двух десятков мужчин в длинных одеждах. По окончании осмотра мои люди были отведены в близь лежащее здание. Я же был препровожден в маленький домик, обставленный с некоторой претензией на европейский стиль. Здесь я нашел Хэкомба. Лишь только мы остались вдвоем, я засыпал его вопросами:

«Прежде всего, скажите мне, где мы находимся? Каково значение всей этой цирковой обстановки и этого зверища чудовищ? Как попали сюда вы сами?»

Он остановил меня:

«Это длинная история. Подождите, лучше я сам расскажу ее вам. Так будет короче».

Я не буду передавать его рассказа, а постараюсь дать более связный отчет обо всем этом, итог многократных позднейших разговоров с ним и собственных наблюдений.

Будучи студентом медицины, Хэкомб подавал большие надежды. По получении ученой степени он посвятил себя научной работе. Он начал с паразитических простейших, но скоро променял их на культуру тканей; отсюда он перешел к исследованию рака, затем к изучению физиологии развития. В те времена организовывалась большая экспедиция в Африку для изучения сонной болезни, и Хэкомб, непоседливый и тяготеющий к путешествиям, добился зачисления его в состав экспедиции в качестве научного сотрудника. Он обратил внимание на то, что представители дикой фауны являлись носителями *Trypanosoma gambiense*.

Изучив распространительное передвижение птиц, он увидел в этом один из возможных путей перенесения заразы и испросил отпуск для обследования этой проблемы. Когда экспедиция, как целое, закончила свои работы, ему и еще одному белому в сопровождении отряда носильщиков было разрешено остаться в Африке для дальнейшей разработки вопроса: Этот белый, сотоварищ его, был лабораторный техник, молчаливый слуга науки, по имени Эджерс.

Не стоит распространяться обо всех их приключениях. Достаточно сказать, что они сбились с пути и попали в плен к неизвестному племени. Это было пятнадцать лет тому назад. Эджерс давно уже умер от раны, полученной при попытке бежать года через два после пленения.

Когда их взяли в плен, их также осмотрели в зале совета, и Хэкомб (интересовавшийся когда то антропологией, как он интересовался многими иными отраслями научного исследования) был крайне поражен тем, что он называл особенной напряженностью религиозной атмосферы. На всем лежал отпечаток обряда. Вождь, производя время от времени различные заклинания у окруженного жрецами подобия алтаря, казался скорее жрецом, чем королем. Хэкомбу удалось подметить, что один из их ритуалов как то связан с кровью. Сначала вождь, а за ним один за другим все члены совета были подвергнуты уколу в кончик пальца и извлеченные таким образом капли жизненной влаги, собранные в маленький сосуд, медленно выпаривались над пламенем.

Некоторые из людей Хэкомба говорили на наречии, сходном с языком негров, у которых они были в плену, и один из них служил переводчиком. Обстоятельства казались не слишком благоприятными. Выяснилось, что страна была «священным местом», а племя «священным племенем». Негры других племен, переходившие границу государства, или убивались или обращались в рабство. Поэтому редко кто переступал границу этой страны. О существовании белых людей они знали, но никогда до этого времени их не видели, и шел спор о том, что с ними делать: убить, отпустить или обратить в рабство? Отпустить было бы противно всем их принципам: священное место было бы осквернено, если бы распространился слух об этом за пределы страны. Обратиться в рабство было лучше; но возникал вопрос, были ли они к чемунибудь пригодны? И совет, казалось, начинал чувствовать определенную антипатию к этим, окрашенным существам.

Хэкомбу пришла в голову одна мысль. Он обратился к переводчику:

«Скажи вот что: вы почитаете кровь. То же делаем и мы, белые люди: но мы делаем больше — мы можем сделать видимой

скрытую природу и сущность крови; если мне будет позволено, я покажу это великое чудо».

Он подал знак слуге, носившему его ценный микроскоп, установил его, извлек при помощи ножа каплю крови из кончика своего пальца и, капнул на предметное стекло, наложил на него покрывное. Дикари были явно заинтересованы. Они перешептывались. «Покажи», приказал вождь.

Хэкомб демонстрировал свой препарат с большим волнением, чем когда либо приходилось показывать его в былые времена студентам — медикам первого курса. Он об'яснил, что кровь состоит из маленьких разнообразных пород существ, каждое со своей собственной жизнью, и что наблюдение при помощи этого прибора давало нам новую власть над ними. Старшины совета были в достаточной степени изумлены. Во всяком случае вид этих тысяч телец там, где они до сих пор ничего не видели, заставило их поверить в могущество белого человека, делавшее его желанным слугой.

Каждому хотелось посмотреть свою собственную кровь, но страх подпасть под власть остальных, видевших ее, останавливал их. Поэтому они попросил извлечь кровь из раба. Хэкомб попросил также принести птицу и возбудил большой интерес, показав, как разнились от человеческих маленькие существа ее крови.

«Скажи им, — сказал он переводчику, — что я обладаю многими другими магическими силами, которые я покажу им, если мне будет дано на то время».

В результате всего этого Хэкомбу и его отряду была дарована жизнь.

Он любил повторять, что только после этого ему стало понятно ощущение человека, которому судья об'являет «отложено на неделю».

Во время осмотра внимание его привлек один из старших сановников племени — высокий, властно выглядевший мужчина средних лет, и он был приятно удивлен, когда этот человек зашел к нему на другой день. Хэкомб прозвал его впоследствии министром — священником за соединение в нем достоинств государственного сановника и жреца. Имя его было Багала. Он горел нетерпением возможно скорее познать источник чудесных сил Хэкомба; тот в свою очередь хотел как можно больше разузнать о народе, в руки которого его бросила судьба; они сходились почти каждый вечер и говорили далеко за полночь.

Расспросы с обеих сторон были одинаково мало внушены академической любознательностью. Пораженный микроскопом и заметив, какое впечатление он произвел на его коллег, Багала горел желанием выяснить, не мог бы он в интересах собственной карьеры использовать силы белого человека. Одним словом, они сговорились: Багала обещал следить за тем, чтобы Хэкомбу не

причиняли никакого вреда и чтобы он материально чувствовал себя хорошо, взамен чего Хэкомб представил в распоряжение совета свои чародейственные силы. Поскольку Хэкомб мог догадаться, Багала затевал коренное изменение народной религии, нечто вроде реформации, основанной на заклинательных манипуляциях Хэкомба, и надеялся этим добиться большого влияния в качестве Верховного Жреца измененной системы верований.

Хэкомбу не было чуждо чувство юмора, и это его заинтересовало. Во всяком случае, было ясно, что в ближайшем будущем не было никаких надежд на возможность бегства. А раз так, то почему бы не воспользоваться случаем и не заняться исследованиями на государственный счет, — возможность, которой он и ему подобные тщетно добивались на родине его. Его мысли стали разбегаться: Он выяснит все, что сможет, относительно обрядов и суеверий племени. При помощи своих знаний и научного опыта он вознесет подробности их ритуалов, выражения этих суеверий, всю физическую сторону их религиозности на новый уровень, который покажется им во истину чудесным.

Не стоит передавать все подробности их переговоров, все ошибки и недоразумения. В конце концов, Хэкомб добился того, чего хотел: здания, которое могло быть приспособлено под лабораторию, неисчерпаемого запаса рабов для нищих и жрецов для высших обязанностей по работе в лаборатории и обещания сделать все зависящее для доставки с побережья необходимых ему научных принадлежностей, когда истощатся его запасы (обещание, кстати, педантично выполняемое, так что он никогда не ощущал недостатка в нужных ему для работы материалах).

Он прилежно принялся за изучение их религии и нашел, что она построена на двух - трех основных мотивах. Главным из них была вера в святость и чрезвычайную значительность особы Короля - Жреца; вторым — был особый вид почитания предков, третьим, культ животных — в частности наиболее уродливых представителей африканской фауны; четвертым — пол, *con varigiani*.

Хэкомб все взвесил: культура тканей, экспериментальная эмбриология, внутренняя секреция, искусственный партеногенез. Он усумнился и решил про себя: «попробуем, это обещает быть занимательным».

Таково было начало. Самым, пожалуй, лучшим способом дать некоторое представление о том, как это развивалось, было бы передать мои собственные впечатления от лабораторий, по которым водил меня Хэкомб. Больше всего меня поразило то, что целая четверть города была всецело посвящена религии. Но Хэкомб напомнил мне тут же, что Тибет тратит пятую часть своих доходов на топленое масло, для сожжения перед алтарями.

Храм, стоявший на главной площади и выстроенный из

прочной глины, производил довольно внушительное впечатление. По обеим сторонам его находились помещения для прислужников храма и заведующих религиозными церемониями. За храмом находились лаборатории Хэкомба, частью из грязи, частью из дерева (это были здания позднейшей постройки), выстроенные по его плану и под его наблюдением. Целый ряд этих четырехугольных строений днём и ночью охранялся патрулями великанов. Внутри одного из четырехугольников был устроен пруд, служивший аквариумом, другой был полон клетками с курами и другими птицами; в третьем содержалось множество различных диких животных; в четвертом был разбит маленький ботанический сад. Сзади помещалась стойла с десятками рогатого скота и овец и нечто вроде опытного рассадника, предназначенного для человеческих существ.

Он ввел меня в ближайшее из зданий.

«Официальное название этого здания, сказал он, — фабрика (трудно передать точный смысл этого их слова, но значит оно буквально место производства). Фабрика Королевского Достоинства или Королевского Величества и Ключ Бессмертия Предков».

Я огляделся и увидел множество пышащих здоровьем и силой африканских женщин, прилично, но не совсем обычно одетых в туго обтянутые белые платья, с повязанными головами и в резиновых перчатках. Во множестве были расставлены микроскопы и какие то сосуды, из которых поднимался пар. В глубине комнаты была деревянная перегородка с большим числом стеклянных дверей; двери эти с наклеенными на них ярлыками, с надписями на том же неизвестном мне языке, вели в крохотные отделения, заполненные множеством предметов, подобных виденному мною у великана до нашего пленения, — предметов из стекла и черного дерева. По стенам всего этого помещения шли трубы, распределявшие, казалось, тепло от горевшего в одном из углов огня.

Фабрика Величества! — воскликнул я. «Источник бессмертия! Что все это, черт возьми, значит?»

«Если вы предпочитаете более прозаичное название», сказал Хэкомб, — «я назвал бы это Институтом Религиозной Культуры Тканей».

Эти слова заставили меня перенестись назад в 1918 год, когда один из моих друзей биологов водил меня осматривать Рокфеллеровский Институт в Нью - Йорке. При слове «культура тканей» я вновь увидел перед собой доктора Алексиса Кэрелла и множество американских девушек в белом, работавших над культурами, стерелизовавших, микроскопировавших, выращивающих в инкубаторе и пр. и пр. Институт Хэкомба был, правда,

не так хорошо оборудован, но имел за то еще более обширный, хотя и иного цвета кожи, персонал.

Хэкомб начал свои объяснения.

«Как вы, вероятно, знаете, «Золотая Ветвь» Фрезера*) приводит нас к идее священного короля - жреца и доказывает, как она глубоко коренится в примитивном обществе. Благополучие племени рассматривается, как неразрывно связанное с благополучием короля; необычайные предосторожности принимаются для охранения его особы. В государстве, где мы с вами сейчас находимся, в древние времена королю с трудом разрешали ступить на землю из боязни, чтобы он не утратил части своих священных достоинств. Его остриженные волосы и обрезки ногтей были вверяемы одному из наиболее важных сановников государства, на обязанности которого лежало тайно их похоронить из боязни, чтобы какой нибудь враг посредством черной магии не навлек бы болезни или даже смерти на короля. Если кто либо из люлей низкого происхождения наступал на королевскую тень, он платился за это прегрешение жизнью. Существовал обычай ежегодно заставлять одного из рабов играть в продолжение недели роль короля, предоставляя ему, если он того хотел, наслаждаться королевскими женами, и обезглавливая его по прошествии этого короткого срока славы, полагали, что болезни и несчастья, могущие постигнуть короля, искупались казнью его заместителя.

Я начал с того, что установил свои лаборатории и с помощью Эджерса преуспел в выращивании очень хороших культур в начале из цыплячьей ткани, а позднее при помощи эмбриональных вытяжек из тканей различных взрослых млекопитающихся. После этого я объявил Багаде, что могу приумножить безопасность короля, если не как индивидуума, то, по крайней мере, как сущность жизни, в нем заключающейся, и обосновывал это положение вескими доводами и с теологической точки зрения. При этом я заметил, что если бы он пожелал взять на себя обязанность быть хранителем Вспомогательных Жизней Короля, то положение его стало бы гораздо более значительным, чем Начальника Двора или Хранителя Священных Обрезков Ногтей, и что легко сделать этот пост самым влиятельным в королевстве.

Действительно, мне было разрешено (под страхом смертной казни в случае какой либо неудачи) извлечь у Его Величества под местным наркозом маленькую частицу подкожной связующей ткани. В присутствии всех сановников племени я положил эту частицу в культуру и показал им ее под микроскопом. Потом

*) Фрезер — один из самых крупных, современных, английских ученых прославившийся своими трудными по антрологии и первобытной культуре, главным образом по вопросам о происхождении религии.

культуры были помещены в инкубатор и к ним был приставлен караул — с полдюжины сменявшихся каждые восемь часов воинов. По прошествии трех дней, к моей большой радости, все они принялись и дали обильный рост. Заметив впечатление, произведенное этим на членов совета, я произнес горячую речь, указывая на то, что рост этот представляет реальное увеличение количества священного принципа, заложенного в особе короля, и что особенно важно — возможность увеличения этого роста до бесконечности. При этом я разделил каждую из моих культур на восемь частей и подверг их выращиванию в отдельности. Они вновь были помещены под охрану и вновь осмотрены через три дня. Не все из них принялись на этот раз, и я заметил перешептывания и злые взгляды по поводу того, что я убил некоторую часть короля. Но я ответил на это, что король остается все тем же королем, что его маленькая ранка совершенно зажила и что удавшиеся культуры представляют собой уже избыток охраняющей государство силы короля. Должен заметить, что они были очень благоразумны и обладали хорошим теологическим складом ума, так как сразу согласились с моими доводами.

Я уговорил Багаду, а он в свою очередь без большого труда убедил остальных, что можно было бы упразднить многие из обрядов, вытекающих из их старой трактовки идеи «величества». Наиболее важным из новых начал, которые мне удалось ввести в их религию, было начало массового производства. Целью наших усилий было приумножить королевские ткани до громадного количества, дабы обеспечить любой уголок страны охранительной силой. Так, увеличивая количество королевской ткани, мы способствовали освобождению короля от многих наложенных на его образ жизни стеснений. Это, конечно, было приятно королю, а также и Багаде, совершенно потерявшему голову от упоения такою властью, о которой раньше он даже не мог мечтать. Казалось, можно было бы ожидать противодействия этим новшествам, уже хотя бы потому, что то были новшества, но должен отдать справедливость этим людям — они выгодно отличались от наших средних деловых людей отсутствием в этой области предрассудков.

Установив таким образом принципы, мы много спорили с Багадой о лучших способах включения всей массы населения в наш проект. Какие перспективы в области научной популяризации! Но, к сожалению, население было неграмотно! Однако, во время войны работала же пропаганда весьма успешно в более или менее малограмотных странах, почему бы не удалось этого и нам.

Хьюмб организовал в столице серию публичных лекций, во время которых демонстрировал толпе, созданной на площади королевскими глашатаями, выращенные им ткани. Значительный по размеру помост был всегда заполнен рядами аристократии.

Лектор объяснял, как важно было для общины сделаться собственницей все растущих и растущих запасов священной ткани. К сожалению, изготовление тканей было кропотливо и дорого и это заставило его обратиться к народу с просьбой придти в этом деле государству на помощь. И пришли к соглашению, что каждый, пожертвовавший корову, буйвола или их эквивалент — три козы, свиньи или овцы, получит кусочек королевской анатомии, вделанный в красивый кусочек черного дерева. Причем эти ткани должны будут периодически в определенные дни и часы, предоставляться в лабораторию для обновления. Если бы ткань умерла вследствие какой-нибудь небрежности, то она замене не подлежала. Жертвователь получал право пользоваться услугами лаборатории в течение целого года, по прошествии которого его право могло быть возобновлено. Этим путем не только было бы увеличено количество вещества короля в целом ко всеобщему благоденствию, но и каждый держатель частицы ткани являлся бы владельцем настоящего кусочка «Его Величества» и мог гордиться, что собственными силами способствует приумножению божественной субстанции.

Кроме того, каждый мог служить отечеству, предоставив в его распоряжение свою дочь. Эти девушки должны были содержаться за счет государства и обучаться технике священной культуры. Наиболее подходящие из кандидатов, обнаружившие известную подготовку в области общих принципов религии, допускались бы к шестимесячному испытанию в деле их практического применения. По окончании этого испытания они получали штатное место со званием Сестер Священной Ткани. С течением времени они могли ожидать повышения в разряд «Матерей», «Бабушек», «Прабабушек» и «Прапрабабушек» Священной Ткани. А духовные преимущества, получаемые ими от близкого соприкосновения с источником всех благ, распространялись и на их семьи.

Дело пошло с быстротою лесного пожара. Свиньям, козам, рогатому скоту и негритянским девушкам не было счета. На другой год схема была расширена на всю страну и лаборатория работала круглые сутки, не покладая рук.

К концу третьего года вряд ли можно было бы найти во всей стране хотя одну семью, не являющуюся обладательницей по крайней мере одной частицы священной ткани. Мне кажется, что человек, неимевший этой ткани, чувствовал бы себя приблизительно так же, как мы с вами, попав без брюк (или по крайней мере без шляпы) на Пятое Авеню в Нью - Йорке.

Так произвел Багала реформу национальной религии, заняв первое место в стране и связав прикладную науку и Хэкомба неразрывными узлами с самой сущностью государственного устройства.

Ободренный этим успехом, Хэкомб вскоре принялся за другую область их религии — за почитание предков. Было объявлено во всеобщее сведение, что вместо почитания иссушенных костей предков, лучше почитать их живую и растущую ткань. Поэтому тот, кто хочет воспользоваться услугами Багальского Государственного Департамента, должен в определенные часы привезти в лабораторию своих старших родственников, у которых там безболезненно будут взяты кусочки ткани для культивирования.

Это тоже оказалось весьма привлекательным для обывателей. Хотя, правда, не редки были случаи протеста и возмущения со стороны дедов и бабок. Но протесты эти не играли большой роли, так как все равно всем достигшим двадцатипятилетнего возраста предписывалось законом почитание родителей и предков, как живых так и умерших. И те и другие предоставлялись законом в полное распоряжение своих потомков для осуществления над ними всех установленных обрядов поклонения в целях вящей крепости всеобщего благополучия. Кроме того, старики скоро убедились, что операция сама по себе была пустяшной и, что еще важнее, раз навсегда освобождала их от многих неприятностей. Младшее поколение предпочитало сразу поклоняться священным тканям, которые останутся с ними и после смерти стариков, и тем самым освобождало родителей и предков от многих стеснений, которые во все времена истории сильно докучали всем официально святым.

Таким образом, почти в каждом доме вместо старомодной шеренги красивых горшков с пеплом всех фамильных страсто-терпцев, подрастающее поколение могло любоваться все увеличивающейся коллекцией фамильных пластинок. Каждая из них в час молитвы вынималась и с благоговением осматривалась. Вы могли бы ненароком подслушать следующие слова какогонибудь набожного негрятенка: «Что то дедушка плоховато растет эту неделю»; отец семейства горячо молился над пятнышком нежелательней расти ткани и, если и это не помогало — ее несли в лабораторию для омоложения. Сколько за то радостей, когда пульс жизни бился в культурах. Вспышка деятельности в прабабушкиной ткани воскрешала в памяти ее стариковскую морщинистую улыбку; и временами казалось, будто целое своеобразное поколение одновременно пульсировало в биении роста, как бы пытаясь благословить своих набожных потомков.

Чтобы бороться с возможностью вымирания культур, Хэкомб образовал центральный склад для хранения дубликатов; это и было то самое хранилище национальных тканей, которое привлекло мое внимание в глубине лаборатории. Хэкомб уверял меня, что нигде в мире не существовало подобной коллекции. Не «Некрополис», а «Гистополис» (да простят мне это новое слово), не кладбище, а место вечного произрастания.

Второе здание было посвящено опытам в области внутренней секреции и носило в народе название «Фабрики Служителей Культа».

«Здесь», сказал Хекомб, «вы вряд ли найдете много нового. Вы, вероятно, помните, то увлечение железами внутренней секреции, которое было столь распространено у нас лет двадцать тому назад и сопровождалось появлением чего то вроде новых патентованных средств, вытяжек различных желез и ростом популярной литературы, угрожавшей было заткнуть за пояс даже Фрейда и объяснявшей жизнь человека исключительно деятельностью желез без всякого отношения к сознанию.

Я только применил мои знания в довольно примитивных формах. Раньше всего надо было попытаться заинтересовать Багалу возможностью вырастить великана из обыкновенного ребенка посредством повторных инъекций вытяжек из передней части гипофизы. Мысль эта ему очень понравилась и он подал идею о сформировании священной охраны из великанов, которые превосходили бы даже гренадеров Фридриха Великого.

Кроме этого, я использовал тот же метод и в других направлениях. Я воспользовался тем, что их религия предписывает почитать чудовищные и idiotические экземпляры человеческого рода — обычное явление во многих странах, где поло — умные считаются вдохновенными свыше, а карлики вызывают безотчетный страх. Таким образом, я начал работу над созданием новых человеческих разновидностей. Пользуясь особым экстрактом надпочечной железы, я вырастил детей, напоминавших Геркулеса в детском возрасте и действительно бывших чем то средним между ним и ломовым извозчиком. При всprыскивании того же состава молодым девушкам, я награждал их обильно растущими усами, что обеспечивало им положение прорицательниц.

Начав работать над шишковидной железой, я добивался половой зрелости у семи — восьмилетних детей; подобный ребенок описан в «Рыцаре горящего пестика» (надо полагать, у него была опухоль шишковидной железы). Эти дети произвели наибольшее впечатление, одно время было настоящее на них помешательство. Но не стоит останавливаться на этом подробно. Пользование задней частью гипофизарной железы дало замечательные случаи тучности. Я думаю, что Багале и из этого удалось извлечь немалую выгоду: использовав то, что местные мужчины особенно падки на женскую полноту, он продавал им в наложницы рабынь, к которым был применен этот метод. И, наконец, результатом моей работы над гипофизарной железой были карлики совершенно пропорционального сложения.

Карлики этой продукции зачисляются в прислужники храма; группа дородных молодых дам составляет как бы Орден Дев Весталок со специальными религиозными функциями, которые

они, как воплощение национального идеала красоты, выполняют, предполагается, с исключительно благоприятными результатами; великаны же составляют регулярную армию.

Дородные Девы поставили передо мною проблему, которой, сознаюсь, я до сих пор еще не разрешил. Как все расы, уделяющие большое внимание половым наслаждениям, эти люди испытывают преувеличенное преклонение перед девственностью. Поэтому мне пришла в голову мысль: не мог ли бы я применить великое открытие Якова Леба — искусственный партеногенезис — к людям, точнее к этим молодым девам, и не удалось ли бы мне вывести породу весталок, саморазмножающихся, но всегда девственных, на которых сосредоточилось бы это преклонение. Видите ли, я всегда должен помнить, что не могу начинать никаких работ, если они не способствуют процветанию национальной религии. Думаю, что субсидированные правительством научные изыскания встретили бы аналогичные препятствия и в наших поистине демократических государствах. Вот это и останавливало меня до сих пор. Я поставил вопрос шире, чем это делал Батальон с его без-отцовскими лягушками, и вызвал партеногенезис яиц, гадюк и птиц, но с млекопитающимися мне пока что еще ничего не удастся. Однако, я еще не отчаялся!».

Затем он ввел меня в следующую лабораторию, полную самыми невероятными животными чудовищами.

«Это одна из самых занимательных моих лабораторий, — сказал Хэкомб: «ее официальное название Родина Живых Фетишей. Здесь я опять взял за исходную точку характерную черту верований народа и положил ее краеугольным камнем моего исследования. Я уже вам говорил, что эти люди всегда имели тяготение к уродливому и пользовались в качестве амулетов маленькими статуэтками животных из глины или слоновой кости самых причудливых и безобразных форм.

Я подумал, не мог ли бы я при помощи моих знаний подействовать какнибудь на природу животных и занялся восстановлением в памяти экспериментальной эмбриологии. Я применяю только самые простые способы. Я использую пластичность ранних стадий развития, чтобы создавать двухголовых и одноглазых чудовищ. Это, конечно, не ново и давным давно проделывалось на водяных ящерицах Спиманном и на рыбах Стоккардом; я же только приложил метод массового производства мистера Форда к их достижениям. Моей главной специальностью являются трехголовые змеи и жабы с необычайно задранными к небу головами. Производство этих последних наиболее хлопотливо, но за то на них большой спрос и высокая цена. Лягушки легче: я просто на просто прилагаю метод Гаррисона к эмбриону головастика».

Тут он ввел меня в последнюю из своих лабораторий. Она не была похожа на остальные и не носила следов научных работ,

а была пуста. Стены ее были гладко обтянуты черной материей. Освещалась она верхним светом. Центр комнаты занимал ряд скамей из черного дерева; перед которыми блестел на подставке золотой шар.

«Здесь я начинаю мои работы над взаимоусиливающей телепатией», сказал Хэкомб. «Когданибудь вы должны придти посмотреть, в чем заключается эта работа, так как они действительно очень интересны».

Вы не можете себе представить, как я был ошеломлен всем этим каталогом чудес. Каждый вечер разговаривали мы с Хэкомбом на эти темы и постепенно эти беседы превратились в интереснейшие минуты нашей повседневной жизни. Однажды я спросил его, потерял ли он всякую надежду на бегство. Он как то странно, нерешительно помолчал. Наконец, ответил:

«Сказать вам правду, дорогой Джон, я как то мало думал об этом в последние годы. В начале это казалось так невероятно, что я сознательно выбросил эту мысль из головы и с все возрастающей энергией, я сказал бы даже, с бешенством, всецело отдался работе. И теперь, клянусь честью, я не уверен, хочу я бежать или не хочу».

«Не хотите!» воскликнул я: «вы, конечно, шутите?»

«Я не вполне в этом уверен», возразил он. «Чего я жажду больше всего, так это продвинуть как можно дальше мои исследования. «Вы, дорогой мой, повидимому, не вполне сознаете, какие возможности здесь мне представляются. К тому же, работа эта продвигается так успешно. — Передо мной с каждым днем открываются все более и более широкие перспективы»; и он замолчал.

Хотя я и был в достаточной степени заинтересован всеми его открытиями, все же я не чувствовал себя в состоянии принести мое будущее в жертву его болезненному научному честолюбию. А он не хотел бросать своей работы.

Опытами, больше всего волновавшими его воображение, были эксперименты в области массовой телепатии. Он получил свое медицинское образование в те времена, когда психология аномального еще не вошла в моду у нас, в Англии, но к счастью, позднее судьба свела его с молодым доктором, ярким сторонником теории гипноза, через которого он и познакомился с двумя из известнейших пионеров этого вопроса, с Брэмвеллом и Винкфильдом. В результате он сам приобрел значительные познания в области гипноза и прочитал множество литературы по этому вопросу.

Еще в первые годы своего пленения он обратил внимание на происходившие каждое полнолуние священные танцы, которые, согласно народному поверию, служили для умиротворения небесных сил. Все танцоры принадлежали к особой касте. После

целого ряда зажигательных танцев, изображавших эпизоды охоты, войны и любви, предводитель подводил группу танцоров к особой скамье и начинал делать над ними пассы, причем Хэкомба особенно поразило то, что было достаточно нескольких секунд, чтобы заставить танцоров откинуться на спинку черного дерева в состоянии глубокого гипноза. Это заставляло вспомнить, говорил он, самые редкие случаи коллективного гипноза, отмеченные французскими учеными. Вслед затем предводитель, идя вдоль скамейки, напечатывал на ухо каждому загипнотизированному короткую фразу. После этого, согласно обычаю, установленному с незапамятных времен, он приближался к королю - жрецу и восседал громогласно: «О, повелитель, что прикажешь исполнить танцорам твоим». Король давал приказание, до того времени хранившееся в строжайшей тайне. Это бывало обыкновенно приказание или достать какойнибудь предмет и сложить его к подножию храма луны или сразить врагов отечества или (что особенно любили зрители) обратиться в какоенибудь животное или птицу. Каково бы ни было приказание, загипнотизированные танцоры неизменно исполняли его, ибо напечатанные им на ухо предводителем слова значили: услышать и исполнить волю короля; и перед зрителями проходили страннейшие картины: танцоры бежали, забыв все окружающее, в поисках заказанных королем тыков или овец, метали копье в несуществующего врага, ставши на четверенки, рыкали подобно львам, скакали, подобно зебрам, или выступали по журавлиному. Исполнив приказание, они застывали как каменные столбы, до тех пор, пока их предводитель, перебегая от одного к другому, не касался каждого из них пальцем, приказывая проснуться. Тогда они просыпались, обессиленные, с сознанием, что служили сосудами какомуто неизвестному духу и, танцуя, отступали к предназначенной для них хижине.

Эта восприимчивость к гипнотическому внушению поразила Хэкомба и он добился разрешения поближе изучить танцоров. В скором времени он убедился, что эти люди легко поддавались внушению и быстро впадали в глубокий гипноз, с той разницей, что у них отсутствовал полный разрыв сознательного с бессознательным, как это наблюдается у европейцев. Как всякий более или менее искушенный в вопросах психологии человек, он заинтересовался этим признаком телепатии. Имея под рукой такой запас медиумов, он серьезно занялся исследованием этой проблемы.

Сделав отбор наиболее восприимчивых и заставляя одного медиума передавать другому без всяких физических посредников мысль на расстоянии, он тем самым удостоверился в явлениях телепатии. Позже (это было высшей точкой его достижений), делая внушение нескольким медиумам одновременно, он добивался телепатического эффекта значительно большей силы, чем

делая эти внушения каждому порознь, — ибо загипнотизированные сознания взаимно усиливали друг друга. «Я попал на след сверхсознания», подумал Хэкомб: «отправная точка на лицо».

Должен признаться, что я почти с таким же энтузиазмом, как и сам Хэкомб, отнесся к открывшимся таким образом горизонтами. Действительно, казалось, он был в главных чертах прав. Когда нам удавалось довести гипнотизируемых субъектов приблизительно до одинакового психологического состояния, мы наблюдали необычайное усиление телепатических эффектов. Сначала эта однородность условий была трудно достижима; постепенно однако, мы пришли к способу настраивать, выражаясь метафорически, медиумов на один тон, и тут началось самое интересное.

Мы заметили, что с увеличением взаимоусиления мы расширяли действие телепатических волн на все большие и большие пространства, пока, наконец, не смогли передавать приказы из столицы на сто миль, приблизительно, до границы страны. В дальнейшем мы заметили, что не было никакой нужды находиться под гипнозом для восприятия телепатических приказов. Почти все, особенно люди уравновешенные, могли легко подвергаться их действию. Самое замечательное во всем этом, было явление, вызванное нами, в начале, эффектами на близкое расстояние», ибо возможность его действия на далекие расстояния была найдена лишь впоследствии. Заключалось оно в том, что после того, как мы с Хэкомбом внушали какойнибудь приказ значительной группе медиумов, я или он, вмешиваясь в их толпу, испытывали сильное ощущение, будто какаято сверхчеловеческая сила с потрясающей настойчивостью повторяла наш приказ; и в то время, как, с одной стороны, мы ощущали, что не можем не выполнить нами же данного приказания, с другой, мы, как бы чувствовали себя одной лишь частью этой команды, а приказывающей была, казалось, какаято огромная, потусторонняя сила. В этом Хэкомб и видел самую сущность надсознания.

Нельзя было, конечно, и в этом вопросе обойтись без привлечения к делу Багалы. Имея в виду древнее молитвенное колесо Тибета, Хэкомб предложил главному жрецу попробовать подвергнуть внушению все население для передачи молитвы. Это давало уверенность в том, что каждодневная молитва произносилась бы на самом деле всем населением и, что важнее, произносилась бы одновременно, что без всякого сомнения только усилило бы ее действие. Это давало также возможность собирать во едино всю чудодейственную силу молитвы народа во времена бедствий и битв.

Багала был явно заинтересован: он уже видел себя начинающим мозги своего народа собственными мыслями; он видел весь народ готовым исполнить малейшую его прихоть; он видел

сны, перед которыми бледнели и жалкими показались бы сны директора газетного синдиката или даже начальника пропаганды военного времени. Понятно, он пожелал сам овладеть этим методом и что еще понятнее — мы не могли отказать ему в этом, хотя должен сознаться, я чувствовал себя немного не по себе при мысли, что он в будущем мог бы отстранить Хэкомба и производить эти опыты сам. Это еще более усилило мое всегдашнее желание выбраться из этой страны и заставило лишний раз подумывать о способах бегства. Тогда то мне и пришлось в голову, что именно то открытие, которое вызывало во мне столь мрачные предчувствия, могло бы само по себе быть превращено в ключ от нашей тюрьмы.

И вот, однажды, я завел с Хэкомбом разговор о том, какая была бы потеря для человечества, если бы его великое открытие умерло вместе с ним в Африке.

«Послушайте, дорогой Хэкомб», серьезно обратился я к нему: «вы должны вернуться домой. Что мешает вам сказать Багале, что Ваши опыты почти увенчались успехом, но что для известных проверок вам нужно иметь в своем распоряжении гораздо большее число медиумов. Вы сможете тогда при помощи группы, человек в двести, предварительно их настроив соответствующим образом, достигнуть, путем взаимоусиления, мыслительной энергии, достаточной для воздействия на все население. Тогда в один прекрасный день, доведя потенциал нашей интеллектуальной батареи до наивысшего возможного уровня, мы послали бы гипнотическую волну громадной силы. Вся страна — мужчины, женщины и дети — все впали бы в оцепенение. Потом мы внушили бы нашему отряду медиумов разослать повсюду приказание — «сон на неделю». Этим путем наше телепатическое послание пустило бы корни в тысячи сознаний и превратило бы всю страну в брошенную нами сверхсознательную мысль: «Сон».

Читатель, возможно, заинтересуется, как же думали мы сами избежать об'ятий нами же созданного сверхсознания. Видите ли, мы открыли, что металл был сравнительно непроницаем для телепатических волн и приготовили себе нечто вроде оловянной кафедры, за которой мы могли бы стоять во время руководства опытами. Кроме того, шлемы из металлических пластинок сильно уменьшали действие телепатии на нас самих это свойство металла, надо заметить, мы скрыли от Багалы.

Хэкомб долго молчал.

«Мне нравится мысль, наконец, заговорил он: «что если я когда либо вернусь в Англию, к продолжению моей научной деятельности, то этим я буду обязан исключительно моим же открытиям».

С этого дня начали мы прилежно работать над осуществлением нашего плана. Пять месяцев спустя все оказалось готовым.

Мы запаслись провизией и компасами. Карабин, оставленный мне при нашем пленении, под условием никогда не разряжать его, был до сих пор в моем распоряжении. Мы успели подружиться за это время с несколькими кучками, ходившими регулярно торговать на побережье и получили от них все необходимые сведения о дороге, не возбудив при этом никаких подозрений.

Наконец, намеченная нами для побега ночь наступила. Собрав наших людей, как бы для обычных занятий и подвергнув их гипнозу, мы начали их настраивать. В этот момент без всякого доклада вошел Батала. Этого мы не могли предотвратить и больше всего боялись.

«Что нам делать?» шепнул я Хэкомбу по английски.

«Валайте дальше, — наплевать на все», отвечал он: «мы усыпим и его вместе с прочими».

Мы приветствовали его и постарались посадить как можно ближе к плотно сидящим рядам медиумов. Наконец, приготовления были закончены. Хэкомб вошел на кафедру и сказал:

«Внимание к словам, которые будут внушаемы».

Легкая судорога пробежала по телам.

«Сон», крикнул Хэкомб, «Сон» — вот приказ; передайте всей стране спать непробудно».....

Тут Батала вскрикнул, хотел вскочить, но индукция уже началась.

Покрытые металлическими шлемами, мы были в безопасности. Батала же получил удар всей силой телепатического тока: беспомощный, опустился он в кресло. Еще несколько минут боролась его необычайная воля против внушения. Он уже не мог двигаться, но злобные глаза его еще были открыты. Наконец, поддался и он и заснул.

Не теряя времени, мы пустились в путь по замолкнувшей стране. Как восковые фигуры, застыл вокруг народ: над ведрами с молоком заснули доившие женщины (вдалеке паслись коровы); играя заснули жирные голые ребятишки; стоя вокруг пищи, заснули в домах обыватели.

Так продвигались мы среди этой странной обстановки, с трудом веря, что эта страна погружена нами в сон. В конце концов, граница была достигнута и мы с облегчением миновали великана — часового. Пройдя несколько миль, мы остановились закусить и выспаться. Утомленные поклажей, мы решили оставить некоторую часть пищи, принадлежностей и шлемы, так как на таком расстоянии и при ослабевающей интенсивности внушения они нам казались ненужными.

На третий день к вечеру Хэкомб внезапно остановился и повернул голову.

«В чем дело? — спросил я: «Вы видите льва?»

Ответ его был совершенно неожиданный:.

«Нет, я думаю, не нужно ли мне действительно вернуться?»
«Вернуться?» воскликнул я: «во имя Всемогущего Бога!
«К чему это?» —

«Минут пять тому назад мне вдруг показалось, что я это должен сделать», ответил он: И действительно, если хорошенько подумать, представится ли когданибудь вновь подобный случай для исследований? Кроме того, это путешествие к побережью очень опасно, и я боюсь, что мы не доберемся живыми

Я был совершенно ошеломлен подобным заявлением и чисто-сердечно признался ему в этом. И вдруг на несколько мгновений я сам почувствовал, что тоже должен вернуться. Это было нечто вроде старого друга нашего детства — голоса совести.

«Да, в самом деле, мы должны вернуться», остро почувствовал я. И внезапно, точно опомнившись, блеснула мысль: «почему же именно мы должны возвращаться». Я старался проверить свои доводы и все же чувствовал, что какая-то непреодолимая сила толкала меня на возвращение. Наконец, я понял, что случилось. Багада проснулся и, парализовав действие нашего внушения, послал новую волну сверхсознания. Я ясно видел его, ловкую бестию, сосредоточенно продумывающего (надо отдать справедливость его мозгам) свой план, делающего пассы и нашептывающего новое внушение: «вернись, вернись». Приказ для большинства обывателей был бессмысленен, ибо они уже были дома. Конечно, некоторые бродившие по долинам юноши, — игравшие в дали от дома дети, убежавшие на тайные свидания с возлюбленными девушки — возвращались теперь осовевшие, в сомнамбулическом трансе по домам. Только для них этот приказ имел какой-нибудь смысл, для них и... для нас.

Я излагаю это теперь длинно и повествовательно, тогда я мгновенно и совершенно ясно представил себе картину случившегося. Я сообщил все это Хэкомбу; я пытался доказать ему, что это должно быть именно так и что ничто другое не могло бы объяснить эту внезапную в нас перемену; я взывал к его здравому смыслу, я просил, я умолял его собрать всю свою волю и двинуться дальше. Как я сожалел теперь, что, желая облегчить себя от лишней поклажи, мы бросили наши металлические шлемы, предохранявшие нас от силы внушения.

Хэкомб не хотел или не мог понять моих доводов. Думаю, что он просто глубже, чем я, проникся духом страны, сильнее сроднился с африканской жизнью и потому был более восприимчив к внушению. Как бы там ни было — он был непоколебим: он должен вернуться, для него это совершенно ясно; это его священный долг, и еще много тому подобной чепухи. Все это время внушение действовало и на меня и я, наконец, почувствовал, что если не увеличу расстояния между собой и этой соединенной волевой батареей, я тоже сдамся.

«Хэкомб, обратился я к нему в последний раз, — я иду вперед. Ради Бога идем со мной».

При этом я взвалил себе на плечи поклажу и двинулся вперед. Я заметил, что он был потрясен. Он сделал несколько шагов за мною, но, в конце концов, все таки остановился и, несмотря на мои многократные призывы, направился обратно. С тяжелой душой, смею вас уверить, продолжал я свой одинокий путь. Я не буду утомлять вас изложением своих приключений: достаточно сказать, что изнуренный от усталости, голода и лихорадки, достиг я, наконец, аванпостов белых людей.

Им я не рассказывал всего о моих злоключениях, а сообщил лишь о том, что наша экспедиция сбилась с дороги и что мои люди частью разбежались, частью были перебиты местными дикарями. Наконец, я достиг Англии. Я был совершенно разбитым человеком. Меня давили мысли о Хэкомбе, попавшемся в собственный капкан. Глубокий мрак заполнил мое сознание. Я так никогда и не узнал, что с ним стало, и думаю, что теперь уж никогда и не узнаю. Вы, может быть, спросите, почему я не попробовал организовать спасательную экспедицию или почему я не доложил открытий Хэкомба Королевскому Научному Обществу или Метафизическому Институту? На это я повторяю — что я был совершенно разбитым человеком. Я не надеялся, что мне поверят. Я совсем не был уверен, что смогу повторить наши опыты даже на том самом человеческом материале, а тем более над людьми другой расы. Я боялся быть смешным. И, наконец, меня мучило сомнение, не окажется ли знание массовой телепатии скорей проклятием, нежели благословением для человечества.

Теперь я уж стар и чувствую себя старше своих лет. Хочется сбросить с своей совести эту историю. Старики, кстати, любят проповедывать и вы, — дорогой читатель, — должны простить мне тот проповеднический тон, который, я чувствую, принимает сейчас мой рассказ. Я хочу коснуться следующего вопроса: Доктор Хэкомб достиг непревзойденной высоты в прикладной науке, но к чему все это привело? Пустяки все это и болтовня, будто рост и сила научного знания, как продолжают утверждать большинство нашей печати и публики, являются сами по себе благом. Я предлагаю широким кругам почтеннейшей публики очевидную мораль моего рассказа и прошу их подумать, что они предполагают сделать с той силой, которую постепенно накапливают для них работы тех, кто работает потому, что любит силу или потому, что хочет найти правду о вещах мира.

Юман Гексли.

Перевел с английского **А. Брей.**

Литературные отклики.

*Бунин — критик. — Антон Крайний и Зинаида Гитлис. . .
О «Верстах».*

Есть в нашей эмиграции несколько писателей, которых бог порастил тяжелым недугом: они твердо убеждены, что «русская литература — это мы». В особо острых случаях этого заболевания каждый думает: «литература — это я!» И поэтому своей прямой обязанностью считает не столько писать романы и стихи, сколько с высоты престола — в качестве такого местоблюстителя Апполонова — представлять за русское искусство, стоять на страже русского языка и изгонять из собственных владений крамольников и иноверцев.

Конечно, никому не возбраняется забавляться в меру сил и разума, но для некоторых литературных местоблюстителей одной забавы мало: они рвутся в бой и ради этого даже выступают в неприсущих им ролях проповедников, публицистов и критиков.

Подобное происшествие случилось недавно с И. А. Буниним, заявившим себя в «Возрождении» довольно скверным критиком. Об этих выступлениях можно было бы и умолчать, если бы не были они столь типичны для всей нашей литературной знати и их придворной челяди и если б не были они подписаны Буниным. Как ни как — имя крупное — и средний читатель, особенно из тех, у кого в неприкосновенности сохранилось почтение к великим мира сего — готов придать преувеличенную ценность отзывам «академика». Этот читатель не знает, что быть хорошим

писателем отнюдь не означает еще быть таким же критиком. Многие писатели совершенно не обладают чувством такта и их слух не режут скрипящие или хриплые ноты собственного голоса. Это блестяще подтверждается именно на примере Бунина.

Бунин очень хороший писатель, хотя для меня *мертвый*, потому что не двигающийся, застывший и принадлежащий к завершенной главе истории русской литературы. Она давно уже дописана, а Бунин к ней только приписывает. Он весь в прошлом — психологически, формально, по своим сюжетам, по своей трактовке, по своим подходам к людям и России. Как и герой его рассказа «Несрочная весна», он может только уйти в Элизиум воспоминаний, и единственно живым для него является мир мертвых. И «что может быть у меня общего с этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную?» И может быть потому, что так всецело принадлежит он «потонувшему миру», что для часа сегодняшнего он неживой, — ему самому неживыми, призрачными кажутся те, кто пришли на смену, вместе с этим новым днем.

Я понимал и уважал бы Бунина, еслиб, осознав для себя невозможность примирения с этим новым, ушел он в сторону, замкнулся в одиночестве и молчании — ибо опустошена вселенная. Я еще более уважал бы его, если б он старался *понять* и принять это новое. Есть ведь такие писатели, которые умели замечать и в гроб сходя благословлять. Но для этого надо обладать внутренней чуткостью, душевной отзывчивостью и умственной широтой, то есть всем тем, что делает крупного писателя и крупным человеком, и чего нет у Бунина.

Бунин безнадежно глух, ослеплен политической злобой и скован самомнением и предубежденностью. Поэтому не может он сказать: «я не принимаю, потому что не понимаю». Для этого признания требовалось бы новое благородство жеста, которое у Бунина отсутствует: он не оценить хочет, а унижить, не разобрать, а опельмовать. Злобу вызывают в нем все эти «новые люди» литературы, все эти нечитулованные пришельцы, к которым он, дворянин от искусства, относится с тем же презрением, что и грешной барин к «хамам» и «кухаркиным детям». Для него они враги, он с ними борется, и в борьбе этой готов применить самые невероятные приемы. Ибо насколько сдержан Бунин

художник, настолько же распущен и не брезглив Бунин критик и публицист. Еще и прежде говорил он невоздержанные речи в парижских собраниях, самому себе желал проникнуться собачьим бешенством, чтобы отомстить большевикам, или бросал неприличные фразы о Блоке. Но все это превзойдено Буниным в его последних двух «опытах», нашедших приют в весьма гостеприимном на подобные вещи «Возрождении» (поистине широкое, истинно русское гостеприимство для отчаянно бездарных рассказов и критических статей).

В Праге уже года два выходит студенческий журнал «Своими путями». Направление его республикано демократическое с сильной национальной окраской, изредка даже впадающей в евразийствующие оттенки. В прошлом году журнал устроил анкету о современной русской литературе у писателей, живущих за границей. Обратились, конечно и к Бунину. Но вместо оценки русской литературы получилось письмо, в котором Бунин просил прислать журнал для ознакомления и добавлял: «впрочем, если журнал печатается по новой орфографии, не трудитесь присылать». Как известно, для Бунина, для Гиппиус, приславшей ответ в том же духе, равно как и для других блюстителей, новая орфография — каинова печать, за которую как за смертный грех, припекут на том свете ее приверженцев. Не грозил разве несколько лет тому назад некий профессор, бывший в то время в Белграде и писавший книги о христианстве, что в будущей России за новую орфографию станут вешать? Хоть явись сейчас Пушкин в России, не читали б его белградские профессора и парижские академики — потому что печатался бы он по новой орфографии. Впрочем, Бунин явно прогрессирует по сравнению с прошлым годом: хотя и не очень внимательно, но все же начал он читать эмигрантские издания, печатающиеся по дьяволовой грамоте.

Недавно «Своими путями» выпустили специальный номер, посвященный литературной молодежи (как известно, все о молодежи говорят и очень ей сочувствуют, но печатать ее не рискуют). Бунин этот номер прочел и сразу же объявил в органе Петра Струве, тоже академика, местоблюстителя и ревнителя старой России и старой орфографии: пражские молодые литераторы — комсомольцы, ибо в заметках «Цапля», высмеивавших курьезы и неправильности языка в эмигрантских изданиях,

упомянули и о стиле воззваний вел. кн. Николая Николаевича. Стиль этот псевдо народный, под дубок, с раздражающими оборотами речи квасного патриотизма, который никогда не скажет «русский народ», «православная вера», а непременно «народ русский, вера православная». Автор «Цапли» этот народный слог княжеских салонов назвал парафиновым слабительным, а Бунин за великого князя обиделся. Бог весть, какое отношение Николай Николаевич, один из претендентов на разрушенный русский престол, имеет к литературе — но Бунин не стерпел: ведь тоже местоблюститель. Забавно, что комсомольцами обозвал (для Бунина выругал) он всех сотрудников «Своими путями», в том числе и автора «Цапли». А я, грешным делом, вчитываясь в заметки, помещенные в студенческом журнале, узнаю в них перо совсем уж не юнца в литературе и вовсе не комсомольца. Да и Бунин мог бы догадаться, да запальчивость, особенно политическая — поспешна.

Политикой, а не художественными оценками продиктован и отзыв Бунина о другом эмигрантском журнале, «Версты».

В первом номере этого нового издания (о нем самом ниже), совершен ряд преступлений, вызвавших язвительные стрелы Бунина. Я уж не говорю о новой орфографии. Есть и худшее: перепечатки советских авторов и признание их ценными для русской литературы, а также непочтительные характеристики творчества Бунина и его попутчиков по «ядру» «Современных Записок». Непочтительность заключается в том, что о Буине не сказано то, что мы привыкли читать во всех эмигрантских изданиях: ведь точно по команде, об'явлен Бунин красой и гордостью русской эмиграции, литературы, искусства и прочая и прочая. Его считают (и это еще с полбеда), и он сам себя считает (в этом то и беда) некоронованным главою русской литературы. И все, кто не желает присоединиться к хору заученных приветствий, немедленно об'являются либо комсомольцами, либо литературными моськами, лающими на академического слона».

Крестовый поход против «Верст» ведется Буниным с большой энергией и в сильных выражениях. «Нелепая, скучная и очень дурного тона книга», начинает Бунин свою рецензию. Но тут же любитель хорошего тона задает вопрос, который

ничего общего с хорошим тоном не имеет: а кто дает деньги на «Версты»? А почему так щедр неведомый меценат? А не сменовеховцы ли редактора? А нет ли у них тайных намерений отнюдь не художественного характера?

«Что должен думать о нас культурный европеец», сокрушается Бунин: «знающий наш язык... и читающий подобную книгу?» Но что подумает знатный иностранец, прочитавши литературные красоты критических опытов Бунина? Вот некоторые из них: «двадцать страниц какого то сплошного ляя... на страницу хочется плюнуть... не прочтешь, не задохнувшись и десяти строк этой чепухи... ерунда, зеленая скука... смотреть тошно... осточертело» и т. д. и т. д., все в том же ругательно разухабистом стиле

А что скажет учитель хорошего тона о следующем приеме критика Бунина?

На протяжении целого столбца Бунин возмущается «набором слов» редакционной статьи «Верст», и ее претенциозному заявлению, что, согласно его цитате, журнал ставит «своей задачей об'единение всего, что есть лучшего и живого в современной литературе». «Вот значит, каковы намерения журнала», негодует Бунин: «выписываю его программу почти целиком, выпустив пять строк из первого абзаца, ни в каком отношении не важных». Прочитав Бунина, и я удивился самомнению журнала, обещающего все лучшее и самое живое. Затем я раскрыл «Версты» и в цитируемой Буниным редакционной статье увидал: «Версты» НЕ ставят себе задачей об'единение всего, что есть лучшего и самого живого в современной русской литературе. Такая задача была бы не под силу журналу, издающемуся за границей....» Попросту говоря, Бунин выпустил не только пять строк, но и слово НЕ, чем придал своей цитате смысл, прямо противоположный оригиналу. «Мы не собираемся делать того то и того то»... пишут «Версты». А Бунин цитирует: «мы собираемся»... и наглядывается за это на руководителей журнала. Подобный прием полемики носит совершенно определенное и далеко неблагоприятное имя. Прежде чем учить других хорошему тону, не мешало бы самому Бунину научиться некоторым правилам литературного приличия. Но цель оправдывает средства. А цель эта — охаять

молодую русскую литературу и всех ее представителей и защитников изобразить в виде полудиотов или большевицких лакеев.

Бунину «осточертело превознесение новой литературы в лице Есениных и Бабелей». С высоты своего олимпийства выдает он пренебрежительные аттестации «каким то» молодым, вроде Есенина, лирику которого он называет «писарской, сердцещипательной или нарочито разухабистой», Пастернаку, «очень неинтересному и очень надоевшему» или Бабелю — «ценность и новинка не бог весть какие». Сельвинский и Артем Веселый — «непроходимая зеленая скука» и на их страницы «плюнуть хочется», особенно за «типографское распутство, которого даже Ремизову никогда не снилось». И тут же презрительный выпад против Ремизова и Цветаевой: «тут любой дурачек за пятак угадает, что именно дал в сотый, в тысячный раз Ремизов на счет Николая Чудотворца и чем опять блеснула Цветаева». И в качестве цитаты — выхваченны две строчки, без связи с контекстом, — «обычный прием обесмысливания поэзии, которым Бунин пользуется и по отношению к Есенину».

Любопытно, что Бунин возмущается соседством в «Верстах» Цветаевой, Ремизова и... Льва Шестова. «Что за нелепость, за безшабашность в этой смеси: Цветаева — и Шестов». Я то думаю, что Шестов гораздо ближе именно Цветаевой, чем консервативно рационалистическому Бунину, но удивительно другое: почему Бунин не видит бесшабашности в той смеси, в которой и он предстает перед читателями в «Современных Записках». Цветаева — и Бунин. Бунин — и Ремизов! Как попал в такую компанию почтенный академик, да еще в журнале, редактируемом хот и «справыми», но все же эсерами совместно с тем самым Степуном, который весьма сочувственно относится именно к молодой советской литературе? Неужели там Бунину появляться можно, ибо редакция исполняет постоянное требование писателя — печатать его непременно на первом месте. Думает ли Бунин, что этим выделяет он себя из безшабашной смеси или же вечность представляет он себе неким местом, а бессмертие мыслит чем то вроде театрального зала — с первыми рядами кресел для знатных посетителей?

Оплевать, разнести молодых и инакомыслящих — вот чего добивается Бунин. Я не могу даже сказать, что он их ненавидит.

Ненависть — слишком высокое чувство. В ненависти — трагедия. В злобе же — неведение, самомнение, чванство, зависть. Злоба — чувство низшего порядка. И именно со злобой подходит Бунин и к современной России и к ее искусству.

Эта злоба в значительной мере питается незнанием. У Бунина и презрение — от непонимания, которое и не желает быть просветлено, потому что основано на предвзятых взглядах, на упорстве политической страсти. Бунин слышит чужой язык, которого не изучает и не хочет изучать — и говорит: да это не язык, а собачий лай. Он читает авторов, пишущих не так, как он, и о том, чего он не видел и не знает — и говорит: да это и не литература. Он искусство мыслит только в ему самому привычных формах. Все иное — оскорбление величества. Все новшества — крамола. Все идущее из России — «революционное хамство и большевизм». Все, защищающее его в эмиграции — сменовеховство.

Спорит с такими уклонами мысли не приходится. Злоба всегда безнадежно мертва и тупа. И она жестоко наказывает тех, кто обращает ее в орудие борьбы. Напрасно восстает Бунин против большевиков, как душителей свободы. Ему тоже чужд дух свободы и терпимости. Иной раз я со страхом представляю себе, что случилось бы с русской литературой, если бы на смену большевицким Лелевичам, власть над искусством обрели бы цензора бунинского типа и толка.

Истинную подоплеку Бунинской, если можно так выразиться, «идеологии», раскрывает Антон Крайний в статье все о тех же «Верстах» («Последние Новости»).

«Версты», пожалуй, не вполне заслужили того шума, который вокруг них подняли — и я скажу ниже несколько слов о самом журнале. Но они возбудили ярость ревнителей древнего благочестия, стоящих на страже литературного хорошего тона — и нетрудно понять почему. Их главный грех в том, что они не только сочувственно и демонстративно перепечатали стихи и рассказы «советских» писателей, но и неодобрительно отнеслись к писателям эмигрантским. До сих пор подобную смелость позволяла себе только «Воля России» — но с нее были и ввязки гладки:

чего ж иного могли ожидать местоблюстители от социалистов, по поводу которых «Возрождением» все еще не решена важная проблема — хуже ли они большевиков или равны им. Для Бунина, Гишпиус и иже с ними «Воля России — политический и литературный враг.

Но в «Верстах» выступили не социалисты, «полубольшевики», а «люди нашего круга», казалось бы неизменно пребывавшие в лагере «национально и государственно мыслящих» и даже мечтавших о «религиозном возрождении демократии». И вдруг такой пассаж! Разве князь Святополк — Мирский не печатался недавно в том же журнале, что и Гишпиус? Разве не писала Марина Цветаева «белогвардейских» стихов, и разве не появлялись сотрудники и редактора «Верст» на благонамеренных и самоограниченных страницах «Современных Записок» рядом с Буниным, Мережковским и Шмелевым?

Отсюда — острота обиды и раздражения от бывших «своих» всегда больнее. И конечно от обиды — и жестокость полемики. У Бунина — ехидные вопросы на счет источника средств, а у А. Крайнего и того хуже. Оказывается, что лозунг «Верст» — лицом к России! — «имеет большие *выгоды* вплоть» вплоть до «обеспечивания неприкосновенности», что напечатание материалов о политике РКП в литературе — «улыбка в сторону РКП», чуть ли не искание «милостей» от советского начальства. Словом, зараза и тлетворный дух, при чем коснулись они «предрасположенных». А Крайний без обиняков заявляет, что «в таланте Ремизова и раньше замечалось больше тяготения к звериному, нежели к человеческому». Очевидно, эта фраза и должна объяснить любовь Ремизова к современному советскому искусству: тяга к звериному. У Марины Цветаевой — «всезабвенность» — вот они и ринулась, очертя голову, к советам, — и смеется пренебрежительно над бедной «поэтессой» гордый своим мужским умом А. Крайний: «здешняя великая перемахивает к довольно зашредельным новшествам в любовных строках (она всегда о любви)».

А были времена, когда А. Крайний не упрекал своего двойника Зинаиду Гишпиус ни в зашредельных новшествах (не мало было их у ней), ни в том, что писала она о любви побольше Цветаевой.

Но многое забыл А. Крайний, в полемическом задоре уничижая «крамольников»; забыл даже, что существовали некогда в русской литературной критике добрые нравы, которые особенно следовало бы помнить всем весталкам традиций. Забыл так основательно, что о Святополке - Мирском написал: «существуют индивидуальности с некоторым органическим дефектом — в смысле отсутствия известного внутреннего критерия. Есть признаки, что г. Святополк принадлежит к их числу. Эти люди, обыкновенно, недалёковидные, но своих близких целей, — благодаря тому, что в стремлении к ним ничем не смущаются, и ни перед чем не останавливаются, — иногда достигают. Так г. Святополк, без примитивного чутья в искусстве, без всяких к нему способностей и, вдобавок, слабо владея русским языком, уже достиг «места» русского критика и редактора «литературного журнала».

Большинство читателей этих строк, подобно мне, никогда г. Святополк - Мирского в глаза не видало, и поэтому не может последовать за А. Крайним в его разгадках «коммерческого» свойства насчет добывания «мест» и в его подозрениях интимного характера. Да, надеюсь, и не захочет, потому что путь это очень уж неблагоуханный, нехороший, и стыдно за писателя, прибегающего к недостойным приемам двусмысленных намеков и морального опорачивания своих литературных противников.

Да, большевицкая зараза проникла глубоко и далеко, но следы ее прежде всего на тех, кто ее же избличает в других: разве не духом напостовцев веет от введения в критические очерки справок о политической благонадежности, и разве не сходны методы Гиппиус и Бунина, и большевицких официальных критиков: вместо оценок писателя здесь его пытаются убить кличкой большевика или сменовеховца, как там — кличкой белогвардейца и контр революционера.

Это вообще типичный для эмигранта подход: чуть кто не равняется по «национально - анти большевицкому аршину» — в литературе, в науке, политике, — тот сейчас же объявляется «подозрительным по большевизму». А этого достаточно для предания его эмигрантской анафеме, при чем занимаются этим именно те, кто громче иных кричит о свободе духа, свободе слова и прочих прекрасных вещах. Хорошо хоть, что за границей все

меньше и меньше пугаются театральных громов «национальных отлучений» и что молодежь проникается мыслью о необходимости истинной свободы в творчестве.

В литературных отталкиваниях и притяжениях эмигрантских критиков, не искусство, а политика играет решающую роль, и хотя А. Крайний и обещает исходить из некой «человеческой» точки зрения, ему одному понятной, ибо тайна смысла ее читателю не раскрыта, однако, в действительности, судит он на основании политических симпатий.

Совершенно не пытаясь определить того, чем живет и движется современная поэзия и проза в России, А. Крайний об'являет, что стать лицом к русской литературе, к достижениям искусства в России, «нет ни физической, ни нравственной возможности, не став в то же время лицом к советам». В этом основное. Для А. Крайнего приятие новой литературы есть примирение с большевиками, с теми самыми большевиками, о которых писала З. Гиппиус:

Не надо к мести зововь
И криков ликованья:
Веревку уготовав,
Повесим их в молчаньи.

Эта примитивная философия, по существу, не видит в России ничего и никого, кроме большевиков, и весь вопрос для нея в том, можно ли припассти достаточно длинную веревку, а то пожалуй, на всех не хватит. И все, что произошло *во время* большевиков считается большевицким, а значит, и подлежащим уничтожению, повешению в молчаньи. Революция для Крайних покрывается большевизмом — и ничего кроме крови, разрушения и позора в ней они не видят. Они не хотят понять, что погибла не Россия, а тот старый мир, в котором они жили, творили, боролись, с которым они были так связаны, что без него — как без воздуха, опустошена вся вселенная. После крушения этого мира наступил для них темный провал, смертная тишина, конец. Это суб'ективное ощущение смерти переносят они на всю Россию.

Катастрофа уничтожила их, они не сумели перевоплотиться, возродиться к новому существованию — и вот теперь жизнь несется мимо и помимо них, а они, точно знатные иностранцы,

с удивлением и тревогой глядят на чуждую им панораму. Они не понимают, что создается новая Россия — порою вместе с большевиками, порою наперекор им, порою помимо их. В России и *сейчас* есть много положительного, много полнокровных зачатков будущего ее развития, и не со злобой и презрением, а с любовью и надеждой надо отнестись к этим благим вестям с родины.

Вся Россия стала иной, чем прежде, и никогда не станет такой, какой ее рисуют парижские или белградские патриоты. И напрасно думают они, что у них патент на «любовь к России», истинный национальный дух и прочее. Они не Россию любят — они нынешнюю живую, растущую и борющуюся Россию ненавидят — а свою мечту о прошлом России. Поэтому забывают они, что не заключена проблема русской жизни только в спасительной формуле «борьбы с большевизмом», о от того, что будут свергнуты большевики еще не разрешатся все вопросы русской жизни, а главное, не произойдет того духовного и бытового переворота, на который надеются эмигрантские вожди. Иной раз я думаю, каким страшным разочарованием для большинства из них будет то самое падение большевиков, о котором они мечтают и которого ждут, точно светлого воскресенья. Разочарованием, потому что новая Россия во многом результат того, что из эмигрантского далека принимают за большевицкое навождение, и потому что коренные сдвиги быта и психологии — не большевизм, а революция, не случайность, и эпизод, а глубинные изменения всего российского уклада.

Такие же неожиданности подстерегают наших лже патриотов и в области литературы. Ибо уже и теперь России понятнее Леонов, чем Бунин, и Никитин, чем Шмелев. И будущее принадлежит именно тем Пастернакам, Артемам Веселым и Замятым, над которыми издеваются Гишпиусы.

Признаюсь, я полагал, что времена, когда эмиграция отрицала возникновение и развитие в России новой литературы, а Антон Крайний называл «коммунистических писателей» непристойными гадами, которыми земля оскорблена — надо считать давно прошедшими. Выступления Бунина и Крайнего, показали мне, что я ошибся: старая гвардия умирает, но не сдается. Тем

более, что эмигрантской гвардии не надо даже и умирать: она скорее парадует, охраняя свои пустые престолы.

Два года тому назад, А. Крайний об'явил, что с 1918 года русской литературе пришел конец. Чаша русской литературы из России выброшена. «Она опрокинулась, и все, что было в ней, брызгами разлетелось по Европе». «Русская современная литература (в лице ее главных писателей) из России выплеснута в Европу. Здесь ее и надо искать, если о ней говорить». «Какое имя не вспомнишь — все здесь».

Это писалось в то время, как в России оставались — если упоминать только дореволюционных писателей — Ахматова, Сологуб, Брюсов, В. Иванов, Кузмин, Андрей Белый, Волошин, Замятин, Пришвин, Сергеев - Ценский, и десятки других, не удостоившихся попасть даже в «брызги». Единственно, что «чашо-держатели» в порыве самовлюбления решившие, что «литература — это мы», не терпят никаких посягательств на свои, неизвестно от кого полученные права и преимущества, и ни за что не желают отказываться от ими же самим себе пожалованных титулов литературных величеств. Поэтому в «прियाтии» новой литературы они не видят ничего иного, кроме политики, подвоха, большевизанства, обеспечения себе «неприкосновенности», по ехидной догадке А. Крайнего, или... моды.

Как изменились времена! Прежде А. Крайний знал, что в искусстве, как и в жизни, происходит постоянная смена, непрерывное обновление, и совсем не обязательно, чтобы сторонники его состояли на службе у начальства и получали за свое усердие места, чины и ордена. Когда Крайний выступал вместе со своими друзьями символистами во имя «искусства ради искусства» против гражданской поэзии тенденциозно прогрессивной литературы, никто не подозревал его в сношениях с департаментом полиции и никто не намекал на подобие его теперешних выпадов против «советской» литературы, что он продан самодержавию. Но то было в эпоху, когда Гишпиус была революционеркой в искусстве — и подымала бунт против традиций реализма. Тогда и ее стихи — в девяностые и девятисотые годы, приводились, как «штучки» и об'являлись не дурными, а попросту «совсем не искусством». В течение целого десятилетия против нее, Блока, Мережковского и прочих символистов был выдвинут тот же самый

бранный арсенал, которым не к чести своей столь усиленно пользуется Бунин: ерунда, чепуха, зеленая скука, набор слов, типографские новшества (их то символисты, совместно с Гиппиус, и ввели). И А. Крайний в то время боролся за новое, молодое, но еще непонятное, еще не канонизированное, разрушал авторитеты и возмущался, если кучка старых писателей заявляла: литература — это мы. Он боролся, не надеясь на близкое признание и победу, и Мережковский писал в эпоху «Северного Вестника»

Дерзновенны наши речи
Нс на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

Но с тех пор для А. Крайнего нет больше весен, и презрением и враждой встречает он молодое, незнакомое племя русской литературы, едко высмеивая его «дерзновения». Это всегда так: для тех, кто хочет неизменным сохранить прошлое, настоящее — дерзновенно, а будущее — безумно. Но побеждает именно это будущее, потому что оно — завтра.

Независимо от революции, в русской литературе должна была придти новая школа — на смену эпигонам реализма и символизма.

Когда я говорю, что почти вся эмигрантская беллетристика, — перевернутая страница — я исхожу не из эстетической, а из историко литературной точки зрения. Литературные школы борются, умирают, передают потомкам часть своих богатств. В искусстве происходит чередование стилей, подход к действительности и тех или иных *установок* — в области психологии, сюжета, композиции и всего *духа* творчества.

Бунин по моему — вдвойне прошлое, — и потому что принадлежит он к завершенному и пройденному *этапу* в истории нашего реализма (Бунин весь в Девяностых годах и в начале девяностых, он опоздал ровно на двадцать пять лет), и потому, что в этой устаревшей форме пишет он о той России у которой по преимуществу исторический интерес, ибо ее нет и никогда больше не будет. К нему и к писателям его типа применимо удачное выражение Степуна о духовной эмигрантщине, которая живет не памятью, сохраняющей вечное *над* временем, а воспо-

минаниями, сгорающими во времени. «Память не спорит со временем, а ведь пафос эмиграции в споре с ним... она хочет не *помнить* о прошлом, а *жить* в нем».

И старый реализм, и старый символизм стали уже *восточинанием* для русской литературы, и только *память* о них входит в тот новый стиль, то есть в то отличающее эпоху художественное направление, начало которого можно найти в поэзии и прозе еще до революционного периода.

И все, что так коробит эмигрантских критиков, — это лишь постепенно выявляющиеся черты нового стиля, при чем порой они искажены или грубо подчеркнуты, как это всегда бывает в период становления литературных школ.

Как, например, смешны нападки Бунина и Крайнего на язык советских писателей. Да ведь вся Россия уже не говорит тем языком какой был до революции. Ведь мы присутствуем если не при перерождении, то во всяком случае при огромном обновлении нашего литературного языка. Он не только приблизился к языку народному, но и к речи разговорной, к тому, «вульгарному» языку, к которому недавно призывал писателей всего мира один английский критик. Грубость словаря молодых писателей не озорство и не случайность, а последствие революции и естественные явления изменения и обогащения литературного стиля. Кстати, А. Крайний по обыкновению и здесь сильно преувеличивает. У литературной молодежи, пишет он, «редкая страница выдается без стерв, язв, гноев и всего такого». Можно было бы сказать, что подобные выражения не мешают Бодлеру быть великим поэтом, но можно привести и не столь далекие примеры: вот, например, у Э. Гиппиус в «Дневнике», на протяжении двух десятков страниц вы встретите «рыла тлей, блевотину войны, плевки, истошный рык, падаль, язву, распучившуюся гадь, плоское брюхо». Крайнему не нравятся образы Пастернака. Но могла же Гиппиус писать: «гадя челюсть, хрустя, дожевывает нас... бессмысленно кровавы тела апрельских роц». Или: «Личики у нас правда незаметные, мы сестрицы, и мы двойняшки, мамаш у нас количества несметные, и все мужчины наши папашки». Отчего же две меры, две эстетических оценки? Не потому ли, что сила то не в эстетике, а в политике..

Не чувствует эмигрантская критика и нового духа, веющего

со страниц молодой литературы. А дух этот — более непосредственное и цельное отношение к жизни, повышенное ощущение бытия и *приятие* его, воля к существованию и творчеству.

Наша литература была всегда пророческой. Русская поэзия обладала зрением исключительным. До революции ее трагическая муза как бы предчувствовала близкую катастрофу и рвалась прочь от нее, взлетая к небесам в тоске предсмертной или замирая в безволии обреченности. А сейчас, в годы катастрофы, в эпоху трагическую — уже пророчит новая литература о грядущем исходе, и какие то бодрые и будящие голоса слышатся в ее еще нестройном, но растущем хоре. Но где ж услышать их критикам, занятым собиранием цветов на могилах эмигрантских кладбищ?

Гишпиус назвала свой фельетон «О Верстах и о прочем». И самое важное, конечно, в этом «прочем», потому что «Версты» только повод поднять вопрос о русской новой литературе.

В сущности «Версты» поставили его скорее не прямо, а косвенно, — давши в своей первой книжке большое количество перепечаток. Составлять журнал из перепечаток — опасно: получится аналогия. До статей Бунина и Крайнего я считал это основной ошибкой «Верст», тем более, что в перепечатках многое может показаться случайным. Но то, как «отозвались» на эти перепечатки наши критики, показало, что известную службу «Версты» сослужили: для того, чтобы раз'ярить быка, перед ним машут красным; перепечатки «Верст» оказались обладающими свойствами красного цвета: по ним нельзя судить о силе и характере новой литературы, но реакция против них обнаружила все идейное убожество местоблюстителей.

Конечно, в критическом отделе «Верст» есть установка на Россию — и это надо всячески приветствовать. «Версты», очевидно, искренне желают быть *вместе* с Россией. Желание обычно считают отцом мыслей — но у «Верст» желание гораздо лучше своего детища. Некоторые из мыслей в «Верстах» настолько темны, что можно только догадываться об умысле.

Содержание журнала очень многоцветно. Но от обилия красок еще не получается картины.

В конце номера дано, например, на 70 страницах Житие протопопа Аввакума. А. Ремизов сообщает, что 33 часа переписывал Житие, «не только глазом следя, но и голосом выговаривая слово за словом». Все это прекрасно, но ведь не в воздаяние трудов А. М. Ремизова напечатала Житие редакция «Верст». Вероятно были у нее на то особые и веские причины. Читателю предоставляется *догадываться* об умыслах редакции, но догадка ведь и необязательна, и читатель никак не поймет, в какой связи к протопопу Аввакуму находится, например, статья о Плотине Шестова. Быть может, редакция «Верст» видит в Аввакуме некую современную, а не историческую только значительность, а в его жизни и творении стремится обрести некую подлинную сущность духа? Во всяком случае, это тайное стремление, сокрытое от непосвященных.

Оригинального в «Верстах» лишь «Поэма Горы» Марины Цветаевой — трагическая поэма любви, вознесенной над жизнью, вне жизни, как гора над землей, и жизнью земной раздавленная.

Марине Цветаевой дан необыкновенный пафос, при котором в каждом слове — молниеносность, разительность. Смысл сгущен, сжат, в каждой фразе — переполненность, образ — и символ и формула. И этот патетический избыток, эта напряженность высокого строя души (а не духа только) — в замкнутом словесном ряде. Своеобразный контраст творчества Цветаевой быть может и состоит в этом сочетании: бессмертность, сжатая в лаконичность, вихрь, заключенный в отрывистость, страсть к безкрайности в отчетливой, подобранной формуле, непрерывность движения, на лету взнузданная стихия, богатство, брошенное в коротком ударе словесной игры. Но за этой кажущейся игрой — созвучия, словесная связь, подчеркивание ударением и интонацией при сближении схожего (горе началось с горы, та гора на мне надгробием) — огромная работа, которая стремится устранить все случайное и лишнее и придать слову насыщенность и остроту. Слова нанизаны якобы по звуковой близости: нет ли более глубокого соединения понятий за этими словесными сплетениями?

Мне всегда странно, когда я слышу, что иные простодушные (вернее простодумные) читатели не находят в произведениях Цветаевой ничего, кроме «набора слов» и никак не могут доко-

паться до смысла ее стихов и поэм. С легкой руки критики, о Цветаевой укрепилось мнение, как о любительнице всяких словесных ухищрений и новшеств. Конечно, Цветаева — мастер слова, но нет ничего неправильнее формального к ней подхода. Кроме Пастернака, я не знаю в современной русской поэзии другого примера насыщенности мыслью и эмоцией, *содержанием*. Многие жалуются, что не могут понять ее стихов: на самом деле они не хотят сделать известного напряжения, чтобы проследить за бегом ее мыслей, за переполненностью ее души — на высоте люди со слабыми легкими — задыхаются.

Цветаева — новое. Она перекликается с теми, кто в России. Я уверен, что ее взволнованные строки кажутся там подлинным выражением пафоса и бури наших дней. Она единственное в «Верстах», что — не только желание, но и свершение, но она ведь не «Версты», она вне их.

А остальное тускло. Перепечатки интересны. Оригиналы приличны. Чужое ярко. А своего почти нет. Ядро «Верст», даже если тщательно его вышелушить — оказывается окрошкой из евразийства, умеряемого разумом, приправленного неопределенной левизной и одобренного эстетизмом.

Это еще не лицо. Мелькают раз'ятые черты, но еще неуловимо выражение; сквозят намеки и уклонь, но еще не очерчен путь.

Во всяком случае направление его идет не по эмигрантским тоням. «Версты» обращены лицом к России — и это хорошо. Но еще лучше было бы, если б обращены они были — *своим* лицом.

Марк Слоним.

Московская мозаика

*О горизонтальной и вертикальной склоке. —
Советский антисемитизм.*

Жизнь с такой быстротой и ультимативностью ставит перед растерявшейся коммунистической партией все новые и новые вопросы, «решать» эти вопросы приходится коммунистической головке, — пресловутому «авангарду» «вождей», — так смаху и так отступая на незаготовленные позиции, что неразбериха в рядах единой компартии получается полная.

Партия раскалывается по всем направлениям — горизонтально и вертикально, вкось и вкривь, — по признаку белой и черной (по октябрьской!) кости. Аппаратчики, хозяйственники, сталинцы, виновьевцы, троцкисты, «рабочая оппозиция» (вернее, рабочие оппозиции) все это текуче, переменчиво, чуть ли каждый день перетасовывается, как колода карт в утомительнейшем пасьянсе. Но при каждой перетасовке то одна, то другая фигура выпадает, а в последнее время выпадают группы фигур.

Впечатление такое, что кто-то действительно всемогущий дергает эту собранную с бору да с сосенки во времена военного коммунизма партию во все стороны, заставляет ее вождей, как деревянных плясунчиков, метаться по захваченной ими когда-то политической авансцене, и, задержав до бесчувствия, выбрасывает по очередно за рампу.

Этот «кто-то» — жизнь.

Давным давно, отбросив в сторону заботу о том, чтобы чужой глаз не заглянул за кулисы компартии, коммунистические вожди распоясались перед всеми. Группы, под - фракции, полуфракции и фракции возникают, распадаются и вновь возникают в рядах «единой». Полузаговоры и заговоры сопутствуют им.

Коммунист, ругающий с обывателем, а чаще всего и больше всего со спесом, коммунистическое же начальство или коммунистических товарищей, коммунист, подлаживающийся к собеседнику, нынче явление обычное.

— Чорт их знает, что они там делают!....

Заявляет сплошь да рядом видный коммунист - трестовик своим некоммунистическим коллегам по управлению трестом, приехав из заседания какогонибудь важного партийного коллектива. И начинается критика и выбалтывание всего обсуждавшегося в коллективе.

(Между прочим, нет больших гонителей на присылаемых партией в тресты партийных тунеядцев, как эти самые «видные» коммунисты - трестовики. Именно они, не спесы, очищают «тресты от «бездельного» элемента, а если такой коммунист - трестовик еще и бывший крупный чекист, то он гонит совершенно беспощадно подсылаемых в трест на «хлеба», в качестве служащих, сотрудников ГПУ).

О «низах» же и говорить не приходится. Коммунистические «низы» порою не отличишь от ненавидящей партию общей массы. Правда, зачастую, особенно среди рабочих, это настроение вызывается и иными причинами — сокращением штатов, возвращением ранее «закомиссарившихся» в почти «первобытное», рабочее состояние. Такие недовольные тоскуют по военному коммунизму, по утерянному положению и клянут НЭП.

О всей этой горизонтальной и вертикальной склоке, об этом распадении сбитого на скорую руку из разнородных элементов и поднявшегося на казенных дрожжах партийного коллектива нынче не только воробьи на крышах чирикают, но кричат на с'ездах и в комитетах «вожди», и полным голосом коммунистическая пресса. Не говорит она только об одном новом, вполне созревшем кризисе, перед которым стоит компартия. Этот кризис замалчивался до сих пор самым тщательным образом. Если изредка о том или ином факте, имеющем к нему отношение в нашей

прессе проскальзывала набранная петитом заметка, то о самом явлении, составляющем сущность кризиса, ни «Вожди», ни «Известия», ни «Правда», ни вся бесчисленная коммунистическая печать не проронили ни словечка.

Это явление — *советский антисемитизм...*

Ко всевозможным антагонизмам, раздражающим коммунистическую партию и советское окружение, прибавляется еще один: расовый.

**

Стоит только очутиться в обществе советских служащих, спеццов и очень, очень часто коммунистов, в котором случайно не находится еврея и начать разговор на «еврейскую» тему, так сразу и «посыпет»... Сразу обнаруживается полное единодушие присутствующих и слово «жид» не сходит с языка, а как оно произносится! — любой бы черносотенец позавидовал.

Я не говорю об Украине, где антисемитизм коммунистических и советских (украинских) верхов может быть до некоторой степени объясняем неприязнью к евреям части крестьянских украинских масс, где еще сравнительно недавно в годы гражданской войны происходили грандиозные погромы.

Я говорю об антисемитизме в центре центров, — Москве, в той части советского союза, население которой *никогда не знавало антисемитизма* и где он является специфическим, *советским* антисемитизмом.

Как же этот советский антисемитизм выражается в словесной форме?

Прежде всего, больше всего, чаще всего в разговорах об «еврейском засилии»*) во всех, якобы, областях: в партии, в советской администрации, в трестах, в заграничных посольствах и торгпредствах и прочее и прочее. Любой коммунист не-еврей способен сказать со злобой, что

«во всех или почти во всех наркоматах секретари — евреи, и что возмутительно предпочтение, «оказываемое какому нибудь

*) Почти всюду, где я привожу слово «еврейский», «еврей» — советские антисемиты говорят — «жидовский», «жид».

полуграмотному, Иохелю из Уайтчепеля, даже таким русским, как Чичерин, вообще говоря, в комиссариате не продохнуть от евреев».

И тут же прибавит, что «засилие» из наркоматов перебросилось и в *личную жизнь* комиссаров.

«чорт знает, что за безобразие: Рыков, Луначарский и даже Красин заново поженились на *еврейках!* Не нашли ничего лучшего!»

К слову сказать, бедная госпожа Красина, по словам коммунистических собеседников, узнала о вторичной женитьбе мужа, приехав как-то к нему в Москву из заграницы, из... газет,

Еще комичнее слышать *коммунистическое* издевательство над Луначарским, неизменно осведомляющимся перед каждым своим выступлением:

«Мои уже в зале?»

«Мои» — это новая родня по линии госпожи Розенель.

И нередко слышишь *коммунистическое* же славословие по адресу Сталина:

«Молодчина, — никого из «наших» ни в родне, ни в окружении».

Вообще Сталину, злые языки говорят - не без его ведома, — делается отчаянная реклама *антисемита*.

Рассказывают с таинственным, но многозначительным видом, и под строжайшим секретом, что, выслушав рассказ одного видного коммуниста, вернувшегося из заграничной командировки, о погромном движении в одном из соседних государств, Сталин, «как бы вскользь» и «полусхути, полусерьезно», заметил:

«Не мешало бы и у нас».

Противоставляют Сталина Ленину. В то время, как Ленин восхвалял еврейских и полудеврейских умников, Сталин, мол,

«переводит партию с еврейских рельс»,

сначала:

«выпер Троцкого»,

а теперь:

«выпер Зиновьева, Каменева с прихлебателями, загнал в пузырь Радека, не пустил Уншлихта и Фрумкина в комиссары» и т. д. и т. д.

Чистка в московских Вузах, постоянно кончающ^{ая}ся изгнанием сотен студентов, среди всяких иных комментариев теперь неизменно вызывает и следующий:

«еврейчиков вычистили. До девяноста процентов в Вузы набились».

Опять таки повторяю — такие комментарии можно слышать только в коммунистической среде и в советском окружении, остальным гражданам интересоваться вузами, увы, пока еще не приходится.

И в той же среде,, не в диковинку разговоры о «пропорции» в Вузах, «да и вообще».

Что поразительнее всего, это то, что советский антисемитизм проник и в школу средней ступени. Так, например, в бывшей Хвостовской Гимназии, где учатся дети важных советских чиновников, в прошлом году в классе, в котором находится дочь Ворошилова, дело дошло до небольшого погрома! И класс был распущен на три дня.

Мальчишки в школах, не стесняясь, кричат своим товарищам — евреям:

«Эй, жиденок пархатый»!...

Я пытался выяснить, откуда у детей, родители которых принадлежат исключительно к советскому окружению, а часто и пролетарского происхождения, такая психология. Но разумного ответа добиться не мог. Каждый об'ясняет по своему и изо всех ответов явствует одно: влияние среды, разговоры старших.

Даже жилищный кризис в Москве об'ясняется «еврейским нашествием»:

«Натачили из местечек всех своих тателе и мамеле, братьев, сестер и племянников»...

Между прочим, этот вопль против «местечковых тателе и мамеле,» не редко можно услышать и из уст «умных» евреев — появились, как видите, и советские гурлянды, — уверяющих, что такая

«неразумная местечковая политика страшно вредит евреям».

Кроме обычных советских учреждений, советский антисемитизм прочно угнездился в трестах и связанном с ними Внешторге.

. Конечно, знаменитый анекдот о русском Иванове, попавшем в управление треста:

«какие эти русские — всюду пролезут», рассказывается в тысячи и одной вариации.

«Тресты исключительно в еврейских руках», таков был еще недавно стон трестовиков - неевреев.

Теперь те же трестовики с удовлетворением говорят, что «уже началось»....

и что в таком - то или в таком - то тресте «евреев вышибают и здорово вышибают».

А если вы спросите, как же это происходит, то вам ответят, что председатель треста (конечно, из видных коммунистов),

«чистит трест согласно распоряжению о сокращении штатов»,

и прибавят с улыбочкой «ничего не поделаешь — режим экономии»....

Во внешторге главным предметом антисемитских пересуд, неудовольствий и зависти являлось то обстоятельство, что якобы,

«все торгпредства забиты до отказа евреями, — в Берлинском не-евреев только два, да и те болгары, в Парижском — все до одного еврей, в Лондонском не-евреев — раз два, да и обчелся».

Теперь же во внешторге с торжеством говорят:

«Уже началось»...

«Что началось?»

«Чистка! В Лондонском торгпредстве дела обнаружили. По этому случаю евреев подчистили, — теперь там наполовину не-евреев. Посмотрим, кто кого, осилит. Скоро и в других торгпредствах начнется. Довольно этого безобразия!»

Еврейская землеустроительная политика вызывает в комиссариате земледелия среди части служащих самую жестокую критику. Критики, — высокопоставленные чины, коммунистующие спецы, да и сами некоторые коммунисты, разводят руками и говорят:

«политика безумная, но мы бессильны. Это делается ради Джойнта по существу, конечно, кроме озлобления, ничего не получится».

Один из таких критиков, не хуже любого черносотенца, рассуждал:

«Что бы наши заправилы сказали, если бы, положим, среди рассеянных по свету вне России украинцев нашлось такое же количество миллионеров и банкиров, как среди заграничных и особенно американских евреев и если бы при деятельнейшем участии этих именно банкиров создался такой украинский «Джойнт», который решил бы снабжать долларами, машинами и всем прочим только украинцев? Вот бы поднялся рев о буржуазности, контрреволюционности, петлюровщине, агентуре мирового капитала. Занятно было бы видеть эмиссаров такого «Джойнта».

— А чем же вы об'ясняете благоволение к «Джойнту»?

«Во первых, огромное количество прилипающих к рукам долларов, во - вторых, обеспечивается поддержка могущественного буржуазного еврейского мнения, в третьих, в самой Америке обеспечивается очень ценное сочувствие «Джойнта». На местах же, в народе, создается мнение, что «власть жидовская» и что «жиды зубами за власть держаться будут».

Убийство Петлюры не вызвало печатного взрыва радости в коммунистической прессе:

— «Не удобно, знаете-ли, ставить точки над и: убийца еврей, — лучше гусей не дразнить.»

Часто слышишь из'явление своеобразной зависти по адресу закавказских национальностей:

«молодцы закавказские коммунисты! как ловко у себя жидов выперли!»

Слышишь и такие рассуждения:

«наша партия — русская. Был период наплыва в партию евреев, — влились бундовцы, было массовое еврейское вхождение в советский аппарат, во все комиссариаты и учреждения — результат массового изгнания или ухода чиновников до - октябрьского периода, среди которых не было евреев. Теперь же наступает более нормальный период — партия крепнет и подходит все ближе и ближе к населению. Естественно, что она должна и более равномерно отражать в своей среде состав населения. Никакого тут антисемитизма нет, а есть простая целесообразность, закономерность, и, если хотите, справедливость. Мы не как ук-

равницы, которые просто говорят «долой жидов»!

Офицеры, конечно, с гордостью указывают, что среди них, как и в старой армии «жидов» нет, или «почти нет».

Идеологические, если так можно выразиться, рассуждения, подобные вышеприведенному, — рассуждениями, а в жизни, обычной московской жизни, этот своеобразный советский антисемитизм пустил крепкие корни, и sacramентальная фраза «уже началось» все чаще и чаще слышится в применении к сокращению штатов, чистке Вузов, трестов и изгнанию «вождей».

«Уже началось» — это заключительная фраза популярного советского анекдота: в вагон железной дороги с трудом выбирается одорукий, одноногий инвалид красной армии. Туда же «лезет» еврей. Еврей толкает инвалида. Инвалид бьет еврея костью. Стоящий позади инвалида пассажир дает еврею пощечину. Дело кончается судом. На суде инвалид заявляет, что он ударил еврея за то, что он больно толкнул его в раненное место. Оправдание.

— А вы почему? Спрашивает судья постороннего пассажира.

— Я... я думал, что «уже началось»....

**

В краткой, очень краткой форме я попытался дать представление о том отвратительном антисемитском духе, который царит у нас в Москве в советском окружении и которым благоухают некоторые партийные коммунистические учреждения.

К этому большому вопросу здесь какое то двойственное отношение. Все о нем знают, все наблюдают рост советского антисемитизма, все понимают, что он совершенно новое явление, неимеющее ничего общего с прежними антисемитскими вспышками на юге России.*).

*) Статья нашего московского сотрудника была уже получена редакцией, когда в московской «Правде» (от 13 августа, №184) на последней стран. в отделе «Партийная жизнь» появилась статья некоего М.Рютина «Антисемитизм и партийная работа». В этой статье г.М.Рютин упрекает коммунистическую партию за то, что она не ведет пропаганды против антисемитизма. Господин М. Рютин обвиняет в антисемитизме крестьян и рабочих, мелкую буржуазию, торговцев, посредников и мелко буржуазную интеллигенцию... Партии же он ставит в вину лишь

Этот антисемитизм, быть может, впервые нарождающийся в России подлинный антисемитизм, берет свои истоки не в жандармской пропаганде, не в ритуальной легенде, не в том, что «жиды Христа распяли» — нет, он зародился и развивается в окружении партии, считающей одной из главных своих задач полное отрицание и в теории и на практике какого либо национального ненавистничества и, в частности, антисемитизма.

Смешно видеть, как иногда наиболее чуткие в этом отношении коммунисты делают робкие попытки заговорить об отвратительном явлении. Ибо их попытки не выходят из рамок до - революционной фразы о «невежестве низов», о «необходимости разъяснения массам, крестьянам и рабочим, вреда антисемитизма». И никто не смеет сказать, что теперь то дело не в антисемитизме «крестьян и рабочих», «попов» и «черной сотни», а в той отвратительной антисемитской атмосфере, которая воцарилась на верхах коммунистического Олимпа и его делового государственного окружения.

Я сконцентрировал во всей их наивности, во всей их примитивности, во всей их предвзятости и преувеличенности антисемитские разговоры деловой и правящей советской Москвы. Быть может, появление этой печальной советской антисемитской антологии на страницах заграничного издания заставит советскую печать и советских политиков поставить на очередь давно назревший и очень острый вопрос о советском антисемитизме.

Б. Невидимцев.

Москва, август, 1926 года.

то, что «за все время пролетарской революции едва ли можно найти в наших газетах две - три статьи относительно антисемитизма» и что нет ни одной популярной брошюрки на эту тему. «Антисемитизм имеется до сих пор (цитирует он одну из записок, поданную на партийном собрании), потому что мы ничего не делали для изжития этого явления».

Статья нашего московского сотрудника бросает яркий свет на причины этого ничегонеделания и ставит перед советской печатью вопрос о советском антисемитизме.

Примечание Редакции.

Проблема славянской политики.

VIII. Неославянофильство.

(Часть вторая).

Развитие неославянофильства на с'езде в Праге. — Неославянофильство в зеркале австро-венгерской политики. — Оценка неославянофильства.

26. После с'езда в Праге неославянофильство идет скорыми шагами к кризису и разложению. У тех, кто вызвали и руководили движением, была, без сомнения, добрая воля; но частично они, очевидно, не знали условий и создавали неосуществимые цели, а частично не были способны правильно политически и социологически определить славянскую проблему. Все, что делалось в Праге после с'езда, было бы как будто бы нарочно противоположно тому, что было необходимо для существования и развития нового движения. Это просто означало, что у движения не было ни правильного политического базиса, ни характера, который ему был придан сначала и что оно не соответствует тенденциям, потребностям и политическим силам эпохи.

Уже при основании движения и при первой поездке в Россию неославянофильского комитета, выбранного в Праге, начались в правых русских кругах раздаваться голоса, что неославянофильство идет против русских традиций, что это революционерство, что истинное славянофильство заключается в православии и национализме. Русские националистические круги приняли участие в

движении (кроме иных причин) еще и из тактических соображений, дабы не быть вполне вытесненными из области, которая им прежде принадлежала всецело. Чем больше мы удаляемся от русской революции, тем большее влияние приобретают эти круги в движении. В 1909 и 1910 годах у них уже видимый перевес. Так, с первых минут существования неославянофильства, среди русских начинается борьба из за этих вопросов; в самом начале уже заметны оба движения, и чем дальше, тем больше они расходятся. Это является отражением картины внутреннего положения России; борьба правого и левого крыла за власть в России пробивалась в международных отношениях и на этом поле деятельности.

Со всем этим процессом была тесно связана внутренняя русская политика. Роспуск Первой Думы, изменение избирательного права, перевес правых элементов во второй Думе и все более реакционная политика русского правительства сильно поддерживали такое развитие неославянофильства в России. Конечно, все это влияло на развитие неославянофильства и у остальных славян; чем больше шли в России направо, тем сдержаннее становились остальные славяне. Неославянофильство, зародившееся после русской революции в эпоху триумфа западного конституционализма и либерализма, страдало, конечно, от их упадка.

Первую настоящую рану нанесла неославянофильству Россия (официальная) реакционной политикой правительства по отношению к полякам. Не только не была заведена в польском крае обещанная автономия городов и земств, но даже не была дана свобода школ и не была осуществлена свобода польского языка, которую требовали поляки и которая была им обещана. Вопрос об автономии Конгресовки с своим особым парламентом в том виде, как ее требовали сами передовые русские в 1905 году вне связи с предложением Дмовского, пал сам собою, так что в 1909 г. едва ли кто мог о ней думать, как о своевременном политическом вопросе. Однако, вершиной этой политики официальной России было объявление в мае 1909 г. намерения правительства отделить от Конгресовки часть Холмской области и присоединить ее к Киевской губернии. Поляки с полным правом видели в этом посягательство на целостность своей территории, на свою национальность и культуру.

Польские участники неославянофильского движения очень

страдали от того, что русские неославянофилы не были в состоянии прекратить эту политику; они их в этом жестоко за это обвиняли. Так возникли первые серьезные трещины в неославянофильском движении. Их недовольство усилилось еще больше, когда они увидели, что правые участники пражского съезда молчаливо одобряют эту политику или даже прямо ее защищают и поддерживают.

Другой сильный удар неославянофильскому движению был нанесен Веней. 5-го октября 1908 г. граф Эренталь удивил весь мир объявлением аннексии Боснии и Герцеговины. Вслед за этим стала независимой и объявила себя королевством Болгария, опиравшаяся на антисербскую балканскую политику Габсбургской империи, прикрываемую Германией. Неославянофильство основывало свою работу на соглашении России и Австро-Венгрии прежде всего в балканском вопросе, и более ранние дипломатические договоры Извольского с Эренталем, казалось, поддерживают этот взгляд. Аннексия Боснии и Герцеговины вызвала известную натянутость между обоими государствами, и весь сложный балканский вопрос стал снова злободневным. Натянутость выразилась больше в спорах Австрии с Сербией, чем с Россией. Это — увертюра к мировой войне. После жестоких споров Сербия должна была сознаться в роковом поражении, — точно так же, как и Россия, — и 31 марта 1909 г. она признала аннексию обеих земель.

То, что русское и австро-венгерское правительство, — одно в польском, а другое в балканском вопросе, — принимали такую ориентацию, означало, что они вообще не принимали всерьез неославянофильского движения; с другой стороны из всего этого следует, что руководящие деятели неославянофильского движения или совершенно не знали положения дел в своих государствах или же не умели применять своего влияния в желаемом направлении. Ясен факт, что обе эти политики наносили смертельный удар нарождающемуся неославянофильству.

При таком положении дел в Петрограде 25 мая 1909 г. состоялось первое совещание славянского комитета, избранного на пражском съезде. Перед этим состоялось собрание русских неославянофилов, на котором уже с силой выявился спор о правой и левой ориентации, и на котором польский вопрос был для русских краеугольным камнем всей дискуссии.

Совещание славянского комитета в Петрограде является в

известном смысле продолжением пражского с'езда. Оба спорные вопроса выявляются здесь во всей своей широте и наступает первый кризис неославянофильства. Было бы, однако, излишним подробно следить за ходом прений с'езда, занимавшегося теми же вопросами, которые разбирал и пражский с'езд; будет вполне достаточно, если мы рассмотрим основные вопросы.

В дискуссии выявились все тогдашние противоречия: русские обоих направлений были возмущены Австро - Венгрией и теми чешскими и юго-славянскими политиками, которые голосовали за аннексию Боснии и Герцеговины; сербы были еще больше возмущены (в том числе и Россией) тем, что все не восстали более решительно против Австрии. Между самими югославянами шел резкий спор, так как некоторые хорватские круги были довольны аннексией, которая, по их мнению, могла усилить югославянский элемент в Габсбургской империи. Поляки вели себя по отношению к этому вопросу безразлично. С дипломатической точки зрения, победа Австро - Венгрии при помощи Германии была так очевидна, что доктор Крамарж заявил, что «в данном случае были поражены все славяне». Сербы выразили свои взгляды на весь вопрос совершенно неиносказательно, более чем открыто.

Как известно, часть чешской и югославянской делегации голосовала тогда за аннексию. Д-р Крамарж обосновал это голосование тем, что он верит, что оба правительства договорились на этом вопросе и что русское правительство (Извольский) дало свое согласие на аннексию, как об этом ему заявил Эренталь. Извольский же, говорят, позднее говорил д-ру Крамаржу, что Эренталь лгал; в таком случае чешская и югославянская делегация были сознательно введены в заблуждение*).

*) Кажется, правда заключается в том, на что намекает в своих мемуарах президент Масарик: Извольский и Эренталь сказали взаимно чего хотят и договорились в грубых чертах. Договор, повидимому, не был достаточно ясным, каждый объяснял его по своему, и Эренталь, действовавший в 1908 г. живее, предупредил Извольского. В австрийских архивах находится записка, которая могла бы подтвердить правдивость Эренталья. Записка, однако, не носит характера протокола заседания. Очевидно, это официальная австрийская запись.

Русско - польский спор выразился на собрании весьма остро. Дмовский и Олизар констатировали дословно, что русская антипольская официальная политика вырывает всякую почву из под ног неославянофильского движения среди поляков. Русские националисты не принимали обвинений, выставленных против русской политики в польском вопросе, и подчеркивали необходимость обратиться к балканским вопросам. По их словам, оттуда надвигается на славян грозная опасность. Как идеологически, так и в практической политике эти петроградские совещания означали глубокий раскол в неославянофильских рядах.

27. В следующем году в Петрограде происходили дальнейшие заседания; в феврале 1910 г., когда снова сошелся славянский комитет, он должен был окончательно постановить, состоится ли в этом же году новый подготовительный славянский с'езд в Софии или нет.

Совещание занималось снова прежде всего польско - русским спором. Поляки требовали, чтобы с'езд был отложен, пока польско - русские отношения не будут хотя бы немного урегулированы. Но, несмотря на это, было постановлено, что с'езд откроется 7-го июля 1910 г. Передовые русские люди уже открыто говорили, что неославянофильское движение дискредитировано русским национализмом правых кругов и что было бы лучше сберечь эту здоровую мысль до более благоприятного будущего, а пока приостановить движение. Итак, несогласия становились очевидными, и неуспех движения был виден каждому. Была сделана последняя попытка урегулирования польского вопроса: была избрана особая польско - русская комиссия (Хомяков, Крассовский, Львов, Маляков, Володимиров, Бобринский, Дмовский, Страезевский, Олизар и целый ряд их заместителей), которая должна была попытаться подготовить русско - польское соглашение. Комиссия успеха не имела.

Так дело шло до последнего славянского с'езда в Софии в июне 1910 г. Он завершил развитие неославянофильства. Поляки в нем уже не принимали участия в качестве делегатов, они присутствовали, как гости. Из русских передовых кругов почти никто не присутствовал, за октябристов приехал Гучков; русские были представлены, главным образом, политиками правого крыла. Украинцы снова не приехали. Из неполитических

вопросов разбирались те же, что и в Праге, и были сделаны ценные и важные постановления, особенно касающиеся культурных, научных, экономических и иных сношений. Одновременно были устроены научные собрания, выставки, манифестации и торжества, так что в общем внешний успех с'езда был довольно значительным.

Однако, в политическом отношении с'езд означал новый большой шаг назад. Во время дебатов возникли споры о славянской ориентации в России, о польском вопросе, о политике Сербии и Австро - Венгрии на Балканах, о Македонии. Болгарское правительство было более чем сдержанно; особенно подчеркивалось, что царь уехал умышленно из Софии, чтобы избежать всяких сношений с участниками с'езда. Правительственные круги в этом смысле осведомляли Вену о своем отношении к С'езду. Несмотря на внешние манифестации с'езда, вся атмосфера указывала, в какой стадии находится все неславянофильское движение.

Политических заявлений больше всего сделал д-р Крамарж. Он подчеркнул, что с'езд придерживается принципов, принятых пражским конгрессом, что основой неославянофильства является лозунг — тот не истинный славянин, кто притесняет иных славян и что польско - русская комиссия должна снова начать свои работы и достигнуть соглашения; по его словам, было необходимо снова подчеркнуть тот факт, что все неославянское движение занимается лишь культурными и экономическими вопросами. Этот принцип д-р Крамарж выдвинул еще больше, когда заявил, что неославянофилы не вмешиваются в дела иных государств и что у них нет никаких таких целей, которые толкнули бы отдельные славянские народы против государств, к которым они принадлежат. Враги неославянофильства, заявил он, ждут, что София станет его могилкой, но они в этом ошиблись, ибо неославянофильство с софийского с'езда выходит сильнее, чем никогда.

Диагноз этот не был правильным. Неославянофильство вышло из Софии настолько ослабленным, что дальнейшие международные события легко воспрепятствовали тому, чтобы состоялся следующий с'езд, и все дело ограничилось лишь мелкими попытками. Теперь софийское выступление представляется нам в виде замаскирования всеми уже ощущавшегося неуспеха или поскользку возможно уменьшения этого неуспеха. Фактически с'езд вооб-

ще ничего не принес; в идеологическом отношении он означал слабое повторение предшествовавшего, в политике он доказал полное бессилие участников повлиять на события в своих государствах, а кроме того, он дал возможность всем существующим несогласиям выливаться в самой резкой форме. В практическом отношении софийский съезд означал конец неославянофильских съездов, несмотря на то, что в следующем году (10 июля 1911 г.) состоялся съезд журналистов в Белграде и что к неославянофильству некоторое отношение имел сокольский слет в Праге (29-го июня — 1 июля 1912 г.).

Итак после софийского съезда баланс неославянофильства оказался весьма незначительным: поляки были недовольны и относились к движению отрицательно; украинцы из России и русины из Галиции отвергли снова, как и прежде, все движение, передовые русские начали удаляться от движения и считать его для себя даже немного компрометирующим. Сербы были недовольны, потому что в то время, когда движение старалось провести свою политику, стремясь к соглашению с Австро - Венгрией, Вена и Будапешт прямо неслыханно усиливали австро - венгерский режим. Но кроме того уже и ранее процесс Фрида-юнга пролил слишком яркий свет на австро - венгерскую антисемитскую политику и уничтожил все возможности совместной работы с теми, кто каким бы то ни было путем поддерживал официальную политику Вены. Словинцы и хорваты католики тоже вели себя чрезвычайно сдержанно. В широких политических кругах и в общественном мнении югославян у неославянофильства никогда не было глубокой почвы. Его обвиняли в австрофильстве, которое а priori дискредитировало его в югославянских землях. Особенно сербы, идущие за идеей объединения югославян или по крайней мере великой Сербии, видели в нем, во - первых, просто опасное препятствие для собственного объединения, во-вторых, работу на Австро - Венгрию или же во имя личных партийных или народных целей чешских, иногда польских или хорватских. Передовые деятели, как среди чехов, так и среди русских, и социалисты всех славянских народов чем дальше, тем больше отвергали все движение, и перед Балканской войной 1912 г. неославянофильство находилось в настоящем упадке.

Антитурецкий сербо - болгарский договор, заключенный в

марте 1912 г. и дополненный в августе того же года договором с Грецией и Черногорией, — договор, который привел к объявлению 17-го октября 1912 г. войны Турции, вызвал у многих неославынофилов надежду на новое развитие движения. Победы над турками обосновывали эти надежды. Но ближайшие же события означали окончательный конец всех этих попыток. Сербо - болгарская война была еще большим ударом всему движению, чем аннексия Боснии и Герцеговины. Она сделала на многие годы невозможной общую политику русских, сербов и болгар. Бой Австро - Венгрии за недопущение Сербии к морю, создание при помощи Италии Албании и все дальнейшие события, которые были с этим связаны (афера консула Прохазки и т. д.) означали новые удары по этим идеям. Попытки примирить Вену, Будапешт и Белград, предпринятые некоторыми неославынофилами (Крамаржем), не имели никаких последствий.

Ко всем этим событиям имела отношение и Германия: она непрерывно поддерживала Австро - Венгрию в ее стремлениях на Балканы, непрерывно осуществляла свой общий план с Турцией, вооружала ее и готовила ее к осуществлению пангерманских целей. С этим же была связана и внутренняя политика Австро - Венгрии: венгры и немцы душили совместно Хорватию, усиливали давление в чешских землях и завели, наконец, у нас в 1913 г. абсолютизм, в Галиции и Венгрии террор, начались процессы против русских и русин, в югославянских землях был установлен известный режим, закончившийся убийством в Сараеве и мировой войной.

Неославынофильство, которое подавало такие надежды при своем зарождении после русской революции, погибло после шести лет тяжелой жизни среди знопа оружия мировой войны.

28. Я уже говорил, что и помимо внутренней неоследовательности и половинчатости главных своих основ, неославынофильство должно было кончиться крушением, потому, что оно неправильно оценивало, с одной стороны, развитие событий внутри России и Австро - Венгрии, понимая их как эволюцию в сторону либерализма и демократии, с другой, неверно расценивало иностранную политику обоих этих государств, с которой должно было считаться, как с предпосылкой своих успехов. Идеей неославынофильства — и при том одной из основных — было

сближение России с Австро - Венгрией, приостановка ее стремления на Восток и лояльная совместная работа России и Австро-Венгрии на Балканах.

Я приведу здесь несколько документов из которых будет видно, что цели у Вены в то время, когда основатели неославянофильства строили свою теорию на вышеприведенных предпосылках, были совершенно противоположны и что Вена не противилась чрезмерно и решительно в том или ином случае неославянофильству по той простой причине, что надеялась воспользоваться им в совершенно иных видах.

6-го марта 1907 года венское министерство иностранных дел (подписан Думба) отправило послу Бертхольду в Петроград инструкцию по австро - венгерской политике в России. Из документа ясно видно, что прежде всего совместная работа Австро - Венгрии с Россией на Балканах подразумевалась весьма относительно, и что, главное, сближение с Россией не должно было помогать австрийским славянам и не являлось последствием новых демократических течений, а наоборот, должно было быть основано на династической идее, должно было служить реакции, должно было остановить революционное движение, должно было быть союзом трех императоров — русского, германского и австро - венгерского, направленным против грозящей революции. Концепция совместной работы обеих империй, созданная неославянофильством, была совершенно противоположна. С этой точки зрения документ весьма характерен. В виду того, что эта идея повторяется и в позднейших своих попытках, ее необходимо особо подчеркнуть. Из этого видно, насколько положение в самой своей основе было иным, чем его представляли себе неославянофильские круги.

В документе говорится следующее:

Совершенно секретно

Тайно XXXVII/13.

№ 234.

Его Превосходительству

Графу Бертхольду.

6-го марта 1907 г.

«Наши современные дружественные отношения к России необходимо рассматривать с двух точек зрения; во - первых, с общей точки зрения консервативной политики в Средней Европе,

во - вторых, соображаясь с направлением и методом нашей политики в балканских государствах.

В первом отношении она представляется нам, как чрезвычайно тесная солидарность консервативных, монархических интересов Австро - Венгрии, России и Германии в их общей обороне против социальной и революционной волны, которая грозит с Востока затопить всю Европу. Серьезный интерес, который имеет каждая из этих трех монархических держав в интегральном сохранении своего владычества, особенно польских провинций, а, следовательно, и предупреждении того, чтобы польский вопрос рассматривался, как международный, создает между ними связь. Подобная же солидарность интересов имеется у них и в вопросе об разоружении, который будет поднят английским правительством на ближайшей гаагской конференции. Эти три монархические державы будут принуждены на основании взаимного соглашения и при помощи оборонительного наступления (*durch eine einverständliche, abwehrende Haltung*) сломить шею английским предложениям и должны будут вообще воспротивиться мирному движению, которое стремится к ослаблению монархических прерогатив, подчеркивая постоянно волю народа и межпарламентскую акцию. Нельзя не признать общих интересов этих трех центральных держав во всех этих отношениях. У царя Николая и у некоторых его советников в общем правильное понимание этого вопроса. Поддерживать и развивать его является благороднейшей задачей для Вашего Превосходительства. При Вашем знании лиц и условий, я могу ограничиться этими общими замечаниями, особенно по поводу того, что за всем, что будет касаться личных отношений обоих монархов и их дворов мы будем следить с напряженным вниманием и также поддерживать.

В виду того, что Германия преследует в Петрограде ту же политику, что и мы, будет поздно, если Вы откровенно переговорите с Вашим немецким коллегой.

В данный момент у нас имеется то преимущество, что царь Николай и часть русских политиков питает к нам большее доверие, чем к Германии. Нужно указать, как на открытый вопрос, на то, разовьются ли из полных доверия отношений монархии к России еще более интимные связи в виде союза, в который будет привлечена и Германия. Ответ на этот вопрос зависит, с одной

стороны, от внутреннего развития России, от результатов борьбы между монархическим порядком и революцией, с другой, от развития внешних событий. В свое время у меня была мысль создать более интимные отношения между тремя монархическими державами, причем Германия должна была присоединиться к центральному протоколу от октября 1907 года; к этой мысли можно всегда вернуться.

Я не предаюсь иллюзиям и знаю, что царь Николай является монархом неустойчивым и легко поддающимся влияниям, что Извольский склонен к английской политике и что неясные, либеральничавшие и кокетничавшие с панславизмом течения могли бы снова добиться перевеса при царском дворе. Поэтому весьма желательно, чтобы весьма старательно следили и сообразно с положением за дальнейшим укреплением наших немецких отношений к России.

Что касается Ближнего Востока, то необходимо подчеркнуть два этапа нашей политики. Во время поездки, которую совершил к Николаю в Петроград весной 1897 года наш всемилостивейший владыка, Его Императорское Высочество Государь, дошло до общего теоретического разговора, из которого стало ясно, что интересам обеих монархических держав соответствует политика, направленная на сохранение *status quo* в европейской Турции. Дальнейший шаг в положительном смысле был сделан осенью 1903 года на конференции руководящих политических деятелей в Вене и в Мюрцштеге. Программа, названная по последнему городу, была основной, на которой строились пацифические стремления держав в македонском вопросе. Я придаю огромное значение продолжению этой деятельности в направлении предшествовавшему союзу с Россией.

Ваше превосходительство обратит особое внимание на то, чтобы было сохранено наше интимнейшее соглашение с петроградским кабинетом и чтобы мы в каждом фазисе переговоров о македонских вопросах договаривались и соглашались прежде всего с Россией. Конечно, мы ожидаем подобных же отношений со стороны этой державы.

Вашему Превосходительству выпадает особая задача действовать в умиротворяющем и сдерживающем направлении на господина Извольского, который, очевидно, готов уступить

влиянию английского правительства и начать в более скором темпе дело реформы. Русский министр применял и по отношению ко мне аргумент, что лучше было бы взять в свои руки расширение программы реформы, дабы мы не потеряли руководства, которое возьмут на себя западные державы. В виду того, что по всей вероятности предложения сэра Эдуарда Грея будут заключаться в обеспечении широкой автономии Македонии с христианским губернатором, назначенным великими державами, Вашему Превосходительству не будет трудно убедить Извольского в том, что без физического давления нельзя будет ни в коем случае добиться для этого согласия султана. Иначе это было бы первым серьезным этапом к отделению этой важной провинции. Мы сами чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы как можно отдалить эту возможность, так как она наверное бы вела к серьезным конфликтам и необходимому скорому концу политики *status quo*, что не было бы с моей точки зрения, ни в интересах Австро-Венгрии, ни России. *)

Принимая во внимание, что ослабленная войной и раздражаемая внутренними междоусобицами, Россия должна при осуществлении мурецжских реформ держаться скорее на вторых линиях и предоставить нам инициативу, а вследствие этого и моральную ответственность за успех предприятия, с нашей стороны будет простой дальновидностью привлечь до известной степени к этому предприятию и западные державы, как это уже было при введении финансовой реформы. Однако, мы должны приложить величайшие усилия к тому, чтобы руководство делом осталось в руках обеих согласившихся держав, как наиболее заинтересованных, благодаря своему географическому положению, в судьбах балканских государств. Этого можно достичь как уже было выше сказано, лишь поддержанием самого интимного контакта с петроградским кабинетом, вполне откровенными

*) Как это видно, устремление к соглашению с Россией было, с одной стороны, в целях удержать правление монархической реакции, а с другой, одновременно помогать Турции против балканских славян, особенно же против Сербии. Общая концепция международной политики неославянофилов в общем довольно хорошо годилась Вене.

соглашениями и договорами относительно каждого отдельного фазиса реформы. До тех пор, пока Австро - Венгрия и Россия будут совместно и слитно выступать в Царьграде, до тех пор, пока они будут преследовать мудрую серединность в требованиях, предъявляемых Его Величеству Султану, до тех пор можно будет здесь достичь медленного развития условий и предварительного избежания катастрофы. Мы должны постоянно помнить о том, что к султану проникнут те предложения, которые будет поддерживать немецкий посланник в Царьграде. Именно поэтому предложения должны быть консервативны и должны уважать монархические prerogatives султана и его положение, как высшего калифа.

Наши намерения на Балканском полуострове объясняют инструкции, данные мною маркграфу Паллавичини, о чем сообща Вашему Превосходительству, посылая в приложении их копию; это *секретное* предписание должно служить исключительно для Вашей *личной* ориентации и осведомления....»

Прямо классическим документом, направленным против целой концепции политики мира, покоя и славянского сотрудничества с Австро - Венгрией, а, следовательно, против концепции тех, кто лояльно принимал Австро - Венгрию в неославянофильство, стремясь примирить идею славянской политики с существованием Австро - Венгрии, — являются упомянутые в документе инструкции насчет балканской политики Австро - Венгрии, посланные в тот же день, — 6 марта 1907 года, венским министерством иностранных дел маркграфу Паллавичини, послу в Царьграде. Не может быть более красноречивого документа, не может быть и более острого обвинения против бывшей Габсбургской империи: всевозможное интриганство, подготовка конфликтов, злая воля, нелояльность, вражда к Сербии, натравливание одного балканского государства на другое, — все, что мы лишь всегда предполагали в венской политике, все здесь документировано, изложено, как официальная политика целой империи. А неославянофильство в то же самое время предполагало, что может быть лояльным к государству, которое так относится к славянам на Балканах!

Документ этот говорит сам за себя. Привожу его полностью.

Секретно
№ 235.

Тайно XXXVII/в.

Маркграфу Палланичини
в Царьграде.
Вена, 6 марта 1907 г.

«В инструкции, посланной императорскому и королевскому послу в Петрограде, излагаю в общих чертах свой взгляд на отношения между монархией и Россией в связи с современным политическим положением в Европе.

Уведомляю Ваше Превосходительство, для Вашей чисто личной информации, об этих моих разъяснениях и пользуюсь этим случаем, чтобы, как это уже было в нашем частном разговоре, изложить снова некоторые свои взгляды, которые мне кажется, могут быть руководящими, особенно в нашей политике на Балканах.

Наша политика на Балканах опирается на договорно - правовой основе, то - есть на берлинском трактате и направлена, поскольку это возможно, к сохранению турецкой державы.

Этой цели служат и македонские реформы, определенные в мюрцшехском договоре и определенные по нашей и русской общей инициативе. В этих рамках мы и будем продолжать действовать, будучи, однако, осторожными и разумными, не торопясь и не спеша, не выступая чрезмерно вперед и не настраивая против себя султана.

Однако, в этом направлении нельзя забывать, что со времени Мюрцштега положения для нас изменились в связи с нашим *action à deux*, в виду того, что Россия вследствие последней несчастной войны и внутренних неурядиц неспособна на долгое время к деятельности и должна держаться на вторых местах. Для нас, однако, невыгодно нести самолично всю ответственность и одиозность этого предприятия. Нашим интересам таким образом вполне соответствует план признать и остальные державы, как это уже, между прочим, делалось при финансовой реформе и как это предполагается при правовой реформе. Для нас еще чрезвычайно важно, чтобы мы не выпускали из рук руководства этой кампанией, признанной всеми державами за нами и Россией,

по той причине, что при ее помощи и мы можем удержать постоянную тесную связь в духе эпохи с русским правительством, а далее еще и потому, что мы все дело удержали бы в таких границах, где можно рассчитывать на содействие Германии.

Мы не питаем особых надежд, что эта, так называемая реформационная деятельность означает расширение македонского вопроса. Для нас она имеет лишь то значение, что неизбежный ход событий, который придет, быть может, и не без насильственных потрясений и больших осложнений, в этих землях был бы задержан до того момента, когда мы будем более готовы в военном отношении, а во внутреннем более укреплены, то есть более способны к деятельности, чем теперь. Однако, не может быть сомнений в том, что македонский вопрос, развитый несколько лет тому назад, не будет вычеркнут из программы дня и что исторический процесс дробления Турции покажет себя в скором времени и здесь.

С нашей стороны было бы ошибкой этому противиться.

В виду того, что мы не стремимся к территориальному расширению, серьезными наследниками Турции и Македонии и могут считаться лишь балканские государства.

Каждое из них подготовило свою политику на этот случай и старается при помощи национальной пропаганды в Македонии, которая осуществляется ими всеми средствами: школой и церковью, деньгами и бандами прямо и косвенно добыть себе приверженцев, на которых можно было бы опереться в момент ликвидации и на которые можно было бы указать Европе. Это стремление так естественно, что было бы совершенно тщетно с нашей стороны задерживать эту пропаганду договорами или увещаниями. Таким образом, не является нашим умыслом играть по отношению к балканским государствам неблагодарную роль вечного ментора, чем мы, однако, не желали сказать, что хотим исключить наше участие в дипломатических переговорах государств, если это будет соответствовать обстоятельствам.

Вопрос, какое решение македонского вопроса наиболее бы соответствовало нашим интересам, может быть формулирован следующим образом — какой из балканских народов мы будем предпочитать с нашей точки зрения?

Значительное увеличение и укрепление Сербии, которое

увеличило бы ее притягательную силу в Боснии и у югославян вообще, было бы прямо очевидно направлено против наших интересов. Должна быть также исключена возможность, при которой Сербии досталась - бы на Средиземном море пристань, которая дала бы средства стать и в экономическом отношении независимой от монархии.

Наоборот, нам не может ни в коем случае вредить агитация Болгарии, чем она будет сильнее, тем меньше будет опасность, что там угнездятся чужие, при известных обстоятельствах нам враждебные, влияния и тем большая гарантия будет у нас, что она будет самостоятельно развиваться. Сильная Болгария является для нас прямо желательной как противовес Румынии, если бы последняя хотела когда нибудь в будущем осуществить великорумынскую политику на севере.

Дабы задержать или как можно больше отдалить такое изменение румынских настроений, весьма полезно поддерживать румын в их интересах по отношению к их соплеменникам куцов-лахам в Македонии. Мы можем помочь этому дипломатической поддержкой румынских стремлений в Царьграде, поскольку это допустит необходимая оглядка на экуменитетский патриархат, при котором мы должны представлять босненские интересы.

Мы можем лишь приветствовать национальные стремления в Албании, так как усиление национального албанского самосознания будет мешать славянизации этого края и создаст для нас опору против враждебной Сербии и Черногории. Поэтому будем поддерживать и далее известную связь с Албанией и будем выражать наши симпатии их стремлениям в культурной и национальной области, избегая при этом, однако, всего того, чтобы могло считаться шагом против Турции и против сохранения политического *status quo*.

Главный центр нашей деятельности в Албании должен заключаться в торгово - политической области, дабы мы могли противиться итальянскому «*pénétration*»*), которое уже добилось крупных результатов и которое грозит отнять у нас наше влияние. Мы не думаем о приобретении территории и в Албании. Но мы

*) Проникновению.

бы не допустили, чтобы там укрепилась Италия и превратила Адриатику в итальянское море.

Примите».....

В данном случае вполне достаточно одного замечания: вот один из самых блестящих примеров австро - венгерской политики, охарактеризованной словами «*divide et impera*» и ее международного интриганства, пользующегося одним государством для борьбы с другим способом, который указывает весьма наглядно, чем были австро - венгерская политика и дипломатия.

29. Для того, чтобы было можно судить, как понимал приготовления к пражскому неославянофильскому конгрессу и как о них докладывал посол Бертольд в Петрограде, могут послужить его два письма Эренталю, которые мы здесь приведем; из них также весьма ясно следует, какую позицию занимали эти оба политика по отношению, как к неославянофильскому движению, так и особенно к внутри - политическим последствиям этого движения в габсбургской монархии. Я бы хотел заранее указать на два характерных явления: на то, как говорил о неославянофильском съезде Извольский и как правильно подчеркивал и Бертольд борьбу за славянский план в русских кругах между правым и левым крылом. Правда, его предсказание сразу не осуществилось, но в конце концов все же было верным.

Текст первого письма от 28-го декабря 1907 года гласит:

№ 45 — С

С.-Петербург, 28-15 декабря 1907 г.

Мысль созвать славянский съезд — о чем я позволил себе упомянуть в сообщении от 30-го прошлого месяца, под номером 42 — не исчезла до сих пор со страниц газет и из репертуара различных здешних славянских обществ.

Я хотел бы обратить внимание на то, что правительство далеко от этих намерений. Господин Извольский уверил меня об этом устно и присоединил к этому, что эта мысль растривает его еще по чисто эгоистическим причинам, так как по его убеждению, организаторы не считаются с тем, что ставят его благодаря своему предприятию в затруднительное положение. Однако, он не знает точного положения вещей и не теряет надежды, что весь этот план провалится.

Поскольку я мог узнать, съезд не должен состояться до весны

по всей вероятности он состоится летом 1907 года в Петрограде. Идея с'езда возникла, когда одесский профессор Борзенко пожертвовал на эту цель 100.000 рублей, ее поддерживают частью в России в националистических кругах и Государственной Думе, частью за границей в славянских кругах Австро - Венгрии и Балкан.

В Москве, которая вообще является центром славянофильских стремлений, по моему мнению усиленная пропаганда в этом направлении не развилась. Прежде всего, по моим наблюдениям там не достает влиятельной личности. Бывший председатель славянского общества известный агитатор Череп - Спиридович доиграл свою роль. Он проживает за границей и едва ли сможет вернуться из за скверных воспоминаний, которые о нем остались в Москве и которые он возбудил некоторыми поступками, касающимися его чести.

Кроме того, московское славянское общество страдает в последних годах все большим и большим понижением количества членов и недостатком денежных средств. Тем оживленнее деятельность здесь, в Петрограде, где Русское Собрание взяло в свои руки мысль созвать с'езд и стремится осуществить его при помощи некоторых националистов из Государственной Думы. Параллельно развивается деятельность, инсценированная православным духовенством Государственной Думы, которое замышляет созвать современно со светским с'ездом и с'езд славянского духовенства. Демонстрация, устроенная таким образом, носила бы исключительно русский — православный характер и могла бы вызвать недовольство в католическом лагере.

Недолго заставили себя ждать и раздались голоса, требующие, чтобы славянский с'езд имел иное основание, и чтобы были позваны поляки. В связи с этим я бы хотел обратить внимание на статью, опубликованную в газете «Русь» 10 - 23, 1, подписанную псевдонимом Нестор и в которой подготавливается настроение к мысли, что с'езд будет созван на польской территории в знак того, что «члены в первую очередь придают значение польскому вопросу». В виду того, что в русской Польше условия неблагоприятны, а в царстве Польском осадное положение, остается лишь австрийская Галиция, где, как на весьма удобное место, указывают на курорт Запоповы, находящийся в Татрах.

Оттуда, по мнению Нестора, было бы можно заехать в Белград, где бы могли собраться в большом числе югославяне («Русь», как я слышал, поддерживается поляками). Нестор — это псевдоним польского адвоката Свадковского, которого считают авторитетом в славянских делах. В ту же дудку гудит и Анатолий Леруа Болье в одной из статей, появившейся в *Journal de St-Petersbourg* причем французский ученый идет так далеко, что отрицает за русскими право созывать славянский конгресс до тех пор, пока не будут признаны права не русских народов и особенно поляков в границах русской империи. К этой же области относится и обращение, сделанное недавно московскими славянскими обществами, в котором говорилось о необходимости уравнивать отношения с поляками; из этого видно, что у них нельзя рассчитывать на безусловное соглашение с односторонним русско-православным съездом.

Ни для кого не является новостью, как было видно из всего предшествующего, что в смысле всеславянских стремлений Россия разделена на два лагеря: реакционный и либеральный. Однако, весьма интересно констатировать, что в последнее время в этом направлении наступило некоторое изменение, которое проявилось и в выборах в Государственную Думу, когда в югозападных и южных краях были в большинстве случаев избраны приверженцы правых и истинно русских направлений православно-славянских элементов, в то время, как бывшие центры великорусского славянофильства послали либеральных депутатов, которые смотрят на славянский вопрос с значительно иной точки зрения.

Нет никаких сомнений, что если предполагаемый славянский съезд будет осуществлен в будущем году, то он пройдет под знаменем национально реакционного славянофильства.

Примите и т. д.

Вертольд, собственноручно.

Не менее характерным является и письмо от 29 апреля 1908 г.

№ 25.

С.-Петербург, 12 мая (29 апреля) 1908 г.

Как я узнал из вполне достоверного источника, утром 11-24 мая сего года приедут в Петербург депутаты австрийского парламента д-р Крамарж, д-р Грибар, д-р Глибовицкий и будут

встречены на вокзале, как депутаты соединенного австрийского славянства.

На время, когда поименованные депутаты будут здесь проживать, комитетом по устройству приема, состоящим из Милютина, Красновского, А. Столыпина, Вергунова, Янчевского и поляка Дымши, была составлена следующая программа которая, быть может, еще будет изменена:

На вокзале приветствовать будут депутация от городской думы, политических клубов и, вероятнее всего, Государственной Думы. С вокзала все три гостя отправятся прямо к министру председателю Столыпину, после чего предполагается официальное посещение австро - венгерского посольства.

В этот же день после обеда состоится торжество в честь апостолов Кирилла и Мефодия. Вечером предполагается устроить «всеславянский» бал. На дальнейшие дни намечены посещения различных парламентских политических клубов. Должны также соединиться все московское и петроградское славянские общества и устроить совместно славянский вечер, на который должны быть позваны все славянские группы, но главным образом, поляки. Целью приезда трех австрийских депутатов является подготовка всеобщего славянского братания, однако, дословно подчеркивают, что дело не идет о политически - наступательных планах. Далее должен произойти обмен мнений об устройстве в Праге предварительной конференции, которая должна готовить организацию всеславянского с'езда в одном из русских городов.

Несмотря на то, что об'явлено, что посещение д-ра Крамаржа и его спутников, а также и все предприятия с ним связанные, ни против кого не направлены, все же необходимо обратить внимание, что уже на первый взгляд бросается в глаза умысел организаторов устроить высоко - политическую демонстрацию. Это тем более вероятно, что круги, находящиеся в связи с подготовительным комитетом, приписывают устроителям мысль документировать официальным посещением австрийских депутатов австрийского посольства факт, что Австро - Венгрия является славянским государством. Можно с уверенностью сказать, что эта ранее не предполагавшаяся и бросающаяся в глаза программа, участие официальных кругов и стремление сделать одновременно из с'езда австрийских славянских депутатов всеславянский празд-

ник, не далеки от мысли устроить славянскую демонстрацию против посещения Вены германским принцем.

Это толкование может быть также подтверждено тем тоном, который приняла здешняя печать, пишущая о событиях. За исключением газеты «Россия», которая поместила корректную статью о венских торжествах, вся столичная печать старалась придать свиданию немецких князей в австрийской метрополии характер антиславянской манифестации, против которой должен выступить весь славянский мир, особенно же австрийский.

Позволяю себе уведомить обо всем этом Ваше Превосходительство и покорнейше прошу уведомить меня, как должен я вести себя по отношению к сим трем депутатам в случае, если они об'явят о своем желании посетить посольство.

Примите, Ваше Превосходительство, выражение моего глубочайшего уважения.

Фюрстенберг собственноручно».

30. Как в противовес этому понимали подобные вопросы и свое отношение к славянофильству венское правительство и его министр иностранных дел, прямо классически документируется письмом Эренталья от 14-го июня 1908 г. графу Бертольд в Петроград. Читая его становится ясным, что Эренталь допускает мысль о некоторой совместной работе в неославянофильском смысле с всеславянским, но что, с другой стороны, он хотел этим воспользоваться, как можно больше на пользу габсбургской империи. За это он желал добиться благожелательства Петрограда в балканских делах, усиления монархии за счет Сербии и великосербских планов, а поэтому, как он сам дословно выразился, «неославянофильство могло бы содействовать нашим целям на Балканах». Однако, если бы это не удалось, то было бы необходимо всеми силами противиться движению, которое иначе могло бы быть опасным для монархии.

Далее интересно, что пишет Эренталь об отношении австрийских поляков к неославянофильству во время его подготовки.

Текст письма таков:

«Я читал с величайшим вниманием Твое письмо от 2-го июня (20 мая), в особенности же сообщение о пребывании австро-славян в Петрограде. В нем Ты рассуждаешь необычайно ясно и

самостоятельно о ходе славянской недели на берегах Невы и приходишь к заключениям, которые я считаю правильными.... Я также держусь взгляда, что попытка объединить славян—конечно, лишь на поле культуры и мирного сотрудничества — могла бы подействовать благоприятно на отношения между Австро-Венгрией и Россией. Я руководствовался такими же размышлениями, какие приходят к Тебе в голову, когда сказал д-ру Крамаржу, перед его поездкой в Россию, что приветствую с глубоким удовлетворением встречу австрийских политиков с их коллегами в России, так как при известных условиях я бы мог надеяться, что эти сношения будут благоприятно действовать на отношения обеих держав. Это влияние я представляю себе следующим образом. В Петрограде должны не только платонически, но и фактически сознать, что необходимо усиление и самостоятельное развитие монархии, что возможно представить себе лишь в том случае, когда дунайской монархии для ее скромных, но уже более несократимых интересов, будет дана на западе Балканского полуострова большая возможность движения, чем это до сих пор допускалось со стороны официальной и неофициальной России. Наши восточные соседи должны, наконец, прийти к ясному взгляду, что для России должна быть гораздо важнее сильная Австрия, в которой с течением времени различные славянские народы неизбежно добьются большого влияния, чем фантастические аспирации Сербии или Черногории. События последней зимы повлияли на то, что дух старого, наступательного панславизма все еще продолжает сбивать с толку головы. В этом отношении было бы прежде всего желательно, чтобы наступили изменения, если не хотят, чтобы мысль о культурном сближении славянских ветвей не превратилась в гибельное дело. Как мне говорил Крамарж, он стремился в Петрограде высказывать подобное же мнение. По уверениям чешского депутата, как раз Извольский менее всего хотел это понять. С большим удовлетворением и даже восторгом говорит Крамарж о своем обмене мнений с Чарыковым.

Я разделяю также Твои взгляды, что касается особенно затруднений, которые оказались на пути к успеху проекта наших руководителей партии во время их первой поездки в Петроград. Мечта неопанславистов рассеется, быть может, скорее, чем мечта старшего направления. Несмотря на этот скептический

взгляд, нашей обязанностью будет следить самым внимательным образом за дальнейшим развитием мысли по одной, уже ранее высказанной гипотезе, не была бы исключена возможность, что неославянофильство могло бы содействовать нашим целям на Балканах; в случае же, если бы осуществилась иная гипотеза, то было бы необходимо своевременно позаботиться о том, чтобы были подготовлены к отпору крепкие плотины против взволнованных волн определенно антикультурного движения, — плотины, которые, слава Богу, у нас имеются на лицо!

Как говорят, 12-го июля в Праге будут продолжаться разговоры; из бесед с значительным количеством наших польских вождей я узнал, что они смотрят на план д-ра Крамаржа с неудовольствием, главным образом, по внутреннеполитическим причинам. Является опасность, что стремления Крамаржа направлены к славянскому большинству, как и в первый период. С этим необходимо бороться, и польские вожди стоят в этом вопросе на совершенно иной точке зрения, чем русский всеполяк Дмовский. Про форма наши поляки будут кооперировать, но их цель будет теперь, как и ранее, комбинация, которая сохранит их западной культуре. Огромное влияние на дальнейшую ориентацию поляков у нас и в России будет иметь поведение прусского правительства. В письме, написанном на этих днях прямо князю Бюлову, я обратил его внимание на этот важный вопрос.

С выражением и т. д.

Эренталь».

Лишь для характеристики тогдашней австро - венгерской политики я привожу из секретного письма Сзогиены, бывшего шефа Австро - Венгерского посольства в Берлине, Эренталю (№ 33 B.d.d.t o. Берлин 18 июля 1908 г.), в котором он цитирует характерное заявление немецкого имперского канцлера:

«Путешествие австрийских славянских вождей в Петербург и Варшаву находится, быть может, хотя и не в непосредственной, но все же в очевидной связи с антинемецкой травлей в России. Дело касается весьма мало культурных интересов; дело связано с политическими целями, с заявлением солидарности всех славян со штыком, направленным прямо против Германии и косвенно

против Австро - Венгрии. Тем более необходимо высказать при каждом случае солидарность Германии и Австро - Венгрии».

«Имперский канцлер, прибавляет Сзогиены, вполне согласен с моим замечанием, которое вполне соответствует моим понятиям, что при современном положении все это должно применяться без демонстративного напора».

31. Чрезвычайно характерными являются официальные сообщения Форгача из Белграда, относящиеся к отдельным славянским конгрессам и неославянству вообще. Если даже не все вполне точно, то главные факты, очевидно, правильно схвачены и он, повидимому, правильно информирует о положении и указывает, в чем именно неославянофильство не могло удовлетворить принципы истинного славянства, в первую очередь у югославян. В них верно указывается два основных пробела неославянофильства почему югославяне никогда не срослись с неославянофильством, не были от него в восторге и не могли вообще принять его с удовлетворением и симпатией и почему, на другой стороне, у Австро - Венгрии могла быть надежда и даже уверенность, что неославянофильство послужит австро - венгерской анти славянской политике на Балканах.

16-го июля 1908 г. Форгач написал Эренталю следующее письмо:

№ 30 С

Белград 16-го июля 1908 г.

Ваше сиятельство!

Мысль созвать славянский конгресс в Праге, как и все связанные с этим всеславянские проекты нашли в Сербии прямо удивительно малый отзвук и собственно говоря совсем не возбудили интереса.

В последнюю минуту — по всей вероятности под влиянием настойчивых приглашений пражского комитета — было, правда, избрано и послано в Прагу политическими клубами партий и иных корпораций несколько делегатов. Единственным более или менее известным лицом среди них является государственный советник Гершич, родившийся в Венгрии; это университетский профессор, бывший министр, спокойный, пожилой господин.

С тех пор, как заседает с'езд газеты печатают лишь обширные телеграммы нашего бюро печати, до сих пор они шли без всяких

комментарий. Я убедился также из частных разговоров с различными политиками, что, по крайней мере, до сих пор неославнофильство не находит отклика и ему не приписывается большого значения. Кроме того, панславизм весьма трудно согласовать с совершенно исключительными великосербскими идеями. Здесь также не слишком популярны те чехи, которые руководят пражским съездом, так как чешские католические чиновники в Боснии считаются чрезмерно приверженными Австрии и элементом враждебным Сербии.

Примите, Ваше Превосходительство, выражение моего глубочайшего почтения

Форгач собственноручно».

После майской славянской конференции в Петрограде в 1909 году Форгач написал Эренталю письмо следующего содержания:

№ 50 — В

Белград, 5 июня 1909 г.

Ваше сиятельство!

Вот уже прошел всеславянский конгресс, а поскольку я могу судить, сербские делегаты в Петрограде ничем особенно не проявили себя и не вызвали какого нибудь очень громкого отзвука в Сербии. Белградские газеты ограничились, главным образом, перепечатыванием телеграмм из наших газет и петроградского телеграфного агентства. Это тем более бросается в глаза, что на съезде говорилось о боснийском вопросе и об аннексии.

И тем не менее, как я уже часто уведомлял Ваше Превосходительство, панславистские идеи никогда не находили благодарной почвы в Сербии, которая идет исключительно за своими собственными великосербскими идеалами и мечтами. У Сербии есть важные политические и религиозные связи с Россией, но национальные, культурные, экономические и финансовые интересы, которые представляет или выдвигает панславизм, слишком далеки и не сходны для того, чтобы вызвать в Сербии живой отклик и привлечь ее постоянное внимание. Во всех этих отношениях Сербия, несмотря на многие катастрофы, была и будет в сфере Австро - Венгрии и ее югославянского вопроса.

Примите Ваше Превосходительство, выражение моего глубокого уважения.

Форгач собственноручно».

Особенно интересным документом для истории неославянства является письмо Форгача Эренталю, посланное незадолго перед конгрессом в Софии 17-го июня 1910 г. В нем приводится разговор Форгача с Миловановичем; по всей вероятности, его можно считать аутентичным. Судя по общему положению, кажется, что он выражал действительно мнение Миловановича. Не менее интересно то, что он говорит о профессоре Ивниче. Истинно славянские взгляды и чувства Ивнича находятся выше всяких подозрений. Но то, что здесь говорит о нем Форгач, соответствует, очевидно, действительности, так как в 1910 г. Ивнич, серьезный и последовательный ученый и политик, смотрящий на вещи с глубокой правдивостью, занимал по отношению к славянофильству весьма критическую позицию; очевидно, она была аналогична той, в которой находились Масарик, Милоков, А. Черный, а в то время также Клофач и иные. Поэтому нам кажется, что свидетельство Форгача правильно.

Письмо Форгача таково:

Белград, 17-го июня 1910 г.

№ 30 В

Секретно.

Сиятельный Граф,

при различных обстоятельствах я докладывал Вашему Превосходительству, что Сербия удивительно мало поддается панславистским идеям. Интеллигентские и политические круги королевства наполнены и всецело заняты пансербскими и югославянскими идеями и не обращают внимания на общие лозунги и фразы."

Господин Милованович сказал мне в разговоре об этом предмете, что в Сербии не найдется и дюжины людей, которые бы знали и понимали, что такое неославянофильство и каковы его цели. Он сам этим занимался и пришел к убеждению, что неославянофильство является чешским, специальным крамаржеским изобретением, рассчитанным исключительно на внутреннюю австрийскую политику и на чешское внутреннее политическое потребление. Вследствие возрастающего, а не утихающего польско-русского конфликта, все неославянофильство господина Крамаржа и его стремление привлечь австрийских поляков к чешским интересам и стремлениям можно считать рухнувшими. По его словам, болгары так охотно ухватились за этот вопрос лишь для

того, чтобы заполнить конгресс в Софию и благодаря этому выдвинуть свое государство в первый план.

Если так говорит сам Милованович, то вполне понятно, что сербское общественное мнение весьма мало заботится о неославянофильстве и его наступающих торжествах в Софии. Ни один журнал пока еще этим не занимался.

Я слышал, что те же сербы, числом 10, которые приняли участие в первом съезде в 1908 г. в Праге, поедут и теперь от себя в Софию. Вследствие того, что их бывший вождь и оратор государственный советник Герсич чувствует себя уже слишком старым, они обратились к известному геологу и профессору Ивничу с предложением, чтобы он выступал в роли их вождя на всеславянском съезде в Софии. Он, однако, отказался и заявил в какой-то белградской газете, что по его мнению конгрессы этого рода не имеют под собой реальной почвы и что задачи всеславянского съезда в современном размере и в определенном направлении совершенно бесцельны для сербской государственной идеи.

Выводы Ивничя совпадают с общественным сербским мнением.

Благоволите, Ваше Превосходительство, принять уверение в моем глубоком уважении

Форгач собственноручно».

Наконец, привожу последний документ Форгача, который соответствует вполне всем предшествующим документам и освещает так же хорошо, как и они, взгляд официальных лиц венского министерства иностранных дел на отношения неославянофильства к югославянской проблеме и австро-венгерской политике на Балканах.

Письмо Форгача следующее:

№ 19. С.

Белград, 11 апреля 1911 г.

Совершенно секретно.

«Ваше сиятельство,

я имел высокую честь получить и прочесть с преданнейшею благодарностью и великим интересом совершенно секретное отношение № 772 от 8-го сего месяца, касающееся славянской выставки, проектируемой на 1914 г. в Праге. Полагаю, что буду действовать соответственно инструкциям Вашего Сиятельства,

коснувшись с соответственной осторожностью этого вопроса в разговоре с сербским правительством, конечно, при благоприятных обстоятельствах и при дальнейшем развитии всего вопроса. Пока в Сербии об упомянутом проекте ничего не известно и о нем не велись дискуссии.

Позволю себе сослаться на свое всепреданнейшее сообщение № 30 В от 17-го июня прошлого года, а также и на свои повторные заявления, что Сербия обращает чрезвычайно мало внимания на всеславянские идеи и предприятия. Те круги, которые благодаря своему духовному уровню могли бы быть более доступны панславизму, теряются совершенно в узких великосербской и югославянской мысли и интересах.

Специально неославянофильство не нашло в Сербии никакого стзвука, как австрийский спецификум и изобретение д-ра Крамаржа. Чехи, как католики и в большинстве случаев верные подданные Австрии, наталкиваются постоянно в Сербском королевстве на недоверие; лишь такие явления, как депутат Клофач и Масарик приветствуются здесь с радостью и считаются истинными друзьями, потому что постоянно противоречат и доставляют нам и нашей официальной политике ряд затруднений.

Но едва ли здесь найдутся следы каких бы то ни было чувств славянской солидарности. По «всеславянским» причинам чрезвычайно мало сербов примет участие в пражской выставке, если до нее все же дойдет дело.

Благоволите, Ваше Превосходительство, принять выражение моего глубокого уважения.

Форгач собственноручно».

Ко всем этим документам я добавлю то же самое, что говорил о подобных же источниках, касающихся панславизма и славянской политики России и Австро - Венгрии, источниках, ставших теперь уже предметом исторического исследования: я далек от мысли видеть в них окончательно выясненную, открытую правду. Необходимо еще услышать, что говорила об этом официальная русская политика, что об этом говорится в югославянских органах и что бы сказали сами участники всего движения. Мои размышления, как я уже подчеркнул в начале своей статьи, являются лишь голосами,

которые должны быть дополнены, проконтролированы, а в случае необходимости и исправлены дальнейшими исследованиями.

Я хочу, чтобы из этих источников было взято то, что теперь мы уже можем считать объективной правдой; — а этого уже, наверное, имеется значительное количество. Прежде всего мы можем окончательно представить себе, как судила о неославянофильстве Вена (Будапешт). В достоверности этих суждений нельзя сомневаться, так как это действительно перворазрядные источники и лучших, пожалуй, никогда не будет. Пока я выдвигаю лишь это, остальное предоставляю исследованию будущности.

32. Перейду теперь, наконец, к заключительному суждению о всем неославянском движении.

Как я уже говорил, связно, теоретически, в виде системы, неославянофильство никогда не было формулировано; всю доктрину лужно выбирать из речей и протоколов съездов. Кроме того, хорошим источником является книга «Славянство», изданная в 1912 году в Праге по постановлению пражского съезда *).

Критика движения давалась в достаточных размерах в 1908 - 1912 годах передовыми деятелями у нас, в России и в Югославии. Здесь я делаю лишь сводку анализа и критики неославянофильства, освещая его при помощи новых сведений и событий.

Было бы несправедливым обвинять неудачу славянофильства одним лишь русским национализмом и австро - венгерским империализмом; каждое подобное движение должно знать положение вещей и иметь план, который не могли бы так легко опровергнуть события. Но, как было указано, у неославянофильства не осуществилось ни одно из его предположений, стремлений и требований. После этого нет ничего удивительного, что среди югославян было много таких, которые обвиняли неославянофилов в том, что они являлись хорошей маской для австро - венгерских стремлений на Балканах. Характерным для неославянофильства

*) У доктора Крамаржа здесь есть вступительная статья о неославянофильстве, которая, с одной стороны, является повторением принципов неославянофильства — опять все говорится общими фразами без додумывания до конца вопроса — с другой, объяснением причин, почему неославянофильство провалилось. Но и в этом объяснении не найти корня вещей.

является также и то, что оно не понимало, или вообще не видело, сильных течений в России, Германии и Австро - Венгрии, образовавшихся после Священного Союза трех императоров и направленных на уничтожение революций; в истории этот союз — теперь это могло снова возобновиться — был всегда направлен против славян, особенно же против поляков, чехов, словаков, и югославян. Все это были огромные политические ошибки.

Итак, делаю окончательную сводку мнений и критики неославянофильства.

1. Неославянофильство возникло благодаря расцвету либерализма в России и Австро - Венгрии после русской революции и было его выражением. Однако, в России скоро в либерализме разочаровались, и правительство и правительственные круги впали в реакцию; славянское движение, которое должно было воплотиться в неославянофильстве было подхвачено и подчинено старым националистическим рецидивом. Таким образом, неославянофильство просто потеряло свою основу, так как его требование *равенства и примирения всех славян* стало неосуществимым. Славянство, как раньше и как много раз, разбилось, кроме иных затруднений, о *польский вопрос*.

2. Русское и австро - венгерское правительства не принимали всерьез политическую международную ориентацию чешских русских и польских неославянофилов. Прямо удивляешься, разбирая политические архивы, какую незначительную роль играло все это славянское движение в русской и австро - венгерской официальной политике в критический период от 1906 до 1914 года, и как мало сообразовались с ними в комплексе политических, иностранных вопросов своих государств Извольский, Сазонов, Бертольд и Эренталь. Бесспорно, что это находилось в связи с их отвращением к либерализму и с их монархическо - абсолютистическими взглядами. Движение и при своей столь мирной форме было для них всех слишком демократическим — опасным и революционным, в особенности в своих возможных последствиях. Со времени аннексии Боснии и Герцеговины (то есть в самом начале движения) нельзя было уже думать о русско - австрийском договоре, даже в том случае, если бы Россия, подгоняемая внутренними событиями, этого бы добивалась. Таким образом, у неославянофильства был отнят практически - политический базис.

Э.-К югославянскому вопросу движение с самого начала отнеслось принципиально неверно, неправильно и неславянски.... Югославянские вопросы были так своевременны, необходимость их решения так неотложна, что не было возможности откладывать решение ни принципиально, ни практически - политически. Поэтому как только их касалась Россия или Австро - Венгрия, наконец, сама Сербия, это означало несогласие среди неославянофилов и провал всей их программы и организации. Неославянофильство в своей несовершенной и неприемлемой форме могло держаться до тех пор, пока на Балканах был международный мир и пока ни один политический вопрос практически не разрешался. Кроме того, неославянофильство уже благодаря своей основе и политике должно было стать препятствием для правильного разрешения югославянской и балканской проблем.

4. Как я уже указывал выше, в неославянофильстве была значительная доля половинчатости и недодуманности: говорят о культурном объединении и экономическом сотрудничестве славян и при этом объявляют, что движение ни в коем случае не будет политическим, является или неискренностью или показывает на полное непонимание основы славянского вопроса. Историческое исследование вопроса о славянской солидарности показывает, что всюду, где выдвигался этот принцип, дело заканчивалось фiasco. Как только после съездов постановлений начали разбирать и изучать вопрос культурного и экономического сотрудничества, сейчас же стало ясно, что вопрос является прежде всего политическим и международным и что каждое такое движение строится на основах возрастающей демократии и должно в своих *последствиях вести прежде всего к стремлению национального единения каждого славянского народа и, следовательно, к устранению существующих границ*, то есть в полном противоречии тому, что объявлялось так лояльно на съезде в Праге и в иных местах и что должно быть политическим базисом всего неославянофильского движения.

Благодаря этому неославянофильство было в своих принципах *недемократично*. Ведь, и неославянофильство не могло избежать того, что ранее или позднее будет поставлено прямо перед роковым вопросом — как должно оно вести себя в конечном счете по отношению к австро - славизму и к чешской и польской пози-

тивной политике, как разовьются отношения к славянству в России и на Балканах, что будет с Боснией, Герцеговиной, Македонией, Албанией, Царьградом и т. д. и что, наконец, оно подразумевает под славянским единством. В неославянофильстве было противоречие, два непримиримых антипода. Неославянофильство, вышедшее из пражского съезда должно было внутренне принципиально надломиться, как только дело заходило немного глубже в область этих принципиальных вопросов.

5. В актив неославянофильства нужно записать то, что оно отвергло традиционный панславизм и все старое славянофильство и панруссизм.

6. Если я срезымирую всю свою критику, то это будет означать: от всего движения остались лишь неточные, всеобщие разговоры о славянской взаимности. Практические параграфы программы (примирение всех славян, культурное и экономическое сотрудничество) не осуществились, политические основы (русско-австро-венгерский союз без Германии или даже против нее, передовая, демократическая внутренняя политика в польском вопросе в России и в чехословацком и сербо-хорватском в Австро-Венгрии) не имели под собой солидной, реальной почвы, главные принципы неославянофильства (что оно аполитично и не желает вмешиваться во внутренние дела государства) были неправильны, ведя, в конце концов, к противославянским заключениям или служа целям, направленным против истинной славянской политики, которая никогда не могла заключаться в чемнибудь ином, кроме достижения независимости и национального единения каждого из славянских народов.

33. Каждое движение в прошлом, настоящем и будущем могло иметь и сможет иметь лишь тот характер, который у него и был: *оно всегда было опасностью для данного status quo и для существующих границ.* Поэтому всегда каждое славянское движение, как уже раз я указывал, будучи в своей основе политически революционным явлением, росло и имело успех лишь в эпохи переворотов, великих событий, революций и войн и распадалось во времена мира.

Этого не могут уничтожить никакие попытки компромисса. Панславянское и панрусское движение, созданное в смысле славянофильства, всегда угрожало Австро-Венгрии и частично Гер-

мании и Турции. Передовое славянское движение, когда оно хотело быть последовательным, бывало чисто революционным элементом и требовало свободы для всех славянских народов, первым его следствием было стремление к национальному единению разорванных и порабощенных народов, то есть к изменению существующих государственных границ. Поэтому оно угрожало всегда не только в международном отношении, но и внутренне Австро - Венгрии и Турции, а также Германии и России. *Потому то против него так резко всюду, без исключения выступали.*

Эти две тенденции так называемой славянской политики, тенденции, столь противоположные, были едиными, последовательными и ясными. Все остальное было всегда лишь туманом, неясными половинчатыми компромиссами, которые нельзя было связать уверениями об объединении и солидарности славянских народов, ведущими в лучшем случае к ломанной, недостойной, часто истерической, обрывчатой политике, в которой могли пользоваться расплывчатыми славянскими лозунгами или как пугалом, или как надеждой и утешением для страдающих и угнетенных народов. Я не говорю, что и это не приносило нам и иным славянам пользы в тяжелые мниуты. Народные массы позволяют долго успокаивать себя неясными, часто обольстительными и демагогическими лозунгами. Но сознательная, прагматическая политика, которая не хочет провалиться, не может базироваться на подобной половинчатости.

Теперь после войны, которая разрешила целый ряд славянских вопросов, ситуация стала иной. Теперь мы можем все сказать открыто. Панславизм и старое славянофильство принадлежат истории; освобождение и этническое объединение славянских народов стало благодаря военным событиям до такой степени фактом, *что уже можно серьезно думать о том, есть ли и может ли быть славянство настоящим политическим фактором, с точной, сознательной, никому негрозящей практической программой.* Я попытаюсь показать далее, в какой форме и при каких условиях это возможно.

Неославянофильство погибло вполне заслуженно еще до войны из за своих внутренних противоречий и недостатков. Мировая война, изменившая вполне положение славянских народов, границы империй, в которых жили славяне, и всю международную

довоенную группировку, превратила его окончательно в предмет архивных исследований. *Поэтому необходимо быть осторожным и обращать внимание на все то, что нам подается еще теперь из области старого, довоенного неославянофильства.* Если оно потерпело крушение еще до войны, то как же с ним можно хотя бы слегка считаться после такого огромного переворота, как мировая война! Теперь нужно *действительно* новое славянофильство.

Это касается прежде всего России, современной России и ее отношения к остальным славянам. Еще сегодня нам пытаются подсунуть такое же реакционное, такое же недопустимое славянофильство, каким было довоенное неславянофильство. Я отвергаю его совершенно решительно.

Эдуард Бенеш.

Перевод с чешского

Н. Мельниковой - Папоушек.

Опыт национализации.*)

Довольно много недоразумений, имевшихся в эмигрантской среде относительно русской экономической действительности, уже раз'яснилось. Во всяком случае рассеялось главное из них. Теперь никто уже не скажет, что советская экономическая система представляет из себя, «потребление без производства». А ведь в этом почти все были уверены. В эпоху «военного коммунизма» такое представление о советской экономике, конечно, могло быть до известной степени обосновано. Но его продолжали держаться и после перехода к новой экономической политике. И продолжали на нем строить свои надежды и планы. Ждали, что с истощением старых запасов исчезнет и советская власть. Ждали с нетерпением, ждали со дня на день....

Но дни шли за днями, а советская власть не исчезала.... В планах, построенных на «истощении», явно, оказывался просчет. Но этому долго не придавали значения. «Мы ошиблись — утешал свою аудиторию в 1923 году П. Н. Милюков только в расчете того, сколько в России было старых запасов. Мы считали, что их было меньше. Но мы не ошиблись, что запасы эти ограничены» **). И он продолжал ждать неизбежных результатов уже «завершающегося», как он полагал тогда, «процесса потребления без производства».

Теперь он этого уже не ждет... Да и все, повидимому, убедились, что в советской России производство не только имеется, но и растет: посевная площадь расширяется, промышленная продукция увеличивается, — народное хозяйство, явно восстанавливается. Этого уже почти не оспаривают. На этом даже строят новые

*) Редакция «Воли России», давая место интересной статье А. В. Пешехонова, предполагает в свое время вернуться к затронутым в ней важным вопросам русской жизни.

**) Современная Россия и задачи эмиграции». Цитирую по «Днямъ» от 10 июня 1923 г.

надежды. Теперь ждут, что советская власть погибнет уже не от «голода», а от «сытости» населения....

Но на ряду с этим новым представлением о русской экономической действительности и опирающимися на него новыми надеждами сохраняются кое - какие и старые. В частности, по распространенному мнению и, пожалуй, даже общепринятому в эмиграции взгляду, состояние национализированных областей русского народного хозяйства — таких важных областей, как крупная промышленность, паровой транспорт, организованный кредит, внешняя торговля и громадная часть внутренней, — представляется в высшей степени плачевным и вместе с тем совершенно безнадежным. Может ли это быть однако? Как же примирить это с улучшением общего хозяйственного положения?

Эмигрантские экономисты, в роде г. г. Загорского и Маркова, чувствуя это противоречие и желая объяснить его себе и другим, прибегают к чрезвычайно замысловатым и очень рискованным построениям. Не напрасный ли это труд однако? Нет ли в данном случае просто - на - просто недоразумения? Мне кажется, что сначала нужно твердо установить факт, прежде чем что-либо на нем строить. Действительно ли русское народное хозяйство в значительной и притом существенной своей части гибнет, в то время, как в целом, очевидно для всех, оживает?

На этом я и хочу в настоящий раз остановиться....

I.

Признаюсь, что меня интересует в данном случае не только факт, не только действительное состояние чрезвычайно важных областей русского народного хозяйства, но и принцип, издавна дорогой для меня принцип национализации.

Конечно, результаты большевицкого опыта, каковы бы они ни были, сами по себе еще не могут подорвать его. Допустим даже, что эти результаты ужасны, что состояние национализированных областей народного хозяйства, как утверждают эмигрантские экономисты, совершенно безнадежно, что последствия национализации для страны губельны, что вообще большевики со своею национализацией окончательно и бесповоротно провалились. Из этого не следует, что принцип национализации ни на что не годится. Может быть, он и не при чем в этом провале....

В самом деле: может быть, за осуществление национализации взялись люди, совершенно к этому не подготовленные? Может быть, они осуществили ее в ненадлежащих формах? Может быть, они проводили ее не надлежащими методами, пользовались нецелесообразными средствами? Словом, может быть, в провале национализации виновата не она, а всецело большевики? Может быть, при других деятелях результаты ее были бы совершенно иные?

Возможно и то, что национализация была предпринята в неподходящий момент. Может быть, в наличности не было необходимых для нее данных? Может быть, ей помешали исключительные обстоятельства? Словом, может быть, провал национализации был обусловлен внешними и временными причинами? Может быть, в другое время и при другой обстановке она дала бы совершенно иные результаты и вполне оправдала бы себя?

Никто, конечно, не скажет, что произведенная в России национализация в том или другом отношении — в отношении ли осуществлявших ее деятелей или в отношении окружавших ее условий — была обставлена сколько нибудь удовлетворительно. Никто не решится утверждать, что с той или другой стороны она хотя бы в самой минимальной степени была гарантирована от провала.

За осуществление ее, действительно, взялись люди, совершенно для этого не подготовленные. В одной своей части они пришли из революционного подполья, в другой — из самых низов народной жизни. Ни те, ни другие при прежнем строе и прежнем режиме не принимали и не могли принимать никакого участия в осуществлении государственной власти, ни в организации народного хозяйства. Никакого абсолютно опыта ни в той, ни в другой сфере у них не было. По их стажу их нельзя было бы назначить на низшие административные должности, а они оказались на самом верху государственной власти; им нельзя было бы поручить управление даже маленьким предприятием, а в их руках оказалось все народное хозяйство. И это хозяйство они задумали еще реорганизовать на совершенно новых началах.

Обстоятельства сложились при этом так, что все другие отшатнулись от них и они были всецело предоставлены своим силам. Хуже того: люди с знаниями и, в особенности, с практическим опытом, в громадном своем большинстве, заняли по отношению к ним даже не нейтральную, а прямо — враждебную позицию и не только не хотели помогать им в задуманной реорганизации, но и всячески старались помешать ей. Одни — открыто, не останавливаясь перед вооруженной борьбой, другие — незаметно, пользуясь тихими формами саботажа. Даже те, которые соглашались в технических ролях помогать большевикам и добросовестно намеревались соблюдать нейтралитет, нередко саботировали, — саботировали невольно, бессознательно, просто потому, что в душе не сочувствовали большевицким затеям и не разделяли большевицких увлечений.

Можно, конечно, говорить: как же смели большевики взяться за дело, к которому вовсе не были подготовлены? Как они решились вести его при указанных условиях? Вместо того, чтобы сразу же отступить от него, они затеяли еще его коренную реорганизацию.. Известно, что отвечают на это большевики. Пролетариат, который

в их лице пришел к власти, не имел возможности научиться управлять государством и вести хозяйство, потому что его систематически устраняли от этого. Волей - неволей за дело должны были взяться неподготовленные люди, — ибо все опытные и знающие были на стороне угнетателей. Никакого другого выхода у пролетариата не было. Если бы ждать, когда он научится, то ему пришлось бы вечно оставаться под властью эксплуататоров....

Мне не зачем взвешивать сейчас эти доводы. Факт остается фактом, который никем не оспаривается: за дело управления страной и хозяйством взялись совершенно неподготовленные к нему люди, притом во вражде почти со всем, кто этим делом до того занимался и практически был знаком с ним. И эти неумелые люди начали действовать.

По теории Маркса, социалистический строй будет подготовлен в недрах капиталистического и появится, как Минерва из головы Юпитера во всех своих доспехах. Понадобиться, быть может, лишь «акушер», который помог бы родиться новому обществу. Во всяком случае, в решительный момент достаточно будет сделать «скачек из царства необходимости в царство свободы».... Верные последователи теории Маркса, большевики, повидимому, полагали, что этот решительный момент наступил. Голова их, ведь кружилась от легкой победы и неограниченных, казалось, возможностей, какие открылись перед ними. Им казалось, что началась «мировая социальная революция», рождение нового человеческого общества, — и они не усумнились взять на себя роль «акушера». Так или иначе, но они решили сделать «скачек из царства необходимости в царство свободы» и сразу же осуществить социализм, при том в самом совершенном его виде — в форме коммунизма.

Делая этот скачек, большевики считали, конечно, необходимым «отряхнуть с своих ног прах старого мира». Вместе с этим прахом они готовы были отряхнуть почти все, что было нажито человечеством за его многовековую историю. С собой они считали нужным захватить чуть ли не одну только производственную технику. Что касается общественной и, в частности, экономической культуры, науки, морали, искусства, — словом, всей духовной культуры, то большевики решили ее бросить, как «буржуазную». Они были уверены, что немедленно обзаведутся своей, пролетарской, «социалистической».

Но прыгнуть должны были не одни только большевики, а весь народ, все общество. Принудить его к этому можно было только силой. Большевики и перед этим не остановились, — благо вся власть была в их руках. Не смутили их и потоки крови, которые полились при этом, как не смущается кровью акушер, когда он считает необходимым хирургическое вмешательство.

Прыжек был сделан, — и.... весь народ оказался в глубочайшей яме. Коммунистический опыт закончился ужаснейшим прова-

лом. Вместо ожидавшейся свободы вопарились насилие и произвол; вместо социализма получилась хозяйственная катастрофа.

Этого провала коммунизма не отрицают и большевики. Они лишь утверждают, теперь, что прыжок был сделан не по доброй их воле, что они были вынуждены к нему военными обстоятельствами, что это был «военный коммунизм»... Пусть так! Не будем спорить, — тем более, что в этом есть доля истины. Во всяком случае факт остается фактом: коммунистический опыт был произведен и закончился провалом.

Но меня в настоящий раз, как ясно из сказанного, интересует не этот опыт, исход которого находится вне сомнения, а дальнейший, для которого результаты «коммунистического» опыта послужили исходной точкой, почему я и должен был напомнить о нем.

Убедившись в провале «военного коммунизма», большевики отказались от него. Они поняли, что, прежде всего, должны выбраться с народом из ямы, в которую свалились. Но, сосредоточивая на этом силы, они решили не упускать из виду и той конечной цели, к которой стремились. Они удержали некоторые из занятых в этом направлении позиций, чтобы, опираясь на них, было легче выбраться из ямы и вместе с тем можно было строить мост к социализму. Этим целям и должны служить национализированные области народного хозяйства.

Довольно долго оставались сомнения, удастся ли русскому народу, упавшему так глубоко, подняться. Некоторые смотрели совершенно пессимистически на его положение, предвещая ему чуть ли не полную деградацию и, если не вымирание, то на долгие годы колониальную зависимость от других народов. Во всяком случае многие были убеждены, что, пока остается советская власть, русскому народу не подняться. Но эти сомнения в силах и жизнениности русского народа оказались неосновательными. Как я уже сказал в самом начале, теперь для всех почти очевидно, что он поднимается и вот - вот из ямы выберется. Эмигрантская печать всячески старается доказать, что он поднимается помимо советской власти и даже наперекор ей. Но это — вопрос второго уже порядка, и я могу на нем пока не останавливаться.

Интереснее отметить другое. Спорят уже о том, куда он выберется. На буржуазную сторону или на социалистическую? Или где то между ними? И куда он в таком случае двинется? Этот вопрос, видимо, волнует и большевиков. В их среде нет единомыслия на этот счет и по вопросу о роли и значении «социалистических элементов» в советском хозяйстве у них идут пререкания. В эмигрантской же среде, можно сказать, царит единодушное убеждение, что русский народ окажется еще дальше от социализма, чем он был до большевистских опытов. Это убеждение, несомненно, находится в связи с представлением о безнадежном состоянии национа-

лизированных областей русского народного хозяйства. На этом месте ждут дальнейшего обвала, будучи уверены, что он унесет с собой большевиков вместе со всеми их «социалистическими элементами».

К вопросу о состоянии национализированных областей, составляющему главный предмет настоящей статьи, я еще обращусь, а сейчас, имея в виду принцип национализации, продолжу речь о том, как и в какой обстановке она осуществилась в России.

Тяжелый и так дорого обошедшийся русскому народу опыт «военного коммунизма», несомненно, кое-чему научил большевиков. Так, они поняли, например, что хозяйство нужно вести руководясь «хозяйственным расчетом», а ведь раньше даже этому не придавали значения. Они убедились, далее, что в громадной стране хозяйство нельзя вести, как в маленькой семье, устроив общий котел, из которого все черпали бы по указке большевика. Убедились они и в том, что дифференцированное народное хозяйство нельзя вести по типу натурального, что для него необходима сложная и чувствительная организация, в частности, организация обмена и что без выработанной человечеством экономической техники, которую они презрительно отбросили как «буржуазную», не обойтись и им в «социалистическом хозяйстве», особенно при «капиталистическом окружении». Они начали усиленно воссоздавать эту технику, не всегда даже разбираясь, что к чему, и не редко просто копируя те институты и учреждения, которыми пользовалось капиталистическое хозяйство. Появились тресты и синдикаты, биржи и банки, векселя и вклады, рекламы и ярмарки и т. д. и т. д. Деньги — это мерило ценности и орудие обращения, — обреченные раньше на умирание, теперь сделались предметом особых забот в отношении их живучести и твердости. Поняли большевики и то, что для организации хозяйства и управления предприятиями недостаточно одного классового чувства, а что необходимы еще специальные знания и опыт. Убедились они и в том, что одним декретом «не трудящийся да не ест» нельзя заставить людей работать, как следует, и что для этого, кроме провозглашенного апостолом Павлом принципа, нужны еще и другие стимулы.... Словом, за организацию интересующего нас в настоящий раз опыта, задачей которого является не коммунизм, а лишь приближение к социализму, взялись люди, уже не такие наивные в хозяйственных отношениях, какими были большевики раньше.

И не такие беспомощные в хозяйственных делах... С прекращением гражданской войны и переходом к новой экономической политике, вовлечение в советское хозяйство «спецов» — людей со специальными знаниями и практическим опытом — пошло гораздо легче. Чем дальше, тем больше их «обращалось лицом» к советской власти и начинало работать не только за страх, но и за совесть, нередко даже с увлечением. С своей стороны,

советская власть, пользовавшаяся услугами специалистов, долго относилась к ним недоверчиво, заподозривая их в контр - революционности. Но в последнее время и она начала все больше «обращаться лицом» к ним и предоставлять им все больше необходимой в хозяйственных делах самостоятельности. Этот двухсторонний процесс, несомненно, далеко еще не закончился, но можно думать, что уже значительная часть имеющихся в стране хозяйственных сил вовлечена в советское хозяйство и работает в нем не хуже, чем работала бы в хозяйстве капиталистическом.

Но это было достигнуто, как только что сказано, далеко не сразу. Сами большевики, хотя и научившиеся кое - чему за время «военного коммунизма», конечно, еще долго не могли считаться сколько нибудь хорошими хозяевами. Их хозяйничанье в первые годы нэпа нередко продолжало носить анекдотический характер и давало обильную пищу для издевательств их врагам и недоброжелателям. Легко ведь было провозгласить «хозяйственный расчет», но не легко его было усвоить и еще труднее проводить во всех хозяйственных отношениях. Осуществляя национализацию, управляя отдельными предприятиями и целыми хозяйственными областями, большевики должны были в то же время учиться хозяйству, — учиться ему во всей его сложности и во всем его объеме, начиная от примитивных простых операций (в роде того, как хранить картофель или упаковывать яйца) и кончая самыми сложными и дальновидными расчетами. И вдобавок ко всему — учиться во многих случаях самоучкой....

Между тем этим деятелям, которым нужно было еще учиться, приходилось вести хозяйство не в обычных, а совершенно новых формах. Не только у них не было своего опыта, но в самом главном не было и чужого, на который они могли бы опереться. Была, в сущности, только идея национализации, практически нигде еще не осуществленная, и даже теоретически совершенно неразработанная. Советским деятелям приходилось самим — на ходу — вырабатывать формы и методы ведения национализированного хозяйства.

При этом еще нужно было воспитывать в себе и других хозяйственную психологию и поддерживать вокруг хозяйственную атмосферу, которые соответствовали бы национализации, а для этого бороться с противоречащими ей «уклонами», совершенно естественными и, быть может, даже неизбежными на первых порах. К этим уклонам должны ведь предрасполагать традиционные представления о государственной и хозяйственной деятельности, с которыми все сжились при прежнем строе, сжились и сами большевики, и изжить которые удается, конечно, не сразу. В качестве иллюстрации напомним, с одной стороны, чрезмерное увлечение советских хозяйственников прибылями, «коммерческий уклон», с которым не раз уж советской власти приходилось вести борьбу;

напомню, с другой стороны, формализм и волокиту, «бюрократический уклон», борьба с которым требует от нее не меньших усилий.

Сейчас я не намерен говорить, что уже в сфере национализированного хозяйства советскими деятелями достигнуто, как в конце концов дело национализации ими поставлено. Об этом — дальше. А пока, мне кажется, можно только удивляться, как дело сразу же у них из рук не выпало, как до сих пор национализация не провалилась. И если состояние национализированных областей окажется, действительно, безнадежным и провал национализации — неизбежным, то причину этого, прежде всего, нужно искать не в том, что национализация не осуществлена, а в том, что для советских деятелей, которые взялись за это сложное и трудное дело, не будучи к нему достаточно подготовлены, оно оказалось не под силу.

Мне остается лишь прибавить, что взялись они за него и должны были вести при исключительно неблагоприятных условиях, — в стране, истощенной длительной войной и потрясенной тяжелой революцией. Уже к моменту захвата власти большевиками народное хозяйство было приведено в сильное расстройство, и население находилось в чрезвычайно тяжелом положении, испытывая острую нужду в самом необходимом. Большевицкий переворот сразу же резко ухудшил хозяйственное положение, а то, что последовало дальше, сделало его совершенно невыносимым.

Намерение большевиков немедленно приступить к осуществлению социализма потому и казалось особенно безумным, что затеяли это в отсталой и истощенной стране с расстроенным хозяйством. Но... «от хорошей жизни не полетишь», — как говорят. И большевики не от хорошей жизни сделали свой безумный прыжок. Остаться в том положении, до какого была доведена страна и которое продолжало быстро ухудшаться, было уже трудно, а при взбудораженном состоянии народных масс, быть может, и невозможно. Можно поэтому согласиться, что большевики вынуждены были сделать прыжок, очертя голову. В этом и заключается та доля истины, которую я признал выше в их утверждениях.

Но «военный коммунизм», сопровождаемый при том гражданской войной и блокадой, завершился катастрофой. Народное хозяйство было приведено в окончательное расстройство, а во многих своих частях и вовсе разрушено. Особенно сильно пострадали при этом те именно области, в которых теперь ведется национализированное хозяйство. Продукция крупной промышленности упала к 1920 году до 14% ее довоенных размеров; паровой транспорт еле функционировал, а в значительной своей части был и вовсе парализован; торговля, за исключением жалких и спекулятивных ее остатков, укрывавшихся в подполье, была почти уничтожена; от организованного кредита не осталось и следа.

И это была не заминка только в хозяйственной жизни, не приостановка ее, а именно уничтожение и разрушение. Почти все оборотные капиталы названных хозяйственных областей, имевшиеся в деньгах, товарах, материалах, топливе, были растрачены или расхищены. И даже основные их капиталы (здания, машины оборудование) в более или менее значительной их части были приведены в негодность. Дезорганизован был и другой фактор хозяйственной жизни — труд. Квалифицированные служащие и рабочие рассеялись — в одних областях (в торговле и кредите) без остатка, в других (в транспорте и промышленности) в значительной их части. В то же время в последних областях имелся несомненный и очень крупный избыток рабочих и особенно служащих, но мало квалифицированных. При заработной плате, опустившейся (считая все таки и натуральные выдачи) до 7 руб. в месяц и составляющей менее четверти до - военной, все голодали и почти не работали. Трудовая дисциплина была совершенно расшатана.

Таким образом задача национализации в данном случае состояла не в том только, чтобы реорганизовать хозяйство и идущую полным ходом хозяйственную жизнь перевести на другие рельсы — как мы это обычно себе представляли; задача была несравненно труднее: нужно было еще воссоздать хозяйственную жизнь, отлив ее вместе с тем в государственные формы. И воссоздать ее приходилось в одних областях буквально из ничего, в других — при остром недостатке необходимых для этого элементов. При этом и опоры, достаточно прочной и широкой, не было.

Надежды на хозяйственную помощь других стран, как известно, в сколько нибудь заметных размерах не оправдались и до сих пор. Приходилось довольствоваться теми ресурсами и точками опоры, коих можно было найти внутри страны.

Наиболее широкой базой могло явиться сельское хозяйство, лучше сохранившееся, благодаря своему натуральному характеру. По приблизительным подсчетам, посевная площадь в 1920 году, т. е. в последний год «военного коммунизма» составляла еще около 70% довоенной, а количество скота было даже выше 75%. Но разразившийся в 1921 году, т. е. как раз в год перехода к новой экономической политике неурожай необычайной силы и последовавший за ним ужасающий голод нанесли новый, чрезвычайно сильный удар сельскому хозяйству. В 1922 году посевная площадь сократилась до 58% своих довоенных размеров, а в количестве скота произошло еще более резкое сокращение. Таким образом, и эта, значительно урезанная по сравнению с довоенным временем база еще более сужилась.

При таких условиях должно было складываться хозяйство в национализированных областях. Можно только удивляться, как

его удалось возсоздать при этих условиях и как оно могло до сих пор удержаться. Выше я говорил о деятелях, которые были недостаточно подготовлены для этого дела. Но что деятели? Самые искусные и талантливые хозяева при указанных условиях, казалось бы, не в состоянии ничего были сделать. Однако государственное хозяйство сложилось и держится. Уже это одно, мне кажется, свидетельствует о чрезвычайной жизненности идеи национализации...

Но обратимся к ее результатам.

II.

Отмечу, прежде всего, относительные размеры национализированной части в русском народном хозяйстве. По последним расчетам Госплана, основанном на данных текущего, т. е. уже заканчивающегося хозяйственного года, из общей годовой продукции сельского хозяйства приходится:

на долю государств. хозяйства	9,9%
» » кооперативн.	» 0,8 »
» » частного	» 89,3 »

Итого.... 100,0

Роль государственного хозяйства в этой области сравнительно незначительна: на его долю приходится лишь около 10% продукции, при чем главную роль играют продукты лесного хозяйства, которое целиком находится в государственных руках. Заметную роль государственное хозяйство также играет и в рыболовстве, где на его долю приходится 23% продукции. Что касается земледелия (со скотоводством и т. д.), то в этой сфере на долю государственного хозяйства приходится лишь около 1,5%, а вместе с кооперацией 2,3% продукции, подавляющую же часть ее дают частные, т. е. крестьянские хозяйства.

Несравненно значительнее роль государственного хозяйства в промышленности. Из годовой продукции последней приходится:

на долю государственного хозяйства	77%
» » кооперативного	» — 4,9 »
» частного	» 18,1 »

Итого100,0 »

Особенно же большую роль государственное хозяйство играет в крупной промышленности, где на его долю приходится 91,5%, а вместе с кооперативным даже 95,8% всей продукции, — на долю же частного хозяйства приходится всего лишь 4,2%.

В мелкой промышленности, наоборот, подавляющую часть продукции, а именно около 90% дает частное хозяйство, т. е. кустари и ремесленники, но сама мелкая промышленность играет в пять раз меньшую роль в хозяйственной жизни России, чем крупная.

Если взять вместе продукцию сельского хозяйства и промышленности, то окажется, что из общей суммы производимых в стране ценностей, приходится:

на долю государственного хозяйства	35,4	%
на долю кооперативного хозяйства	2,3	%
на долю частного хозяйства	62,3	%
Итого	100,0	%

Таким образом государственное хозяйство дает свыше трети всей продукции (с кооперацией 34,4%). Не следует, конечно, упускать из виду, что в ценности валовой продукции промышленности, материальные издержки, т. е. сырье, топливо и материалы составляют большую часть, чем в продукции сельскохозяйственной. Поэтому, если взять не валовую, а чистую продукцию, то доля сельского хозяйства в ней, а стало быть и роль частных хозяйств (крестьянских) в создании новых ценностей была бы несколько больше. Однако и за всем тем нельзя не признать, что роль государственного хозяйства в производстве очень значительна.

Еще большую роль оно играет в других областях народного хозяйства. Так, из общего торгового оборота на долю частной торговли приходится лишь 24%; в остальной части торговля находится в руках государства (главным образом, оптовая) и кооперации (по преимуществу, розничная). Внешняя торговля, поскольку она происходит в легальных формах, можно сказать, целиком находится в руках государства. Допускаемые к участию в ней кооперативные организации и смешанные акционерные общества работают под непосредственным его руководством и контролем. Участие частных хозяйств во внешней торговле ограничивается, в сущности, контрабандой. Как бы ни была последняя значительна, она составляет, конечно, лишь небольшую часть внешнего товарообмена.

Железнодорожный транспорт целиком находится в руках государства. В речном транспорте частные лица принимают некоторое участие, но совершенно ничтожное (в 1925 г. около 1% перевезенных грузов). Местный транспорт (трамвайное сообщение, автобусное и т. д.) тоже принадлежит государству в лице его коммунальных органов. В частных руках остается, в сущности, лишь гужевой транспорт, главным образом, в сельских местностях.

Организованный кредит тоже, можно сказать, целиком входит в сферу государственного хозяйства. Частный капитал, допущенный к участию в кредитном деле в форме обществ взаимного кредита, играет незначительную роль.

Я уже не говорю о таких хозяйственных отраслях, как народная связь (почта, телеграф, телефон, радио), больничное дело, школьное дело и т. д., которые и в других странах, входят по преимуществу, в сферу государственного хозяйства и которые в советской России, конечно, целиком ведутся государством.

В целом государственное хозяйство, как ясно из сказанного, составляет теперь такую большую и существенную часть русского народного хозяйства, что трудно себе далее представить, чтобы движение их могло идти в противоположные стороны, т. е. чтобы государственное хозяйство хирело и опускалось, в то время как народное хозяйство в его целом оживает и поднимается. С указания на это я и начал свою статью. Но присмотримся лучше непосредственно к движению государственного хозяйства.

Воспользуемся для этого динамическими «показателями». Конъюнктурного Института, который давно уже ведет систематические наблюдения за движением народного хозяйства в различных его отраслях и из месяца в месяц публикует соответствующие данные, приводя их в сравнимый вид.

Начнем с государственной промышленности. Средняя месячная продукция ее (за исключением нескольких отраслей, имеющих сезонный характер и потому не поддающихся месячным сравнениям) изменялась так:

	По довоенн. ценам в миллион. руб.	Отношение к 1921-22 г.
в 1921/22 году.....	69,4	100
» 1922/23 »	100,6	145
» 1923/24 »	129,4	186
» 1924/25 »	113,3	307
» 1925/26 (первое полугод.)	291,0	419

Таким образом за 3½ года продукция государственной промышленности увеличилась более, чем в четыре раза.. Если бы мы за исходную точку для сравнения взяли 1920/21 год, т. е. последний год «военного коммунизма», то увеличение оказалось бы значительно больше. В 1920 г. продукция крупной промышленности, как было уже указано, равнялась всего лишь 14% ее до - военных размеров. В 1924/25 году она поднялась уже до 73 %. В текущем 1925/26 хозяйственном году, как уже определилось, продукция крупной промышленности увеличится еще, приблизительно, на 40% и таким образом составит уже около 100% до-

военной (возможно, что несколько даже превзойдет ее). Конечно, имеются отрасли, где до - военные размеры еще не достигнуты, но за то имеются и такие, где они превзойдены. Таким образом за 5 лет, протекших со времени перехода к новой экономической политике крупная промышленность в общем, можно сказать, восстановлена и достигнуто это всецело при помощи государственного хозяйства.

Не мало достигнуто и в транспорте. В 1913 году по железным дорогам отправлялось в среднем ежемесячно 10,79 милл. тонн грузов. В 1920/21 г., т. е. в конце периода «военного коммунизма» средняя ежемесячная отправка равнялась всего лишь 2,90 милл. тонн, т. е. составляла 27% до - военной. Затем она изменялась так:

	Милл. тонн.	Отно- шение.
в 1920/21 году.....	2.90	100
» 1921/22 »	3.17	109
» 1922/23 »	4.82	166
» 1923/24 »	5.53	191
» 1924/25 »	6.84	236
» 1925/26 (первое полугодие).....	9.33	322

За пять лет количество грузов, отправляемых по железным дорогам увеличилось более, чем в три раза. Оно еще меньше довоенного, но уже близко подходит к нему и, вероятно, уже ближайшей осенью достигнет и даже превзойдет его. Не лишне прибавить, что по пробегу грузов (теперь средний пробег больше) работа железных дорог уже превзошла до - военную. Превзойдено и пассажирское движение.

Медленнее восстанавливается работа речного транспорта, потерпевшего в годы «военного коммунизма» еще более жестокий разгром, чем железнодорожный. Кон'юнктурный Институт, в виду сезонного характера этого хозяйственного фактора, не дает данных о нем в ряду своих «показателей». По данным Госплана, по внутренним водным путям было перевезено:

	Милл. тонн.	В % % к 1913 г.
в 1913 году.....	47,6	100
» 1924 »	19,3	40,6
» 1925 »	22,9	48,1
» 1926 » (ожидается).....	27,9	58,5

За последние три года темп восстановления довольно равномерен: количество перевозимых грузов ежегодно увеличивалось,

приблизительно, на 20%. Темп — довольно быстрый, но понадобится, конечно, еще несколько лет, прежде чем грузовая работа речного транспорта достигнет своих до - военных размеров. Что касается пассажирского движения по внутренним водным путям, то оно уже в 1924 году превысило свои до - военные размеры на 6%.

Перехожу к торговле, которая при «военном коммунизме» была почти совсем уничтожена. Обороты подпольной торговли, какая велась в то время, совершенно не поддаются учету, но они не могли быть особенно значительны. С переходом к новой экономической политике торговля стала оживать. Торговые обороты в 1924/25 году достигли уже 21.365 милл. руб. За один только этот год они увеличились, по сравнению с предыдущими, на 48%. В частности, на долю государственной торговли из общего оборота пришлось в 1924/25 году 10.780 милл. руб., т. е. 50%, при чем в этом году ее обороты увеличились, по сравнению с предыдущим, на 66 8/1. Торговые обороты кооперации равнялись в 1924/25 году 5.270 милл. руб., т. е. 24,7% общего оборота, увеличившись по сравнению с предыдущим годом еще больше — 85 %. На долю частной торговли в 1924/25 г. пришлось лишь 24,9% общего торгового оборота, при чем по сравнению с предыдущим годом ее обороты увеличились всего лишь на 4%.

Мы не знаем, какое отношение теперешние торговые обороты имеют к до - довоенным, так как исчислить последние очень трудно. Но некоторое представление об этом можно составить по товарной массе, т. е. по общему количеству товаров, которые поступали тогда и поступают теперь на рынок и которые торговля должна распределять. По исчислению Госплана, вся внутренняя товарная масса (с импортом) равнялась:

	Милл. руб. по до-военн. ценам.	В %% к 1913 г.
в 1913 году	12.516	100
„ 1924/25 „	2.646	61
„ 1925/26 „	10.835	87

Таким образом теперешняя полезная работа торговли лишь на 13% меньше до - военной, при чем больше половины ее, как сказано, выполняет государственное хозяйство и в одной четверти — кооперативное.

Из «показателей» Кон'юнктурного Института приведу лишь два, относящихся к розничной торговле, в которой с самого начала и до сих пор частное хозяйство наиболее сильно конкурирует с государственным и кооперативным. Этими «показателями» являются данные о средней месячной сумме продаж Всес.

Текстильного Синдиката и Московского Союза Потребительных Обществ по расчету на один их розничный магазин. Эта сумма изменялась так:

	В тысяч. рубл.		В % к 1922/23 г.	
	ВТС.	МСПО.	ВТС.	МСПО
1922/23 год.....	89,7	12,4	100	100
1923/24 „.....	141,9	27,5	158	222
1924/25 „.....	188,5	33,4	210	269
1925/26 (1-е полугодие) ..	175,2	68,8	195	555

Судя по этим «показателям», рост государственной и кооперативной торговли происходил не только за счет расширения их сети, но и за счет расширения деятельности их отдельных торговых заведений. Для суждения о жизнеспособности государственного и кооперативного хозяйства в сфере торговли это является, конечно, достаточно показательным.

Остановлюсь еще на кредитном деле, которое после «военного коммунизма» приходилось создавать тоже заново, — буквально из ничего. Из этого нуля успела уже вырасти целая система кредитных учреждений, которая к началу нынешнего года располагала балансом в 5.275 милл. руб. Собственные капиталы советских кредитных учреждений достигают теперь 600 милл. руб., текущие счета и вклады достигают 1.250 милл. руб., учетно-ссудные их операции 3.400 милл. руб.

По сводному балансу на 1 января 1913 г. всеми тогдашними учреждениями коммерческого кредита (гос. банком, акционерными банками, городскими банками и обществом взаимного кредита) было выдано ссуд под векселя и в других формах 4.854 милл. руб. По расчету на душу населения тогдашней России это составляло 29 руб. Учетно-ссудные операции теперешних банков по расчету на душу населения составляют 24 руб. На первый взгляд разница в размерах кредита, каким пользовалось до войны и пользуется теперь народное хозяйство, не особенно велика. Но в действительности она гораздо больше, так как покупательная сила теперешнего рубля в 2 слишком раза меньше, чем довоенного. Легко понять, какие затруднения должно испытывать народное хозяйство, достигшее почти до-военных размеров и располагающее кредитом в 2 1/2 раза меньшим, чем до войны. Этим, конечно, объясняется, что советская власть вынуждена распределять банковские кредиты между промышленными и торговыми организациями почти так же, как дотации из государственного казначейства.

Но и за всем тем результаты государственного хозяйства в сфере кредита нельзя не признать очень значительными, особенно если принять во внимание крайнюю бедность страны капита-

лами и почти полное их отсутствие, когда государственная власть приступила к организации кредита.

Чтобы дать представление о темпе, с каким развивалось государственное хозяйство в этой среде, приведу некоторые из «показателей» Конъюнктурного Института, относящихся к Госуд. Банку.

В миллионнах рублей:	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Баланс Гос. Банка	304,1	1245,4	3.185,1
Текущие счета, вклады и депозиты...	73,6	285,2	487,4
Учет и ссуды	99,5	385,8	797,2
В процентах к 1922/23 году:			
Баланс Гос. Банка	100	420	1.047
Текущие счета, вклады и депозиты...	100	387	662
Учет и ссуды.....	100	388	801

Таким образом, за два только года, баланс Государственного Банка увеличился в 10 раз, текущие счета и вклады в нем, почти в 7 раз, учетно - ссудные операции, в 8 раз. Выше я указал, что учетно - ссудные операции всех кредитных учреждений составляют в настоящее время около 24 руб. на душу населения, а два года тому назад (на 1 октября 1924 г.) они составляли всего лишь 6 руб. Вообще кредитное дело — это одна из наиболее остальных отраслей русского народного хозяйства. В этом сказывается одна из закономерностей восстановительного процесса, уже подмеченная советскими экономистами: чем сильнее была дезорганизована какая либо отрасль народного хозяйства, тем позднее она начинала восстанавливаться и вместе с тем быстрее потом шел в ней процесс восстановления. Кредитное дело и принадлежит к числу таких отраслей.

Боюсь, что я утомял читателей цифрами. Но у тех из них, которые имели терпение просмотреть эти цифры, должно, как мне кажется, составить достаточно отчетливое представление о том быстром темпе, с каким восстанавливалось русское народное хозяйство в национализированных его областях. Можно сказать, что восстановление шло почти таким же темпом, как в свое время разрушение. В самом деле: за пять лет новой экономической политики, — а если принять во внимание, что первый год ее и даже почти два года ушли на то, чтобы осмотреться в хаосе разрушения и расчистить почву от обломков, то за три-четыре года — если не весь, то в большей своей части, ущерб, нанесенный русскому народному хозяйству войной, революцией и «военным коммунизмом», уже восполнен: одни области хозяйства уже доведены до своего до-военного уровня, другие — быстро приближаются к нему.

Сначала, особенно в эмиграции, как я уже говорил, долго не хотели верить, что возстановительный процесс в России идет в тем более, что он идет достаточно быстрым темпом. Не хотели верить даже цифрам, заподозревая советскую статистику в том, что она искажает, а то и просто сочиняет их. Слов нет, советская статистика имела много дефектов и ошибок в ее цифрах было и до сих пор имеется, конечно, не мало. Но заподозрять советскую статистику в сознательном сочинительстве и искажениях — тем более систематических — конечно, нельзя. Прежде всего, для этого нет достаточных моральных оснований. Почти все статистики, имевшиеся в России до революции, остаются в ней и продолжают работать по своей специальности. Это — главным образом, бывшие земские статистики, получившие в советской государственной статистике руководящую роль. А земские статистики, как известно, издавна отличались независимостью и их никогда нельзя было упрекнуть в угодливости по отношению к начальству. Какие же основания заподозрять их теперь? Но допустим даже, что советская власть развратила их... Может ли, однако, и станет ли она требовать от них искаженных и сочиненных цифр? Ведь эти цифры нужны ей не только для «втирания очков» иностранцам и эмигрантам, как полагали последние, но и для собственных ее надобностей, для руководства громадным и сложным народным хозяйством. Цифры, сочиненные в интересах внешнего употребления, могут совершенно сбить ее самое с толку при внутреннем их употреблении; цифры, сочиненные в интересах данного момента, могут оказаться совершенно неудобными через два-три года; да и в данный момент, цифры, сочиненные в интересах фиска, могут оказаться совершенно неприемлемыми, невыносимыми для кредита... Наконец, понимающие в статистике люди хорошо знают, что сочинять цифры, относящиеся к народному хозяйству, совсем не легко и даже невозможно. Пожалуй, еще можно скрывать некоторые из них, но и то не долго: «шила в мешке не утаишь». Дело в том, что цифры, относящиеся к разным сторонам народного хозяйства, связаны друг с другом и контролируют друг друга. Сочинить же их все, сочинить достаточно складно, чтобы они не противоречили друг другу — не сможет никакой гений... Так или иначе, но советской статистике — не в частности, конечно, а в общем и главном — пришлось, в конце концов, поверить. Ее перестали уже, на сколько я могу судить, огульно опорочивать, а эмигрантские экономисты все больше и все усерднее сами пользуются ею. И давно удостоверяемый ею факт возстановления русского народного хозяйства, при том довольно быстрого возстановления, как я уже говорил, теперь почти не оспаривается.

Но к этому факту, с одной стороны, имеет касательство, ненавистная советская власть, а с другой стороны в нем замешана не менее ненавистная для многих национализация. Отсюда склон-

ность умалять значение этого факта и, прежде всего, уменьшать роль советской власти с ее «социалистическими элементами» в деле восстановления русского народного хозяйства.

Так, указывают на то, что растет не только государственное или, как его предпочитают называть, «казенное» хозяйство, но и всячески угнетаемое советскою властью частное. Последнее — как утверждают некоторые — растет даже быстрее казенного и уже постепенно вытесняет его. Отсюда — и ожидания, что частное хозяйство, разрастаясь и усиливаясь, само собой, опрокинет государственное и вместе с ним советскую власть.

Не отрицая того, что частное хозяйство при более благоприятных для него условиях могло бы и, быть может, еще должно было бы занять более видное место в русской народно - хозяйственной системе; допуская также, что при известных условиях и в сочетании с другими, главным образом, политическими факторами, оно может опрокинуть или постепенно вытеснить государственное хозяйство, — должен все-таки сказать, что утверждение, будто оно растет быстрее последнего и уже вытесняет его, совершенно не соответствует действительности. Во всяком случае, до сих пор этого не было и не могло быть.

Прежде всего, потому, что восстановление промышленности все время (за исключением одного 1922 -- 23 г.) шло более быстрым темпом, чем восстановление и развитие сельского хозяйства. Так, валовая продукция той и другой области народного хозяйства изменялась следующим образом *)

	В миллиард. руб. по довоенн. ценам		В % к 1921/22г.	
	Сельское хозяйство.	Промышленность.	Сельское хозяйство.	Промышленность.
1921/22 год.....	6,26	1,97	100	100
1922/23 „	8,58	2,57	137	130
1923/24 „	8,90	3,34	142	170
1924/25 „	9,15	5,00	146	254
1925/26 „	11,31	6,92	180	351

Таким образом, в то время, как сельское хозяйство увеличило свою продукцию менее, чем в два раза, промышленность увеличила ее в 3½ раза. В 1921-22 г. из общей продукции (8,23 миллиарда) на долю сельского хозяйства приходилось 76% и на долю

*) За 1921/22—1923/24 гг. данные взяты из кн. Б. А. Гухмана «Продукция и потребление СССР» (Изд. Госплана, 1925), а за 1924/25 и 1925/26 годы из «Контрольных цифр» Госплана на 1925-1926 и 1926-1927 годы.

промышленности 24%. В 1925-26 г. доля сельского хозяйства уменьшилась до 62%, а доля промышленности возросла до 38%. Так как частное хозяйство господствует в сельско-хозяйственной сфере, в промышленной же решительное преобладание имеет государственное хозяйство, то ясно, что вместе с уменьшением относительного значения сельского хозяйства, должна была уменьшиться, а не возрасти и роль частного хозяйства. Роль же государственного хозяйства выросла вместе с увеличением относительного значения промышленности.

Внутри самой промышленности относительное значение государственного хозяйства также за последние годы увеличивалось, а частного — уменьшалось. Это ясно из того, что в общей сумме промышленной продукции доля мелкой промышленности, в которой преобладает частное хозяйство, начиная с 1923-24 г., сокращалась; доля крупной, в которой господствует государственное хозяйство, росла. Относящиеся сюда цифры таковы:

Валовая продукция в миллиард. рублей (по довоенным ценам)	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
	г.	г.	г.	г.	г.
Мелкой промышленности.	0,48	0,62	0,82	1,05	1,12
Крупной »	1,49	1,95	2,52	3,95	5,80
Итого.....	1,97	2,57	3,34	5,00	6,92
В процентах					
Мелкой промышленности.	24,4	24,1	24,6	20,1	16,2
Крупной »	75,6	75,9	75,4	79,9	83,8

Внутри самой крупной промышленности положение частного хозяйства, которое занимает здесь очень небольшое место, по меньшей мере, стабильно. Во всяком случае, оно не обнаруживает определенной тенденции к расширению. Так, по данным ЦСУ и Госплана, на его долю из общей продукции крупной промышленности пришлось: в 1923-24 г. — 4,3%, в 1924-25 г. — 3,9%, в 1925-26 г., насколько можно судить по истекшему полугодью, — 4,1%.

Но главной твердыней частного капитала обычно считается торговля, откуда, как предполагают некоторые, он и ведет наступление на государственное хозяйство, постепенно вытесняя его. Однако, и в этой области, в действительности, наблюдается не наступление, а, скорее, отступление частного хозяйства. Во всяком случае, его относительное значение падает. Выше я уже привел данные о том, что обороты частной торговли в 1924-25 году выросли, по сравнению с предыдущим годом, гораздо меньше, чем обороты государственной торговли и кооперативной. В результате, доля частной торговли в общем обороте страны уменьшилась за

один только год с 35,3 до 24,9%. Это уменьшение продолжается и в текущем году, хотя замедленным темпом. Отмечу, что в 1924-25 году доля частной торговли резко сократилась не только в оптовых оборотах (с 21,4 до 11,9%), но и в розничных (с 57,7 до 44,3%). Таким образом, даже в рознице, которая еще недавно чуть не целиком находилась в руках «частников», частная торговля теряет свои позиции. В ее руках находится уже менее половины всех розничных оборотов.

Можно, конечно, сказать, что это происходит, благодаря мерам, принимаемым советской властью против частной торговли. Можно допускать, что, если бы последняя была поставлена в равные условия с государственной торговлей и кооперативной, то благодаря своей изворотливости и лучшему умению приспособляться к рыночной стихии, быстро вытеснила бы их. Но из этого не следует, как думают многие, что при частном хозяйстве процесс восстановления, как в этой, так и в других областях протекал бы быстрее и во всех отношениях успешнее, чем при государственном хозяйстве.

Трудно, конечно, спорить о том, что было бы, кабы... «кабы во рту росли бобы, то — известно — был бы не рот, а огород». Кабы советская власть не затеяла национализации, а предоставила бы восстановление народного хозяйства частному почину и частным усилиям, то, несомненно, картина была бы совершенно иная, — был бы не рот, а огород. Неизвестно, однако, какой при этом огород получился бы. В дальнейшем мне придется еще указать на некоторые овощи — не только малосъедобные, но и ядовитые, — какие частный капитал успел развести даже на тех маленьких кусочках народно-хозяйственной площади, какие ему предоставлены советской властью. Что он натворил бы на полном просторе? — мы можем догадываться. Но этот вопрос я пока оставляю.

Сейчас мне хотелось бы отметить другое. По опыту западноевропейских стран мы знаем, что восстановительные процессы при частном хозяйстве идут отнюдь не гладко и далеко не быстро. Хозяйство Европы, после мировой войны, хотя последняя окончилась уже 8 лет тому назад, до сих пор далеко не вполне восстановлено. Мы знаем, с каким трудом оно восстанавливалось в некоторых странах — хотя бы в той же Германии, — не смотря на то, что частное хозяйство пользовалось в них достаточным, если не полным, простором. Между тем, хозяйственные разрушения, которые были нанесены войной даже в наиболее пострадавших от нее странах, нельзя и сравнивать с теми, какие потерпело русское народное хозяйство от войны, революции и «военного коммунизма». Первые — европейские — кажутся ведь сущими пустяками, по сравнению с последними, — с русскими.

Стоит только представить себе состояние русского народного хозяйства пять лет тому назад, — и сразу же придется усумниться, чтобы оно могло быть восстановлено, — и тем более скольконибудь быстро — частными усилиями. Наивные, а еще больше того, заинтересованные люди склонны были представлять и изображать тогдашнее положение так, что достаточно было вернуть предприятия их прежним владельцам, — и народно-хозяйственное колесо сразу же завертелось бы и пошло бы ровным, даже все ускоряющимся ходом. Но ведь эти предприятия не приостановлены только были, а в значительной мере разрушены и дезорганизованы. Я уже говорил: оборотные капиталы были растрочены; основные — повреждены, если не вовсе уничтожены; служащие и рабочие истощены и деморализованы, если не рассеяны; трудовая дисциплина совершенно распатана. Как же прежние владельцы подступились бы к этим предприятиям? С чем они взяли бы за дело? Практических знаний и опыта, которыми они так гордились и гордятся перед большевиками, для этого, ясно, было недостаточно. Нужны были еще средства, громадные средства. А их уже не было...

— Достали бы! Нам поверили бы... Если не в России, то за границей достали бы...

Мне вспоминается манифест «императора всероссийского» Кирилла, с которым он обратился, вступая на прародительский престол, ко всем своим верным подданным. Он тоже был уверен, что достанет. Он уже «обращался за помощью» и выяснил, что для этого нужно. «Заодно с Армией, пусть всколыхнется громада народная и призовет своего Законного Народного Царя... И тогда Россия получит широкую помощь»....

Так же вот самообольщались, — а может быть, и по сей день самообольщаются, — бывшие собственники русских хозяйственных предприятий: пусть только призовут их, — и они достанут... Но мы то, ведь, знаем с каким трудом достаются теперь иностранные кредиты, — знаем, с каким трудом они дались той же Германии, располагающей чрезвычайно мощным хозяйством. Кто же дал бы их России — отсталой, истощенной, с разрушенным хозяйством? Да и не нашлось бы таких свободных средств во всем мировом хозяйстве, какие нужны были для скорого восстановления русского народного хозяйства. Во всяком случае, слишком много имелось и по сей день имеется претендентов на свободные капиталы, имевшиеся и имеющиеся на мировом денежном рынке, — претендентов несравненно лучше знакомых займодавцам и несомненно более в их глазах кредитоспособных, чем далекая, только что пережившая революцию и далеко еще не успокоившаяся Россия.

Так или иначе, но средства, необходимые для восстановления хозяйства, пришлось собирать в самой России, — в общинах

лой, остро-голодавшей. Сколько же лет хищнического хозяйства и самой беззащитной, «кулаческой» эксплуатации понадобилось бы частным лицам для этого «первоначального накопления», — хотя бы для того только, чтобы возстановить оборотные капиталы, нужные для ведения народного хозяйства в прежнем его объеме?

При указанных условиях, не только лучшим, но, может быть, и единственным выходом являлось именно государственное хозяйство. Государственная власть, конечно, скорее могла собрать нужные для возстановления хозяйственной жизни средства, чем частные лица.

И ею собраны и скоплены уже громадные оборотные капиталы. Обычно на эту сторону советского хозяйства не обращают внимания, предпочитая говорить о растрате им основных капиталов страны. Но к вопросу об основных капиталах я еще вернусь. Сейчас же остановлюсь только на оборотных, проблема которых являлась первоочередной и остро-неотложной.

Когда промышленность после «военного коммунизма» переводилась на хозяйственный расчет, то в качестве оборотных капиталов трестам были предоставлены имевшиеся при фабриках и заводах остатки сырья, топлива и готовых изделий. Каждый знает, как немного оставалось их после «военного коммунизма». К этому было прибавлено некоторое количество быстро обесценивавшихся совзнаков. Государственные предприятия сразу же оказались в чрезвычайно затруднительном положении. Чтобы как нибудь обрачиваться — оплачивать служащих и рабочих, покупать топливо и необходимые материалы, — они вынуждены были «разбазаривать» даже то жалкое имущество, которое им досталось.

Первое исчисление оборотных капиталов госпромышленности было произведено на 1 октября 1922 г. Они определились в сумме 579 мил. руб., при чем в значительной части состояли из «неликвидного» имущества, т. е. из имущества, которым никто не соблазнился во время «военного коммунизма» и которое трудно, если не невозможно, было мобилизовать в условиях новой экономической политики. Прошло три года. По сводному балансу 62 трестов общесоюзного значения на 1 октября 1925 года, оборотные капиталы их равнялись 998 мил. руб., кроме того имелись, тоже находившиеся, по большей части, в обороте: амортизационные 377 мил. руб., резервные 50 мил. руб., фонды улучшения быта рабочих 33 мил. руб. и специальные капиталы 33 мил. руб. Кроме 62 общесоюзных трестов имеется еще 229 республиканских и местных трестов и других производственных объединений. Данных об их оборотных капиталах сейчас нет в моем распоряжении. Можно, однако, думать, что общая сумма оборотных капиталов госпромышленности, которую можно было бы сопоставить с приведенной выше цифрой 1922 г. (579 м. р.) составляла в конце прошлого года около 1.500 мил. руб. По плану на текущий хозяйственный

год, — по плану, в значительной его части уже осуществленному, — оборотные капиталы госуд. промышленности должны увеличиться еще на 437 мил. руб.

Очень значительные капиталы вложены и в торговлю. По сводному балансу только 12 синдикатов на 1 октября 1925 г., их капиталы равняются 306 мил. руб. Оборотные же капиталы всех государственных торговых организаций (не считая кооперативных), по исчислениям Госплана, составляли в истекшем году 1242 мил. руб.

Выше я уже упоминал, что собственные капиталы советских кредитных учреждений достигают в настоящее время 600 мил. руб. При переходе к новой экономической политике этих капиталов вовсе не было.

Достаточно, мне кажется, этих отрывочных данных, чтобы читатели могли составить себе представление о громадных оборотных капиталах, которые за несколько лет собраны госуд. властью и накоплены государственным хозяйством. Конечно, этих капиталов не хватает, — недостаток в оборотных средствах все время остро чувствовался и сейчас чувствуется. Но и за всем тем нельзя не признать, что в этой области выполнена громадная работа. Едва ли частное хозяйство с ней справилось бы в таких размерах.

Но, коснувшись капиталов, я, в сущности, подошел уже к другой стороне интересующего нас вопроса. Количественные успехи государственного хозяйства настолько очевидны, что оснаривать их становится все труднее и труднее. Поэтому внимание противников национализации все больше и больше сосредоточивается на его качественной стороне. К этому я и перейду.

А. Пешехонов.

Рабочие в Советской России.

— «Что за оказия? Вот — говорят диктатура пролетариата, вся власть рабочим, а получается по иному. К примеру сказать: рабочие постановили дать гвоздильщикам месячный отпуск, завод поддержал, инспекция труда подтвердила, а директор говорит: «пиш тебе с маслом, а не месячный отпуск!» И никто ему ничего сделать не может... Какая же тут диктатура пролетариата и где власть рабочих?»

Такие разговоры ведутся по словам газеты «Труд» среди фабрично - заводских рабочих*). В прежнее время, в период классического русского коммунизма, таких разговоров не было. Было холодно и голодно, но пред пролетариатом ярким светом горела на горизонте путеводная звезда социализма. Обнищавшему рабочему приходилось переживать великия испытания, но на его глазах разгоралась ослепительная заря новой жизни, и великая историческая цель оправдывала все тяготы и все жертвы. А потом потускнели старые призывы, выветрились былые обещания. Прежние формулы приобрели новый противоположный смысл, и жизнь сделалась необычайно сложной и запутанной: «немедленный» социализм превратился в государственный капитализм, отрицание собственности выродилось в утверждение нового вида собственников, борьба с милитаризмом привела к созданию армии, строительство социалистического хозяйства все более и более делает хозяином положения «частника», нередко частника колушаевского и розуваевского типа, а промышленный пролетариат превратился в еще более беззащитный и разоренный класс, чем это было до революции. «Где же власть рабочих? Какая же тут диктатура пролетариата?», спрашивают рабочие в настоящее время и несомненно дадут на эти вопросы те или иные ответы. Каков характер этих ответов, легко догадаться, если принять во внимание основные черты экономически - правового состояния русского рабочего класса при так называемой «рабоче-

*) «Трудъ» 29 июня.

крестьянской власти». Нижеследующая статья и имеет своей задачей выяснить наиболее существенные стороны экономической, политической и социальной жизни рабочего класса в настоящее время, в период подведения окончательных итогов революции, учащающихся кризисов диктаторствующей партии, несомненных признаков роста политического самосознания в рабочей среде.

1. Профессиональные союзы.

По словам небезызвестного советского деятеля Мельничанского, русские профсоюзы объединяли к 1 января 1926 в СССР 8,303,000 членов, в то время, как в Соединенных Штатах — в стране с наиболее развитой капиталистической промышленностью, число членов союзов, входящих в американскую федерацию труда, равняется приблизительно 4.000.000 человек. Колоссальное, и на первый взгляд совершенно непонятное, количество членов советских профсоюзов, легко объяснимо, если мы примем во внимание, что в условиях жизни советской республики каждый гражданин стремится сделаться членом профсоюза. В СССР нет, как известно, неотчуждаемых прав *личности*, а в свои ограниченные права каждый человек может получить постольку, поскольку он входит в один из утвержденных властью коллективов. Без принадлежности трудящегося к какому либо профессиональному союзу нельзя получить работу, иметь право на квартиру, участвовать в советах и выборах, иметь костюм из государственного магазина, нельзя учиться или учить своих детей, нельзя купить билет на железной дороге, нельзя купить для своей комнаты электрическую лампочку и т. д., и т. д. Участие в профессиональных союзах — это первая ступень в область советского права и необходимое условие для осознания себя не только «элементом», а «советским гражданином». Нет ничего, поэтому, удивительного, что в составе профессиональных союзов, находится огромное количество лиц, ничего общего не имеющих с рабочим движением и по своему социальному положению не принадлежащих к рабочему классу. Но основная черта советского профессионального движения несомненно кладет довольно мрачный отпечаток, как на экономическое, так и на правовое положение рабочих. Личность рабочего поглощается рабочим коллективом, тем или иным профессиональным союзом. Профсоюз принимает в свой состав рабочего, но он и увольняет его по самым разнообразным причинам: за непосещение собраний, за появление на работу в пьяном виде, за участие в драке, за хулиганство, «нетоварищеское, некорректное поведение», «празднование религиозных праздников», «необлюдение чистоты возле помещения» и т. д., и т. д. А так как

исключение из союза обычно сопровождается снятием с работы, то становится вполне понятной характеристика Мельничанского увольнения из союза как «гражданской и политической смерти для рабочего».

Как известно в СССР профсоюзы получают свое строение на основе продиктованной советской властью схемы, принимают, в определенных рамках, участие в государственной власти и по своим задачам являются «мощным аппаратом для проведения коммунистического влияния и коммунистической политики на всю массу беспартийных рабочих, а чрез последнюю на многие миллионы крестьян» (Из тезисов Томского к XIV съезду о работе проф. союзов.). Для превращения профсоюзов в орудие послушное коммунистической партии советская власть с 1918 по 1921 год вела упорную борьбу с профессиональным рабочим движением. Наиболее стойких и активных деятелей она ссылала в глухие углы или прятала по тюрьмам, демократический строй профсоюзной организации заменялся строем коммунистическим, была самодельность профсоюзов была поставлена под строгий контроль коммунистической партии. Руководящий орган профессионального движения, ВЦСПС сделался целиком коммунистическим: из коммунистов стал составляться и ЦК производственных объединений; в коммунистические организации превратились местные комитеты проф. союзов. «РКП в лице центральных и местных организаций — говорится в резолюции съезда коммунистической партии — безусловно направляет всю идейную сторону проф. союзов. Коммунистические фракции профсоюзов целиком подчиняются партийным организациям... Подбор руководящего персонала должен протекать при направляющем контроле партии». Господство партии в проф. союзах нередко затушевывается внешним участием проф. союзов в обсуждении важнейших законодательных актов в области трудового и отчасти хозяйственного права и предоставленным проф. союзам права обращать внимание законодательных учреждений на необходимость тех или иных изменений в действующем законодательстве. Но при существующем в Советской России взаимоотношении между проф. союзами и правящей партией такой перенос правотворческой функции на проф. организации является чистой фикцией: и обсуждает и обращает внимание, и вносит изменения в действующее законодательство руководящая часть проф. союзов, т. е., те же представители коммунистической партии, считающей для себя в данном случае удобным придать советским проф. союзам публично-правовой характер.

Правовая природа профессиональных союзов СССР проявляет свои характерные черты не только на верхах проф. организаций, но и в местных органах профсоюзов — фабрично-заводских комитетах (фабкомах), заводских комитетах (завкомах),

местных комитетах и т. п. Эти органы по своей внешней форме являются выборными, но под давлением правящей партии, они превращаются в простой придаток к правящему аппарату и не имеют связи с рабочими массами. «Завком и ячейка — пишет «Труд» (№ 166) работают сами по себе, а массы живут своими интересами, сами обсуждают свои вопросы, обсуждают с такой откровенностью, которую редко услышишь на собраниях. А вопросы очень большие, срочные, разрешение которых не терпит никакого отлагательства».

— «Ну, и какой интерес делегату защищать рабочих перед хозяйственниками, когда он сам скоро будет хозяйственником?» — спрашивает на страницах «Труда» рабочий — «вон, глядите: Щ. был уполномоченным болтового цеха, стал мастером, Р. был уполномоченным сталелитейного цеха, стал работать в тресте; М. был председателем завкома, будет помощником директора завода. Ребята, правда, все хорошие, против них ничего не скажешь, но как попал в профработу, так и знай, что попадет в хозяйственники. *Не защитники уже они рабочих*» (№ 146).

Тесная связь и зависимость органов проф. союзов от правящей партии приводит к тому, что «рабочие — по словам Мельничанского — перестают отличать, где кончается заводоуправление и где начинается завком». И на самом деле: «фабзавкомы берут на себя ответственность перед рабочей массой, выступают подчас не только в роли их защитников, но и прямо покрывают их деятельность своим авторитетом. Даже больше того. По словам «Правды» (16-1X-25) «профработники являются буфером между массой и официальными представителями государственного капитализма — такими же членами партии, выдвинутыми профсоюзами на хозяйработку». В случаях конфликтов между рабочими и хозяйственниками, в угоду правящей партии, профсоюзы стремятся распылить растущее недовольство рабочих, задавить классовое движение пролетариата и содействовать дальнейшему нажиму хозяйственников на рабочих. Коммунистические руководители профдвижения, по отношению к рабочему выполняют ту же роль, которую при царизме выполняла зубатовщина; но их деятельность и приводит к зубатовским результатам: часть рабочих окончательно дезорганизуется, развращается под влиянием господствующих в профсоюзах назначенства, шпионажа, увольнения и исключения за каждую попытку сметь иметь свое суждение, а основные массы рабочего класса теряют доверие к своим организациям и начинают искать новых путей для защиты своих интересов. Происходившие в июне текущего года перевыборы завкомов с достаточной определенностью выяснили отношение рабочей массы к своим профсоюзам. «Если присмотреться к перевыборам — пишет «Труду» (№ 131) Владимирский корреспондент, — то прежде всего бросается в глаза слабое участие в них рабочих. Слабей,

чем когда бы то ни было раньше. По ряду предприятий, рабочие совершенно не идут на собрания. На стекольном заводе имени Буденного, рабочие на собрание не явились: сидят около каморок, курят, ведут между собою разговоры. Вдруг на заводе ударили в набат. — «Заманивают! Нарочно зазвонили» — решили стекольщики. Но горело на заводе, и тогда только рабочие бросились к заводу. На «Первомайской фабрике» из 630 рабочих на предвыборное собрание явилось только 37 человек. На крупной фабрике «Оргтруд», с 1.600 рабочими перевыборное собрание созывалось посменно. В одной смене пришло 36 чел., в другой 38. Из 1.700 рабочих фабрики им. «Розы Люксембург» явилось только 760 человек. *Фабком поставил к дверям стражу, но без охраны остались окна, и к голосованию осталось 180 человек, остальные убежали*. Красочную картину перевыборов завкома и отношения рабочих к своему органу дает на страницах того же «Труда» (№ 137) корреспонденция из Грозного, с котельного завода «Красный Пролетарий». «Председатель и секретарь завкома — пишет корреспондент — бегают по заводу, по сараям, созывают членов союза на собрание, а члены союза бегают от них, прячась за готовые мерники, резервуары, удирая в ворота и чрез забор. После такой «охоты» открывается собрание при 180 членах союза вместо 400. Доклад завкома короток и сух: ни слова об охране труда, о быте рабочих, о режиме экономии, словом ничего не было сказано о том, что могло бы расшевелить 180 человек... Рабочие задали десяток вопросов и тем ограничились.

— «Товарищи, да чего же вы молчите? Надо же обсудить нашу работу,» — говорит председатель завкома.

Молчание. А в углу ворчат: «Нечего трепаться, домой надо — 5 часов, жрать хочется».

«Так и порешили: работу одобрить и, между, прочим, вклеить несколько слов в резолюцию о трудовой дисциплине и о режиме экономии. Выборы скомкали: торопились. Голосовали лениво, «за своих», из своего цеха».

Подчеркиваемый советскими газетами рост рабочей активности естественно сопровождается поисками форм сплочения распяленных масс в боевой коллектив. Навязанные властью рабочему классу профессиональные союзы не только не идут навстречу стремлениям трудовых масс защитить свои непосредственные, экономические и правовые интересы, но по признанию большевистских деятелей, органы профессионального движения покрывают своим авторитетом тех, кто покупает рабочую силу, и производит всевозможные «нажимы» на рабочий класс. Такое положение вызывает естественную тревогу у представителей власти уже просто потому, что рабочее движение начинает жить помимо своих организаций и нередко проявляет неподчинение решениям своих профорганов. В правящей партии от времени до времени

начинаются разговоры о необходимости рабочей демократии, об оживлении профсоюзов, о том, чтобы превратить каждый союз в «родную и близкую каждому беспартийную организацию». Но эти разговоры не изменяют положения. «Кто знает жизнь фабрик и заводов — говорил на последнем съезде РКП Томский — тот не станет спорить против наличия кое где так называемого тройственного блока хозяйственников, партийцев и профсоюзов, когда профсоюзы действуют заодно с хозяйственниками и говорят: « у нас все великолепно, у нас единый фронт». Но позвольте — спрашивал далее Томский — против кого у вас единый фронт?

В газетах нет ответа на вопрос, поставленный Томским. Но для вас уже и теперь ясно, что в настоящее время профсоюзы, хозяйственники и партийные коммунисты острие своего фронта направляют против рабочего класса. Что получилось из этого фронта мы увидим ниже, когда ближе познакомимся с наиболее интересными сторонами рабочей жизни и прежде всего с заработной платой рабочих.

2. Заработная плата.

Заработная плата рабочих колеблется не только в зависимости от производительности и интенсивности труда самих рабочих, но также от числа рабочих дней в месяце и посещаемости работ. В крупных центрах промышленности, как напр. Петербурге, Москве, заработная плата значительно выше, чем на окраинах и в местностях с менее развитой промышленностью. Определение реального размера заработка очень затрудняется колебаниями в реальной стоимости советского рубля и соответствующими колебаниями цен на предметы первой необходимости. При определении заработной платы мы будем руководиться теми данными, которые помещены в недавно вышедшем сборнике статей под заглавием: «Вопросы труда и промышленности» (Москва, 1926 г.)

Как известно крупная промышленность очень сильно пострадала во время революции. Передача управления промышленностью в руки заводских комитетов, перевод рабочих на пайковое содержание, уничтожившее заинтересованность рабочих в производительности труда, и отказ от принципа хозяйственного расчета произвели страшное опустошение в области промышленности: пред переходом к новой экономической политике промышленность упала на 82,6% сравнительно с довоенным уровнем. С введением НЭП-а фабрики были переведены на хозяйственный расчет, отменены были пайки, восстановлена заработная плата и привлечены к руководству промышленностью техники - специалисты. С тех пор, с теми или иными колебаниями, но промышленность все более и более приближается к своему довоенному развитию, в промышленных за-

ведениях увеличивается производительность труда, растет и заработная плата. Не приводя отдельных цифр, рисующих движение месячной заработной платы рабочим в добывающей и обрабатывающей промышленности, мы укажем в условных московских рублях *) движение заработной платы за несколько лет по всей промышленности.

Годы	Заработная плата	В %% к 1913 году
за 1922-23 год	от 12,4 рубля до 16,2 р.	от 38,4 до 50,2%
за 1923-24 год	от 19,4 рубля до 22,1 р.	от 60,1 до 72,5%
за 1924-25 год	от 23,3 рубля до 28 руб.	от 76,3 до 91,7%

Таким образом, реальная месячная рабочая плата за весь указанный период медленно, но неуклонно повышается из года в год. Высшей точкой развития заработной платы были сентябрь — октябрь 1925. С тех пор рост дороговизны опережает рост номинальной заработной платы и тем самым понижает реальный заработок промышленных рабочих. Если по данным Ц. Б. Статистики Труда реальный месячный заработок рабочего в среднем по всей промышленности равнялся в октябре 1925 г. 28,63 условным московским рублям, то в марте 1926 г. он уже упал до 25,06 и, таким образом, весь заработок рабочего уменьшился на 12,5%. Конечно, если сравнивать даже и этот заработок рабочих с тем, который был в промышленности до введения НЭП-а, то «достижения» несомненно имеются. Но стоит только сравнить заработок русского рабочего с заработком рабочего иностранного, как сразу бросится в глаза нищенский характер этих «достижений». В конце 1924 г. американский рабочий получал в день заработной платы 5,6 доллара, английский — 2,28 долл., германский — 1,55 долл., французский — 1,24 долл., а русский — 0,8 долл. **). Нужно иметь в виду, что даже эта нищенская заработная плата часто рабочими получается несвоевременно. Так в июле текущего года в ВЦСПС имелись сведения о хроническом затягивании заработной платы по ряду трестов: Севвостлес, Волгокаснийлес и в Северо-Вятком горнозаводском округе. О задержке выдачи зарплаты поступили сведения из

*) Условным Московским рублем называется одна десятая стоимости бюджетного набора Госплана в том или ином районе. Особенность этой единицы измерения заработной платы заключается в том, что Московский условный рубль имеет во всех местах одинаковую покупательную способность. Следовательно, по московским условным рублям можно сравнивать реальный уровень заработной платы и в разное время и в разных отраслях промышленности, и в разных районах дороговизны без всяких поправок «коэффициентов» — «Вопросы труда в промышленности» стр. 14-я.

***) «Социалистическое Хозяйство» 1925 г. т. 5 стр. 184.

Башреспублики. Значительная задолженность числится за Якутским госпароходством. Несвоевременная выдача зарплаты наблюдается на Ижевских заводах и на Ярославском тормозном заводе. Череповецкий промторг со второй половины октября прошлого года систематически задерживают зарплату и т. д. и т. д. *). Запоздывания с выдачей зарплаты весьма различны: пять дней, целый месяц, два месяца, три и больше. По сообщениям местных профорганизаций, задержка происходит или «вследствие разрыва производственного плана хозорганов с их финансовыми возможностями» или вследствие «неэкономного и небрежного расходования средств», или вследствие «отсутствия правильной отчетности» и т. п. Но от каких причин не происходила бы задержка заработной платы, все равно перебойная выдача зарплаты отражается очень тяжело на, и без того нищенском бюджете рабочего и сильно ухудшает его экономическое положение.

Из приведенных выше данных мы видим, что уровень заработной платы в общем по всей промышленности приближается к довоенному уровню. Советские газеты в этом усматривают необычайные «достижения» советской власти. Но если зарплата даже и перейдет военный уровень, то рабочий все равно не получит возможности в надлежащей мере удовлетворить свои материальные потребности. За годы военного коммунизма вещевой инвентарь рабочих частью изнашивался, частью был обменян в деревне на хлеб, картофель и пр. Стоит только присмотреться к обстановке квартир рабочих, к их расходам на одежду, пищу, топливо, обувь и другие предметы хозяйственного инвентаря, чтобы понять, как резко должна повыситься рабочая заработная плата, чтобы рабочий класс выбился из нищенского положения **). Между тем руководители советской экономической и рабочей политики откровенно стремятся к «стабилизации» заработной платы на теперешней ее высоте. «Рост зарплаты ставит промышленность в тяжелое положение — говорится в сборнике «Вопросы труда и промышленности» (стр. 25) — и грозит срывом производственно-финансовых программ... В отношении легкой индустрии не должно быть места повышению тарифных ставок; такое повышение допустимо лишь для отдельных отсталых трестов тяжелой индустрии, причем это повышение должно строго сообразоваться с их экономическими возможностями и с достигнутой производительностью труда». По производственным программам на 1925-26 г. и намечается в среднем по всей промышленности рост выработки на одного рабочего на 22,6% более предстоящего года, а повышение зарплаты предполагается только

*) «Труд» 11 июля 1926 г.

***) Поляк. Бюджеты рабочих и служащих. Кильдинский. Современный бюджет петербургского рабочего. Эконом. Вѣстн. 1924 г. кн. III. «Труд в СССР», изд. Ц. Б. статистика труда. Москва 1926 г.

на 15,7% по сравнению с средней заработной платой в 1924-25 г. (по данным ЦОС-а ВСНХ). Работать будешь больше, а получать меньше! Эта своеобразная «стабилизация заработной платы» или, говоря другими словами, «стабилизация рабочей нищеты» вызывается всей экономической политикой правящей партии и до тех пор не будет устранена, пока не будет устранена порождающая ее причина. За последние годы, после отказа коммунистической власти от своего «военного коммунизма» и ликвидации в народном хозяйстве коммунистических начал, промышленность была восстановлена в размере 60-70% ее довоенной величины. Но рост промышленности совершался за последние года за счет того капитала, который был получен революцией в наследство от прошлого. В настоящее время это наследство уже исчерпано целиком, пущены в ход все, скольконибудь сохранившиеся фабрики и заводы, использованы все, еще не совсем попорченные станки и машины. Необходимо расширить производство для удовлетворения требования крестьян на продукты фабрично-заводского производства и для дачи заработка избыточному деревенскому населению, катящемуся лавиной из сел в городские центры. Но для расширения роста нужны крупные капиталы, а их в руках советской власти не имеется. Нелучше обстоят дела и с вопросом о сохранении промышленности, т. е., с обновлением обветшалых машин на фабриках, с недостаточным оборудованием действующих теперь заводов и т. д. В хлопчатобумажной, напр., промышленности около 50% машин насчитывают возраст 25 лет, 40% — от 35 до 30 лет, 18% — от 35 до 70 лет. Половина машин, таким образом перешли уже предельный 25 летний возраст. Для поддержания технического остова промышленности нужно в течении нескольких лет затратить не менее 4-5 миллиардов червонных рублей, что является совершенно непосильным для советских финансов. Тем не менее советская власть вынуждена предпринять какие либо меры. И вот несколько месяцев тому назад советской властью в целях «социалистического накопления» был объявлен «режим экономии и бережливости». Решено было сократить и удешевить государственный и кооперативный аппарат, наркоманские и хозрасчетные учреждения, раздутые штаты, повести борьбу с излишеством в управляющих органах, повести кампанию за уничтожение прогулов на заводах и фабриках, за поднятие производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины и т. д. Составлены были соответствующие резолюции, разосланы по инстанциям надлежащие распоряжения. Путем «зверского» режима экономии предполагали уберечь накопление от распыления и расхищения и направить его на индустриализацию страны. Совещание в половине мая текущего года при ВСНХ ревизионных комиссий синдикатов обнаружило изумительные факты расточительности и безхозяйственности в большинстве синдикатских организаций. Но по русской пословице «свой свое-

му поневоле брат». Все сократительные реформы, по заявлению «Правды» (12 мая), обычно в очень малой степени касались головки правления, которое, проводя эти реформы, не всегда склонно критически огнестись к своей роли и подумать об уплотнении своей работы». «Хозяйский глаз не смотрит туда, где эту экономию можно найти», заявил недавно на с'езде металлистов депутат Королев. И на самом деле «хозяйский глаз» очень пристально стал прежде всего экономить на рабочем классе. К «хозяйскому глазу» присоединился «глаз» партийцев и деятелей профессионального движения. И вот «единый фронт», о котором говорил на последнем с'езде РКП Томский, начал осуществлять «режим экономии» применительно к рабочему классу. Майский VII пленум ленинградского губпрофсовета поспешил поставить все точки над *и*. Наиболее значительные результаты — читаем мы в резолюции пленума — могут получиться от перенесения центра тяжести работы непосредственно на фабрики, заводы, учреждения». В прениях в Харьковском тарифно-экономическом совещании представители центральных правлений разных союзов с определенностью отметили, что «на некоторых предприятиях ведется наступление на заработную плату, а также на условия труда и быта рабочих» («Труд» 21 мая). Характер этого наступления довольно четко выясняется из корреспонденции в «Труд» (от 22 мая) Киевского корреспондента. «В погоне за «экономией» хозяйственники нарушают самые элементарные права трудящихся. Батракам предлагают за полный рабочий день по 50-60 коп., подросткам до 14 лет по 20 коп., заставляя их работать по 11 часов в сутки...» Взятые под подозрение даже члены союза:

— «Нам нет расчета — заявляют хозяйственники в отдельных случаях — иметь у себя работников - членов союза. Лучше иметь дело с не - членом союза, меньше расходов и меньше или вовсе нет конфликтов».

Где уж при таком взгляде хозяйственников на членов проф. союзов добиться повышения заработной платы!

3. Охрана труда.

В половине июня текущего года наркомтруд Украины, делая президиуму Госплана доклад об охране труда в промышленности Украины, заявил, что «во всех основных отраслях украинской промышленности правовое законодательство, а также правила по технике безопасности и профессиональной гигиены проводятся в недостаточной мере. «Систематически — говорит наркомтруд — на-

рушаются даже правила о продолжительности рабочего времени, еженедельном 42 часовом отдыхе, оплате сверхурочных и пр. В особенности в неблагоприятном состоянии находится охрана труда в каменно-угольной промышленности Донбаса. В этой отрасли промышленности не проведены в достаточной мере самые элементарные требования вентиляции, по ассенизации подземных выработок, по водоснабжению подземных рабочих, по борьбе с пылью и пр.» («Труд» № 137). Для тех, кто по советским газетам следит за деятельностью государственных органов по охране труда (инспекция труда), союзов и хозорганов, доклад наркомтруда не представляет ничего нового. Работники охраны труда и профсоюзы обычно удовлетворяются наличием в законодательстве писанных хороших законов и очень мало озабочены проведением их в жизнь. Хотя согласно действующих законов о труде, инспекция труда принадлежит право применять к хозорганам, в случаях небрежного и халатного отношения администрации предприятий к нуждам охраны труда и здоровья рабочих; суровые требования, тем не менее, инспекция по словам «Труда», проявляет *«недопустимо-мягкое отношение к недостаткам по охране труда в государственных предприятиях и поощрение, вследствие одного небрежного отношения хозорганов к требованиям инспекции и в особенности к вопросу оздоровления предприятий»* (№ 125). Надо думать, что и хозорганы с своей стороны обнаруживают не менее «мягкое отношение» к представителям инспекции. «Свои люди — сочтемся!». В данном случае хозяйственники, государственные чиновники и профсоюзы опять дружно объединяются в один фронт и очень успешно идут фронтом против здоровья и даже жизни рабочих. Договоры по охране труда выполняются, поэтому, далеко не полностью, а часто и совсем отменяются, двойное нарушение закона — нарушение предписаний инспекции и нарушение договора — становится нормальным явлением, небрежное отношение хозорганов к требованиям инспекции об оздоровлении предприятий вводится в ежедневную практику, и сама инспекция, по словам «Труда» начинает удовлетворяться только тем малым, что выполняют хозорганы по доброй воле. А между тем, около $\frac{1}{3}$ котлов в котельном хозяйстве находится в употреблении свыше 25 лет, а их замена происходит в размере 1-10 части. У 16% котлов, осмотренных технической инспекцией, были обнаружены опасные недостатки; 1,5% осмотренных котлов изъяты из употребления, для 22,5% всех обследованных котлов было назначено сокращение рабочего давления или срока ближайшего освидетельствования. Ряд предприятий особо важного всесоюзного значения перестраивается минуя органы НКТ и избегая излишних расходов на осуществление требований предупредительного надзора. Недавно Наркомтруд проверил, как осуществляется изданное постановление о запрещении выпуска из заводов машин, не снабженных конструктивными оградителями. Выяснилось, что из 29 за-

водов, выпускающих машины, только 19 соблюдают постановление Наркомтруда, 3 завода соблюдают постановление «частично», а 6 заводов совершенно не хотят признавать необходимость требований Наркомтруда *). При таком положении охраны труда рабочих является вполне понятным непрекращающийся рост несчастных случаев в разных отраслях промышленности. Отчетливого представления о количестве несчастных случаев у советских статистиков, впрочем, не имеется, так как по целому ряду мест регистрируется только от 20 до 50% несчастных случаев. Нет точного подсчета и причин несчастных случаев. «Администрация предприятий — пишет «Труд» (№ 125) обыкновенно при благосклонном содействии или молчании фабзавкомов, всякий несчастный случай старается отнести к вине рабочего. Старания администрации сплошь и рядом не безуспешны, так как инспекция в этих случаях очень часто относится к заявлениям администрации с полным доверием, далеко не всегда докапываясь до истинных причин каждого несчастного случая, и не принимая, поэтому, мер к устранению причин, повлекших несчастный случай». Но даже и при отсутствии точного подсчета все-таки на основании советских статистических данных легко сделать вывод, что количество увечий принимает в советской промышленности опасный характер **).

Прежде всего бросается в глаза непрерывный рост несчастных случаев с утратой трудоспособности. Так, по всем производствам крупной промышленности в 1925 году на 100.000 проработанных человеко-дней приходилось несчастных случаев с утратой трудоспособности в январе — 21,7, в феврале — уже 24,4, в июне число несчастных случаев уже достигает 26,6 и в ноябре доходит до 33,3 ***). Весной 1924 г. Дзержинский, назначенный тогда председателем Высшего Совета народного хозяйства, для повышения интенсивности фабричного труда, ввел в промышленности сдельную плату, при которой вознаграждение рабочего было поставлено в зависимость от продуктивности его урочной сдельщины. Сдельную плату, требовавшую усиленного напряжения рабочего труда получали из общего числа рабочих:

в марте 1923 г. — 41,5%
в марте 1925 г. — 58,3%

При сдельной работе для значительной части рабочих восьмичасовой день отошел в область преданий. В некоторых производствах рабочее время превышает 10 часов ****), повышается интен-

*) «Вопросы труда». Орган народного комиссариата труда. Москва 1926 г. апрель стр. 45.

**) В каменноугольной промышленности Донбаса, по сообщению «Труда» от 16 июля, на каждые 10.000 рабочих приходится 1.685 несчастных случаев!

***) «Вопросы труда» — апрель 1926 г. — стр. 52.

****) Там же стр. 515.

сивность работы, притупляется внимание и, как естественный результат, увеличивается число несчастных случаев. Уже в 1924 г. число несчастных случаев значительно возросло в сравнении с 1911 г. Так на 1000 рабочих в 1924 г. зарегистрировано число несчастных случаев, с утратой трудоспособности более, чем на три дня, в металлообрабатывающей промышленности 61,7 против 46,5. 1911 года, в обработке минеральных веществ — 24,9 против 10,9 1911 года, в обработке пищевых и вкусовых веществ 58,2 против 9,7 1911 года, в производстве бумаги 32 против 12,6 1911 года и т. д. *). В настоящее время увеличение числа несчастных случаев несомненно гораздо резче по отношению к 1911 году. Значительно увеличилось в 1924 г. по сравнению с 1911 г. и число несчастных случаев с смертельным исходом. В 1911 году число несчастных случаев с смертельным исходом на 10.000 рабочих было в металлургии 1,01, а в 1924 — 2,45; в обработке пищевых и вкусовых веществ 0,78 и 2,45 в 1911 г., в обработке животных продуктов 0,80 в 1911 г. и 2,62 в 1924 г.

Нельзя сказать, чтобы рост несчастных случаев в разных отраслях промышленности не привлекал внимания советского суда, но по сообщению «Труда» (№ 140), суд привлекает десятника, мастера, инженера; из заводоуправления обыкновенно никто под суд не попадает». Для предупреждения, впрочем, могущих последовать неприятных осложнений на суде, многие хозяйственники и главные технические руководители прибегают к тем же приемам, к каким прибегали издатели газет в царское время, запасавшиеся редакторами подставными, редакторами для «отсидки». В 98 № «Труда» была даже особая статья с многозначущим заглавием: «Инженеры для отсидки». Система подставных лиц в настоящее время широко распространена среди хозяйственников, тем более, что подставному лицу «отсидка» обычно заменяется «условным приговором». Само собой разумеется, что подставные лица не имеют часто никаких представлений о технике безопасности и вопросами об охране труда заинтересованы так же мало, как мало понимал и интересовался идейной стороной газеты, приглашенный для «отсидки» подставной редактор.

— «Экономьте, товарищи, — взывает «Труд» (№ 140) — на чем хотите — на автомобилях, на кабинетах, на спецставках и нагрузках, на ваших собственных портретах в дорогих изданиях. Но на охране труда, на соблюдении правил безопасности, на предприятии — нельзя экономить ни одного рубля. Жизнь и здоровье рабочего дороже».

*) В «Сокольнической» строительной артели рабочие работают до 18 часов в день, в артелях «Московский труд», «Богородской» — 12 часов, в «Костромской» — 10 час. и т. д. См. «Труд» от 28 июля 1926 г.

Что жизнь и здоровье рабочего дороже, это — верно. Но только вопрос: кому дороже? Рабочему или тому хозяйственно-союзно-партийному фронту, который выдвинут против рабочего?

После тяжелого трудового дня рабочие не имеют даже места для отдыха. Жилищный кризис во всех отраслях промышленности и в транспорте дошел в настоящее время до крайних размеров. В среднем, по всей металлопромышленности на 1 человека приходится 3,5 квадратных метра жилплощади (голодная санитарная норма — 8 кв. метров). В Москве у многих рабочих 2,2 кв. метра на человека, в Кольчугине до 2 кв. метров («гробовая норма» *). На июньском IV пленуме ВЦСПС развернулись весьма интересные прения по вопросу о жилищных условиях рабочего класса. По словам представителя Ц.К. металлистов Арсентьева 63% имеющейся жилой площади в Донбасе требует капитального ремонта. «Масса рабочих — говорил Арсентьев — вынуждена ночевать в цехах под домами, на железнодорожных вокзалах или ютиться в углах у спекулянтов. Из-за того, что рабочие живут в таких плохих условиях, увеличивается процент прогулов». По словам Гаусмана, представителя рабочих Сев. Кавказа, «в Ростове рабочие, обитающие в землянках, образовали целый город. В Новороссийске половина рабочих цементных заводов вынуждена проживать за 15-20 верст от места работы». Представитель Ц.К. горняков, Майзель, указывает, что в 1924 г. на человека приходилось жилой площади 5,4 метра, а в 1926 г., несмотря на значительное новое строительство, норма увеличилась только до 5,7 метра. В 1924 г. жили вне рудников 40 тысяч рабочих, а теперь 55 тысяч, т. е. половина рабочих, влившихся в последнее время в промышленность, вынуждена жить на стороне» («Труд» № 133). В текущем году на жилищное строительство советская власть отпускает 110 милл. рублей, на ту же цель промышленность отпускает 10 милл. рублей, некоторые суммы назначены из средств кооперативов и из отчислений фонда улучшения быта. Но всех этих средств крайне недостаточно: по весьма скромным подсчетам проф. Бернацкого, для того, чтобы довести жилье до 6 кв. метров на человека, необходимо истратить около 8 миллиардов руб.**). Нет ничего поэтому удивительного, что в докладе на июньском пленуме ВЦСПС наркомтруда СССР Шмидта слышатся мрачные предположения по вопросу о жилищном строительстве: «положение остается чрезвычайно тяжелым. Нам не удастся предотвратить нужду в жилищах, даже в крупнейших и важнейших районах промышленности. А теперь прибавилось еще одно затруднение — недостаток строительных материалов, в силу чего, стоимость построек поднялась в текущем году на 35%». Какой же злой насмеш-

*) «Труд» № 125

**) «Плановое хозяйство» 1925 г. № 6.

кой и издевательством над рабочим классом звучат, при наличности ужасных жилищных условий рабочего класса, сообщения советских газет о благопечительном начальстве, устраивающем «курорты» для рабочих, вынужденных целый год проводить в жилищах, служащих источником заразы и болезней!

4. Конфликты.

Рост государственной промышленности за последние годы и растущая активность рабочих масс сопровождались в советской России непрерывным увеличением столкновений между рабочими, продающими свою силу, и работодателями. Конфликты возникали, как при заключении договоров, так и на почве существующих условий труда: размера заработной платы, отчислений, приема и увольнения рабочих, отпусков, спецодежды и пр. В 1923 г. было, по советским данным 2.822 конфликта, в 1924 уже 4049, а за девять месяцев 1925 года число конфликтов дошло до 5596 с 1.450.000 участников *). Таким образом, число конфликтов в 1925 г. увеличилось против 1923 г. почти в три раза, причем характер конфликтов за эти годы испытывает значительные изменения. Если в 1923, 1924 и 1925 годах конфликты при заключении договоров выражались в цифрах 58%, 44% и 26% общего количества всех конфликтов, то за те же годы конфликты на почве существующих условий труда выразились в следующих %% к общему числу всех конфликтов: 42%, 56%, 74%. Из этих данных видно, что при уменьшении числа конфликтов при заключении договоров, конфликты на почве существующих условий труда очень быстро растут. Это значит, что рабочий все меньше и меньше, под влиянием нужды торгуется при заключении договора, и все чаще и чаще вступает в столкновения при самой своей работе. Основным спорным пунктом конфликтов является вопрос о заработной плате: 70% конфликтов при установлении договора о рабочей плате и около 65% на почве существующих условий труда. Следующее место по количеству конфликтов, занимает пункт об отчислениях: Число конфликтов с 28,6% в 1923 г. поднялось до 39,1% в 1925 году. Если мы обратим внимание на то, чем заканчивались возникшие в области труда конфликты, то перед нами развернется любопытная картина. Конфликты заканчивались или в пользу рабочих или в пользу нанимателя, или разрешались компромиссом. В 1924 г. в пользу рабочих разрешено 39,4% всех конфликтов, возникших при заключении договора, размера заработной платы; в

*) Цифровые данные о конфликтах почерпнуты нами из статьи Кинделя «Об итогах и очередных задачах конфликтной работы». «Вопросы труда» 1926 г. апрель.

пользу нанимателей — 19,8%; компромиссно — 40,8%. В 1925 г. в пользу рабочих — 33,6%, в пользу нанимателя — 21,3 и компромиссно 45,1%. Как видно из приведенных данных, в своих конфликтах, по поводу величины заработной платы, рабочие в 1925 г. имели меньший успех, чем в 1924 г. Нанимателям в 1925 году удалось разрешить в свою пользу большее число конфликтов и повысить число компромиссных решений. Другая картина наблюдается при разрешении этих конфликтов не при заключении договора, а на почве существующих условий труда. В 1924 г. в пользу рабочих было разрешено 44%, в пользу нанимателей — 23,9% и компромиссных решений было 32,1%. В 1925 г. в пользу рабочих было разрешено уже 58,8%, в пользу нанимателей 23,1% и компромиссных решений было только 23,1%. О чем говорят эти цифры? Они говорят или о том, что против нажима хозяйственников на заработную плату рабочие в 1925 г. повели более настойчивую борьбу, или о том, что хозяйственники и по заключении договоров с рабочими, делали такой нажим на рабочих, что лица, разбиравшие возникшие конфликты, вынуждены были несколько сократить аппетиты хозяйственников.

Борьба за под'ем жизненного уровня рабочего класса возникает неизбежно среди рабочих. Нищенская заработная плата, отвратительные жилищные условия, повышение производительности труда одновременно с понижением заработной платы и общим ухудшением условий — все это заставляет рабочих оказывать противодействие натиску хозяйственников. Увеличивается число «конфликтов»-забастовок, устраиваются сборища и сходки на территории заводов и рудников, производятся среди бастующих обыски и аресты, по предприятиям организуются рабочими митинги протеста, выносятся резолюции с требованиями немедленного освобождения арестованных. Бывают «случаи столкновения рабочих с военной заводской охраной и разгромов рабочими арестных помещений. Ю таких «конфликтах» советские газеты обычно не сообщают сведений, но вся весна текущего года прошла под знаком социальных конфликтов. Стачки в Серпухове, Богородске, Екатеринославе и других городах уже переходили в открытое выступление. Внушительные демонстрации безработных в Одессе, Полтаве, Екатеринославе, Киеве и др. городах доказывают, что рабочий не хочет уже больше приносить жертв на алтарь «социалистического отечества» в пользу диктаторской коммунистической партии. Он не хочет мириться с «стабилизацией» своей нищеты п волной стачек и забастовок начинает, как это было и при самодержавии напоминать коммунистической бюрократии, что такое положение не может дольше продолжаться.

5. Безработица.

Безработица — неизбежное явление капиталистической промышленности — не должна бы иметь места в советской промышленности, где производство и обмен совершаются по заранее обдуманному «плану» и где к услугам правящей партии находятся целый ряд статистических учреждений и могущественный аппарат власти. А между тем, безработица в советской России не только не исчезает, но принимает угрожающие размеры. Минувший 1925 год отличался быстрым развертыванием советской промышленности: за одну вторую половину 1925 г., промышленность впитала в себя около полумиллиона рабочих, и число рабочих ценовой фабрично-заводской промышленности к 1 января текущего года дошло до 2,388 тысяч человек, почти до 90% количества рабочих довоенного времени. Но несмотря на такой быстрый темп развития промышленности, предъявлявшей большой спрос на рабочую силу, безработица не только не уменьшилась, а значительно увеличилась. По данным, представленным Народному Комиссариату труда 256 биржами, зарегистрировано было по всему СССР на 1 января 1925 г. 901,600 безработных. К 1 июля число безработных увеличилось до 948,374 человек, к 1 января 1926 г. до 951,173 и на 1 апреля сего года общее число безработных, зарегистрированных биржами труда доходило уже до 1.059,306 человек¹⁾. Но нужно иметь в виду, что действительное количество безработных значительно превышает указанную цифру. Значительное количество безработных в тех местах, где нет биржи труда естественно не учитывается. На биржах труда из членов профессиональных союзов регистрируется лишь около 60% безработных членов, которых по статистике профсоюзов на 1 января 1926 г. насчитывалось 1,029.000. Таким образом, число безработных перевалило в настоящее время далеко за миллион и это число непрерывно растет. Присматриваясь к численному движению различных групп безработной массы, мы наталкиваемся на любопытное отношение между группой индустриальных рабочих и чернорабочих. Группа индустриальных рабочих насчитывала на 1-е января 1925 г 29,1% общего числа безработных, на 1 августа — 28,8% и на 1 октября 21,9%. Группа чернорабочих за тот же самый период времени насчитывала 23,4%, 36,1% и 44,3%. Число безработных квалифицированных промышленных рабочих падает, а число безработных чернорабочих с января по октябрь увеличилось почти вдвое (23,4% и 44,3%). Но кто же такие чернорабочие, число которых неудержимо растет? По докладу члена коллегии НКГ Гиндина IV пленуму ВЦСПС «в течении года из деревень приходят в города почти 2½ миллиона человек, из которых полмиллиона оседает в

*) «Труд» от 29 мая.

городах на постоянной работе»¹⁾). Эти миллионы деревенских жителей, ищущих работы, являются продуктом естественного роста населения с одной стороны и результатом всей антикрестьянской политики коммунистической власти с другой. Полмиллиона безработных, выброшенных деревней в города, предлагают свои рабочие руки за пониженную цену и представляют для хозяйственников весьма ценный материал для хозяйственных операций. «Хозяйственники заявляют — говорил на пленуме украинский делегат Радченко — что городские рабочие более капризны и в производстве проявляют больше потребительских тенденций, а деревенский элемент и физически крепче, и у него меньше требований». Стремление к найму дешевой рабочей силы, по словам другого украинского делегата, Сухомлина, толкнуло некоторых хозяйственников не только к найму непосредственно по деревням рабочих, но и к попыткам привлечь рабочую силу из Персии и даже из Кореи. Малоквалифицированная городская рабочая сила и заменяется хозяйственниками дешевой деревенской силой. Миллионная армия безработных, выбрасываемая в настоящее время деревней в город, является постоянной угрозой заработку рабочего и служит прекрасным орудием для нажима хозяйственников на рабочий класс.

В заключение несколько слов о помощи безработным.

Советская власть организует коллективы безработных, устраивает общественные работы и т. п. Но все эти мероприятия — борьба с следствием, а не с причинами, порождающими безработицу и при финансовых затруднениях советской власти могут охватить лишь небольшое количество безработных и оказать им очень малую помощь. В помощи безработным участвуют профсоюзы и органы социального страхования. Мы не имеем возможности остановиться подробнее на этой стороне помощи. Приведем только несколько цифр. На IV пленуме ВЦСПС Мельничанский жаловался на недостаточное внимание проф. союзов к делу помощи безработным. По его словам «Союз металлистов охватывает пособиями лишь 23% безработных, союз печатников — 20% и т. д. но имеются союзы, которые охватывают пособиями только 2-3% безработных». Размер союзного пособия — 5 р. 10 к. в месяц — яснее всяких слов говорит, насколько существенна эта помощь. Размер пособия, выдаваемого органами социального страхования тоже очень невысок: 9 р. 63 к. в настоящее время. Фактически страховые органы выдают пособия лишь 20 до 24% общего количества безработных.

— «Такая помощь *слишком недостаточна*», говорил на пленуме Мельничанский: «над этим вопросом надо подумать».

Партийные бюрократы все еще собираются «думать». Но русский рабочий горьким опытом узнал на своей собственной спине

*) «Труд» 10 июня.

тяжесть экономической и политической диктатуры. Красная бюрократия, прикрываясь именем рабоче-крестьянской власти, превратилась в касту управляющих, беззастенчиво эксплуатирующих вместе с крестьянством и рабочий класс и парализующих дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства. Без устранения красной диктатуры коммунистической партии и создания условий, гарантирующих свободу классовой организации и классовой борьбы, рабочий класс не может выбраться из того невыносимого положения, в какое поставила его диктаторская власть. Об этом рабочему классу или, по крайней мере, некоторой его части придется, быть может, тоже «подумать». Но не только думать, но и действовать.

В. Архангельский.

Каким путем?

(Кризис большевизма и революционное народничество)

Кризис большевизма в России вошел, повидимому, в наиболее острый фазис, потрясая конвульсиями уже давно пораженный тяжким и быстро прогрессирующим недугом организм правящей партии.

В этих конвульсиях нельзя видеть явления, вызываемого только внутрипартийными отношениями и как бы отделимого от всех тех крахов и неудач, которые терпит вся политика октябрьских победителей и от всех их вынужденных метаний из стороны в сторону в бесплодных поисках выхода из все более углубляющегося тупика. И то и другое тесно органически между собою связано и одно является неуклонным следствием другого. Это логика жизни и истории бьет тех, кто против нее ополчился, пахота лишь свои особенные неожиданные обходные пути для нанесения ударов...

Большевизм, в сущности, уже в течение шести лет не выходит из полосы кризиса, неуклонно обостряющегося. Вспышки его всякий раз ликвидировались искусственно, но сами меры, которыми достигался этот результат, не только загоняли болезнь внутрь, подготавливая тем неизбежные рецидивы ее, но и преобразовывали еще более тяжкий их характер.

Кризис большевизма был в зародыше с момента перехода большевиков от разрушения к строительству, — он впервые грозно обнаружился с отказом их от «немедленного социализма», и с тех пор каждый их шаг по этому пути, на который они вступили и с которого они сойти не могли, неизбежно означал, точно по предначертанию неумолимого рока, новое его углубление и осложнение.

Глубоко ошибаются те, кто склонен видеть в оживлении экономической деятельности в России успех большевистской политики. Не всякое такое оживление для большевиков полезно,

они добиваются просто восстановления хозяйства России независимо от того, каким формам оно обеспечивает преобладание. Подъем производства в стране они могут записать в свой актив лишь в том случае, если им создаются или усиливаются шансы их собственных планов. В противном случае, вместо того, чтобы укреплять, он лишь ослабляет большевистские позиции и подтачивает фундамент их властвования. Но так именно происходило до сих пор. Все уступки большевиков, начиная от первых проблесков нэпа, приносили облегчение населению, но ни одна из них не дала для самой диктатуры тех результатов, какие она от них ожидала. Каждая из них неизменно загоняла коммунистическую власть, упорствующую в своем желании лепить экономику согласно своим видам, в трясину нового кризиса, для разрешения которого она вынуждалась делать новые более широкие уступки, неуклонно подготавлившие кризис еще более глубокий. От нэпа к неонэпу, через нелепые потуги индустриализации к «экономии», как к последнему отчаянному средству спасти дающий течь со всех сторон корабль госпромышленности; от первых слабых уступок частной инициативе, замаскированных гордой революционной фразеологией, до перехода к открытой жесточайшей эксплуатации рабочих («экономика»), вот длинный путь большевистского отступления и, в то же время, «скорбный лист» переживаемой большевизмом болезни. Этот длинный путь отмечен, как высокими вехами, последовательными крушениями сменявшихся «стратегических маневров», определявшими неизбежность новой сдачи позиций и все большее — и безвозвратное отдаление от первоначальной линии фронта.

Этот же путь отмечен столь же последовательным усилением враждебных большевизму социальных слоев, в первую очередь — крестьянства, черпающих в оживленной большевистскими уступками хозяйственной жизни соки, питающие рост их удельного веса в экономике и политике.

По мере отступления большевизма сила давления на него этих слоев увеличивается, а сила сопротивления большевиков для защиты своих основных начал ослабляется. И по мере ускорения и расширения «отступательного движения» растут и остро выявляются в связи с этим в большевизме непримиримые внутренние противоречия, разрушающие его идеологический фундамент, на котором держалось здание былого единства партии, внося глубокую смуту в его ряды.

Вот эти то противоречия, независимо от персональных комбинаций, создают почву для внутривнутрипартийной борьбы, начинающей принимать трагический характер — они то и питают ее отравленными соками, раздирают на части «творение Ленина», ускоряют исторически неизбежное его разложение.

Чем глубже становятся противоречия большевизма, тем

более раздробляется он на фракции и тем ожесточеннее последние схватываются в смертельной схватке. Но сами эти противоречия, как и сами вызываемые ими разлагающие процессы, лишь отражают основное радикальное противоречие между политикой большевизма, как бы ни менялись ее формы, своеобразным характером русской революции и историческими условиями России. Только теперь, после десяти почти лет большевистского властвования, после ряда опытов, проделанных большевиками, оно начинает проступать поистине с ослепляющей наглядностью.

Результаты этого длящегося противоречия теперь суммируются одновременно и в глубоком кризисе советской экономики, выявляющем нелепость и утопизм всех предыдущих этапов экономической политики большевизма, и в смертельном кризисе самого московского коммунизма, взрываемого динамитом гражданской войны.

История выводит итог и он получается грозный...

Именно теперь, пожалуй, становятся особенно явственными причины, обусловившие трагедию русской революции.

Ее нельзя объяснить только диктатурой. В другой стране, в иных условиях диктатура вероятно привела бы к иным последствиям и течение событий там без сомнения тоже было бы иным. Ее нельзя объяснить только тем, что большевики стремились непосредственно строить социализм в стране, к такому грандиозному скачку неподготовленной. Попытки социалистического строительства во всякой другой еще незрелой для этого стране, с условиями, отличными от русских условий, могли бы кончиться и наверное кончились бы иначе. И сама трагедия русской революции не в том, что большевики пытались насаждать свой социализм при отсутствии необходимых для того предпосылок, а в том, что они парализовали ее *творческие силы*, запрудив течение ее полной воды.

Она самым фактом своим означала громадный социальный переворот. Колоссальная передвижка классовых сил, — ею произведенная, открывала широчайшие, быть может, невиданные еще перспективы вольного народного строительства новых форм жизни. *Большевизм превратил ее в бесплодную смоковницу.*

С самого начала, и как бы ни менялись ее формы, большевистская политика была в глубоком противоречии с теми особенностями русской революции, в которых заложены громадные творческие возможности, рожденные ее размахом и силой и которые определили ее мировое значение.

Большевизм явился в России не как партия революции русской, а как партия революции мировой, но первая была реальным историческим фактом, а вторая дикой утопией. Между тем, большевики выводили свою политику из русских революционных условий, не из анализа соотношения социальных сил в освобож-

денной от царизма великой стране, не из учета имевшихся в ней моральных и экономических предпосылок для народного строительства, а из *неверной оценки западной действительности*, на которой базировалась вера в неизбежный мировой революционный взрыв. В планетарном плане Ленина, России, которую большевики еще накануне европейской войны считали созревшей лишь для буржуазной революции, отводилась именно поэтому роль поджигателя факела, ее своеобразии, ее *собственные, самостоятельные способности творчества* в нем не учитывались.

Чтобы заставить по оценке большевиков «отсталую» Россию выполнить ту роль, которая ей предназначалась, надо было только наложить на нее узду диктатуры. Но тем самым подавлялось все, что было в революции живого, в чем таились ее реальные возможности, жидкительства, сковывалась ее творческая энергия. Трагизм этого чудовищного положения еще более усилился от того, что большевики упорно продолжали гнуть эту убийственную для революционной России линию и тогда, когда уже выяснилось, что ее основная предпосылка — мировой переворот — оказалась мифом.

Вот это то и загнало русскую революцию в тупик, обусловило искажение ее главных завоеваний. Вот это то и привело к тому, что вместо социального прогресса, для которого имеются все объективные данные, Россия знала лишь эксперименты, регулярно кончавшиеся крахом, но обессиливавшие и надрывавшие ее организм.

И, конечно, не случайность, что большевизм, очутившись у власти, взял именно такое направление, что для него, действовавшего на российской почве, предпосылкой была, однако, вера в революционный Запад, победа которого одна только, согласно его теории, могла наполнить передовым социальным содержанием русскую революцию.

Большевизм вышел из недр русского марксизма, всю свою идеологическую позицию строившего на отрицании своеобразного характера русской революции и определяемого им особого пути развития для России. Он боевая часть этого марксизма, провозгласившего утопией всякую попытку строить программу на особенностях, характеризующих российскую историческую действительность и ожесточенно воевавшего с революционным народничеством, стоявшим на противоположной точке зрения.

Захватив руководство революцией, большевики лишь перенесли этот стародавний спор на почву практических осуществлений, правда в ином плане, и доведя до крайнего обострения антинародническую теорию марксизма. Но существо осталось то же.

До войны марксисты дружно утверждали, что Россия должна пройти через фазис полного капиталистического развития, ибо

по этому пути идет передовой Запад. Во время войны большевизм устами Ленина видоизменил этот догмат, провозгласив лозунг социалистической революции, на том основании, что Европа, по его мнению, уже встала перед неизбежностью осуществления немедленного социализма. И в том и в другом случае определяющим моментом одинаково явилось игнорирование особенностей самой России. Теперь, когда большевизм, в результате своего десятилетнего упорствования потрясается судорогами, быть может, наиболее своевременно противопоставить ему традицию русского (народнического) социализма, который он пытался растоптать.

Быть может, недостаточно оценено до сих пор то огромного значения обстоятельство — могущее уяснить многое в русской революции, — что с самого возникновения в России революционного движения, партии, поднимавшие знамя борьбы против самодержавия, ставили себе целью не только политическое освобождение, но и непосредственные, неоткладываемые на далекое будущее изменения в духе передовых идеалов труда.

Все они в своей последовательной драматической смене, за исключением позно появившегося на арене русской жизни марксизма, образовавшего отдельную к другим идейным истокам восходящую струю, оставались верны этой традиции, ведущей свое начало еще от декабристов. Еще Пестель, живший в эпоху, когда в передовых странах Запада не было и в помине социализма, Россия пребывала в патриархальных экономических условиях крепостничества, еще Пестель восклицал: «Вы провозгласите республику, но это будет лишь перемена названия». И для того, чтобы дело этим не ограничилось, он рекомендовал «коренные реформы», требовавшие принятия «решительных мер» против единственного тогда господствовавшего класса — капиталистической буржуазии еще не существовало — дворян, «дабы в полной мере укротить свирепый их нрав и поставить в невозможность отечеству вредить». Убеждение в том, что революция, не производящая глубоких хозяйственных и имущественных перемен, приведет лишь к «перемене названия», становится символом веры всего русского революционного движения. Оно остается неизменным, несмотря на естественную эволюцию этого движения под влиянием изменений, происходивших в России и в Европе.

Герцен, Чернышевский, Лавров, Михайловский — эти путеводные маяки передовой русской общественности, связанной с родной почвой и из нее выросшей, посвящают лучшие усилия своего ума и гения для его обоснования и защиты. Революцион-

ные партии, геройски и другими средствами продолжавшие дело, начатое декабристами, на нем строят свои программы, предназначенные для немедленного осуществления. Для всех них революция означала не только свержение царизма, но *социально революционный переворот*. Когда от партии «Земли и Воли» отделилась группа, превратившаяся затем в «Народную Волю», она оправдывала свою точку зрения (необходимость сосредоточить все усилия в первую голову против самодержавия) тем, что политический переворот явится «первым необходимым шагом к осуществлению радикальных экономических реформ».

«Землевольты» в свою очередь были даже уверены, что революция, раз начавшись, приведет неизбежно к полной ликвидации не только помещичьего землевладения, но и городского капитализма, который тогда, впрочем, едва только зарождался по настоящему в России.

«Революционное движение, провозглашали они в своем печатном органе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и заводов и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу».

Землевольты отдавали значительную дань социальному утопизму, господствовавшему еще тогда над умами молодого поколения. Но отсюда глубоко ошибочно было бы выводить какую бы то ни было «родственную связь» большевизма с народничеством, даже в ранней утопической его форме, как мы увидим ниже. Все дело было в том, что в России борьба против самодержавия велась не определенным уже сложившимся и сильным социальным классом — буржуазией, для которого тесны стали обветшалые рамки старого строя — как это было в западных революциях, — а идеалистической интеллигенцией. Русские интеллигенты революционеры, давшие Ганнибалу клятву разрушить крепость царской власти, толкались в бой чувством идеализма; ими двигало не стремление защитить интересы своего класса, а возмущение тяжелым рабским состоянием народных масс и их неизбывными страданиями. Они уже знали, что глубокие причины общественной неправды коренятся не только в отсутствии политической свободы, а принцип частной собственности, которому возводили алтари борцы всех революций Запада, для них не был священным. Их идеалы не могли получить удовлетворения в капитализме, который уже развивался на Западе, обнаруживая на ряду с своей прогрессивной организующей ролью и свою жестокую изнанку эксплуатации, социальной несправедливости и экономического неравенства.

Но отвергая капитализм, намечая для своей родины особый путь развития, русские революционные партии естественно долж-

ны были искать фундамента для возведения трудового строя в самой России, еще не капитализированной, незахваченной шупальцами победоносного капитала. Иначе вся их теория особого пути повисла бы в воздухе, — на одной экономической отсталости, конечно, ничего нельзя было строить.

Отвергать предпосылки общественного прогресса, создаваемые хотя бы тяжелой ценой капитализации страны, можно было лишь при уверенности в наличии предпосылок иного рода, могущих при известном благоприятном стечении обстоятельств обеспечить такой прогресс.

Русские революционные направления, как известно, нашли их в особенностях, рожденных историей России, в которой суммированы своеобразие судеб русского народа и влияние географических условий его бытия между двумя мирами — Европой и Азией — и оригинальностью его духовного склада. Они нашли их в трудовых воззрениях основной массы населения — крестьянства — в особом характере его земельного строя, в *общине*, в которой и то и другое получали свое слитное воплощение.

Теория особого пути определялась верой в то, что в глубинах русской народной жизни заложены зерна могучего прогресса в направлении, совпадающем с стремлениями передового человечества, и способные взойти богатым урожаем, если только почва будет вспахана плугом революции.

Они оценивали грядущую революцию, как социально - революционный переворот, веря в способность трудовых классов России к самостоятельному передовому социальному творчеству, то есть, в то, что большевизм как раз органически отрицает и отрицание чего служит для него теоретическим оправданием его диктатуры. Здесь между ним и народничеством проложена глубокая грань, выявляющая чуждость, несмотря на некоторые внешние черты сходства, — обоях направлений, — одного, выросшего из родной почвы, ее особенности отражающего, в них же ищущего для себя опоры, — другого, принесенного извне, при помощи искусственных мер насаждаемого, нуждающегося в потоках живительной влаги, падающей с чужих небес... Еще Пестель, родоначальник одновременно и русского революционного движения и революционного народничества, в «волостных обществах» видел главнейшее основание предполагаемого для России гражданского бытия».

И, как известно, в «Русской Правде» имеется вполне законченный проект социализации земли и осуществления права каждого на землю, которую не должно «ни продавать, ни же закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная».

Землевольты в программной статье провозглашали, что «основанием всякой истинно революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в

данной стране. (Утверждение, абсолютно противоположное большевистской идеологии. Е. С.). Во все времена, где бы и в каких размерах ни поднимался русский народ, он всегда требовал Земли и Воли! Земли, как общего достояния тех, кто на ней работает, и Воли — как общего права всех людей распоряжаться своими делами». Чернышевский, отстаивая ту же точку зрения, резонно утверждал, что защищая государственную собственность и общину, как ближе всех других форм подходящие к идеалу поземельной собственности, «мы защищаем факт у нас существующий». Народовольцы свою программу строили согласно тому же основному принципу народничества, стремясь согласовать ее с народными идеалами, «как их создала история в данное время в данной стране». Они признавали, что Россия далека от сознательного социалистического идеала, но полагали, вместе с тем, что к рациональному, справедливому общественному пользованию величайшим экономическим фактором — землей — она вполне подготовлена». А всякий шаг по этому пути «есть шаг к социалистической организации страны». В обширной аграрной реформе, в духе отвечающем стремлениям народных масс и их трудовым воззрениям, а не в чем либо ином, видела «Народная Воля» лучший фундамент социалистического развития русского народа». Он должен был возводиться на родной почве и из собственного материала, каким его подготовила история. Но если революционеры народники выдвигали лозунг социально - революционного переворота, то не потому только, что в России имелась община.

Этот лозунг вытекал для них из самого анализа движущих сил революции.

Таковые они видели, с одной стороны, в революционной интеллигенции, вооруженной социалистической критикой долженствующих выступить с самыми радикальным экономическими требованиями. В виду слабости и реакционности буржуазии они были уверены, что только союз этих двух сил сумеет разбить иго самодержавия. «Только союз интеллигенции единиц и народных масс может дать победу» — верно пророчествовал П. Л. Лавров. В этом для революционного народничества был залог того, что русская революция не остановится на полпути чисто буржуазных реформ, что размах ее будет шире и захват глубже. В этом, в связи с своеобразием русских условий они черпали уверенность в неминуемость ее превращения в социально - революционный переворот громадного значения. Но именно потому, что в силу указанных условий революция должна была выдвинуть на авансцену истории раскрепощенные народные массы, проявляющие свою самостоятельность и вручить им в руки решение собственных судеб, осуществить «народное самодержавие», то есть суверенитет воли народа, то есть настоящую, подлинную демократию, «социально-революционное значение *народного самоуправления*, про-

возглашали народовольцы, у нас будет еще более резко и решительно, чем было в самой Европе». *Таков естественный ход развития* современной России и наша партия, выдвинувшая практически на первый план именно принципы *Народной Воли*, идет в сущности только по течению.

«Свергнуть ее (правительственную власть), заявляли они также, значит совершить социальный переворот»...

В воззрениях революционного народничества первых формаций было много романтизма и утопических элементов. Последние, однако, определялись главным образом, их неверным представлением о водворении социализма, как легкого и быстрого скачка из одного строя в другой, без всяких промежуточных этапов. Оно было тогда, однако, господствующим у всех европейских социалистов, как марксистов, так и немарксистов. Что же касается обоих направляющих идей социалистов народников, то последующие события русской истории, на наш взгляд, дали яркое подтверждение их правильности и жизненности.

II

Жизненность революционного народничества, прочность его корней в российской почве подтвердилась уже тем, что, несмотря на быструю и громадную эволюцию, проделанную Россией за последние десятилетия минувшего века, оно не оказалось сданным в архив истории.

После всех испытанных им поражений и одно время совершенно почти вытесненное модной теорией марксизма — революционно - народническое направление в иной обстановке и в других условиях все же действительно воскресает в лице эсэрства. В мировоззрении партии социалистов - революционеров в завершенном виде синтетически отразились и сочетались и боевые традиции революционеров - борцов русского социализма и учения его идеологических творцов. Но оно оплодотворило основы прежнего народничества новым историческим опытом и подвело под них более твердый, научный фундамент, очистило от элементов утопизма и творчески переработало, приведя их в соответствие с изменившейся российской действительностью. Эсэрство и в этом его нерасторжимая связь с народничеством и окрашивающий его этический элемент базируется на личности, верное завету Михайловского, «все здание правды должно быть построено на личности». Этим определяется и точка зрения, рассматривающая историю не как эволюцию, совершающуюся независимо от чьей бы то ни было воли, а как *прогресс*, осуществляющий социальные цели людей.

Этим определяется также и взгляд на личность, как на активного участника исторического процесса, борящегося во имя сво-

их идеалов и свою борьбу на него влияющего. Теории ортодоксального марксизма, провозгласившего, что царство свободного труда может явиться результатом одного лишь действия стихийной механики экономических законов, эсэрство противопоставило необходимость революционного вмешательства для проведения преобразований, направляющих и ускоряющих эволюцию общества к социализму.

В противовес старомарксистским утверждениям о невозможности социального творчества в духе трудовых идеалов прежде, чем капитализм, развившийся до крайних пределов, не свалится под влиянием механически разрушающих его противоречий, — исходная точка эсэровской теории гласит: использование всех представляющихся революционных возможностей для шага вперед в сторону социализма, независимо от того, вмещается ли или нет данная совокупность мер в рамках капиталистического строя. Для марксистов эти рамки были заповедной чертой, за которую запрещалось переступать, — эсэры, верные духу своего учения, никогда такими рамками себя не ограничивали. Стремление применить эту исходную точку в русской революции и определило программу эсэров. Оно, при ином отношении к капитализму, чем у марксистов, могло мыслиться лишь на почве особенностей русских условий, как и у первых народников. Если бы их уже не было в наличности, эсэрство со своей социально - революционной теорией при экономической отсталости России попало бы в тупик. Но уже тот факт, что партия социалистов - революционеров возникла и быстро росла, отвечая глубоким почвенным настроениям интеллигенции и трудовых масс, косвенно свидетельствовал о том, что они еще существовали.

Эсэры появились в России уж в период расцвета русского капитализма, когда вопрос о том, быть ему или не быть, жизнью снят был с очереди, на него ответил факт видимый и непреложный. Весь вопрос был в том, выполняет ли капитализм ту роль, которую ему предрекали марксисты, стирает ли он давлением своего нивелирующего пресса своеобразные черты России, которые позволяли наметить для русской революции не просто буржуазную программу.

Но анализируя российскую действительность уже при наличии прочно вкоренившегося в нее капитала, эсэры пришли к противоположному выводу. Раньше всего они не могли не отметить того чрезвычайно важного обстоятельства, что социализм, как учение и как революционное движение, предшествовал в России — в противоположность тому, как это было на Западе — настоящему водворению капитализма. Капиталистическое развитие с самого начала совершалось в России при наличности социалистической критики его, что не могло не оказать самого серьезного влияния на весь ход капиталистического развития России. Как правильно

было указано на 1-ом съезде партии социалистов - революционеров: «рабочее движение с современными задачами в других странах почти всюду развилось даже по разложению патриархального абсолютизма уже после торжества буржуазии и либеральных учреждений. У нас же оно предшествует такому разложению; это факт, чреватый крупнейшими историческими последствиями».

Вместе с тем, эсеры не могли не констатировать и другого не менее важного обстоятельства — капитализм, хотя и возник в России и довольно быстро развивался, но именно в виду тех особенностей российских условий, которые не позволили социалистам эпохи Герцена верить в возможность для России «перескочить через него», хозяйственно организующая роль его относительно слаба и отрицательные стороны его вместе с тем проявлялись особенно выпукло. «Развитие капитализма в России, правильно указывается в программе партии соц. - рев., характеризуется наименее благоприятным соотношением между творческими исторически - прогрессивными и темными, хищными, разрушительными тенденциями». Процесс капиталистического развития совершался в России, согласно определению той же программы, на почве «взаимоприспособления наиболее примитивных форм эксплуатации народного труда и медленно изменяющихся форм патриархального дворянски - чиновничьего хозяйства».

Русский капитализм, хотя рос и развивался, не превратился, однако, в организующий центр всего народного хозяйства, стержнем которого продолжало оставаться крестьянское земледелие. Ему не удалось также, вопреки пророчествам марксизма, разложить русское трудовое крестьянство, уцелевшее под прикрытием своих бастионов земельных общин. Несмотря на расширение капиталистических отношений в стране, община — главная особенность, на которую опиралась всегда аграрная программа народничества, продолжала существовать и во многих местах прогрессировать. Таким образом, если развитие капитализма и внесло новые элементы в русскую жизнь, то, однако, своеобразия ее и особенностей оно не уничтожило. Не изменило оно и классового состава движущих сил революции. Рост капитала не создал в лице буржуазии нового прогрессивного социального слоя, способного кинуть перчатку абсолютизму и вступить с ним в единоборство во имя идеалов свободы. Русский буржуазный класс нуждался, наоборот, в покровительстве самодержавия, а потому, естественно, тяготел к союзу с теми реакционными слоями, на которые оно опиралось.

Вот почему авторы эсеровской программы, рассматривая роль и взаимоотношение социальных сил на арене политики, уже при капитализме должны были прийти к тому, огромного значения для политических судеб страны выводу, что вся тяжесть борьбы с царизмом падает на пролетариат, трудовое крестьянство и ре-

волюционную интеллигенцию. Этому революционному тройственному союзу противостоял реакционный тройственный союз — бюрократии, дворянства и торгово - промышленной буржуазии. Первые народники отрицали буржуазный характер грядущей революции, исходя из того, что движущими силами ее могут быть только трудовые массы и социалистическая интеллигенция. Появление капитализма в России изменило это положение только в том смысле, что усилило революционный лагерь сравнительно многочисленным и крепко спаянным пролетариатом, а лагерь реакции новым союзником — буржуазией. От этого революция не могла стать буржуазной, наоборот, ее антибуржуазная сущность скорее еще более усугубилась.

При таком соотношении сил только догма, упорно борющаяся с фактами жизни, могла утверждать обратное. Партия С. Р. догматическими очками не портила себе исторического зрения.

«Вследствие такого соотношения сил, провозгласила она в своей программе, а также неразрывной связи политического кризиса с экономическим, необходимой задачей партии является *расширение и углубление в революционный момент тех социальных и экономических перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия*». А далее, в самом конце программы стоит положение, что свою программу переустройства всех современных отношений партия будет, «как отстаивать в Учредительном Собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период».

Докладчик по программному вопросу на I-ом съезде партии С. Р., ссылался на эти два положения, утверждая, что наша непримиримая точка зрения «буржуазной революции» самым определенным и решительным образом выступает здесь в форме отчетливой, положительной формулировки этого взгляда. Верная своей исходной точке зрения, партия С. Р. поставила себе задачей стремиться к осуществлению своего конечного идеала через использование, «как всех положительных сторон хозяйственного развития, совершающегося в капиталистических формах, так и способность к самостоятельному хозяйственному творчеству рабочих масс, как пролетаризованных, так и непролетаризованных».

Для осуществления такой задачи в русских условиях нужно было, конечно, выдвинуть на первый план общину и своеобразие земельного строя и психологии крестьянства. Партия С. Р. и объявила своей целью «использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно - собственнических начал», как гласит ее программа, трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся. «В этих видах партия выдвинула социализацию земли, превратившуюся в краеугольный камень ее программы. Этим самым уже последняя получила яркий анти-

буржуазный характер, не говоря о том, что в разделе ее, посвященном рабочему вопросу, также имеются требования, как, например, минимум заработной платы, тоже далеко не укладывающийся в рамки классического капитализма.

Но необходимо еще принять во внимание то важное обстоятельство, что программа партии С. Р. была *программой минимум*, рассчитанной на тот случай, когда организованный в социально-революционную партию рабочий класс в *меньшинстве* и сможет оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства.

В таком предположении, правда, скрывалось внутреннее противоречие, оно не соответствовало тому анализу соотношения социальных сил, который был дан в введении к программе, — в нем сказывался некий пессимизм по отношению к тем самым массам, которые революция должна была выдвинуть на арену истории. Но во всяком случае именно так понимала и определяла партия С. Р. сущность своей программы. Для того же случая, если бы партия сама в период революции очутилась у власти, никаких программных мер заранее не намечалось.

С'ездовский докладчик объяснял это тем, что «нам нечего заранее ограничивать себя в этом отношении какими либо рамками; это сделает жизнь. *Мы не кладем заранее никаких ограничений революции* — единственным ограничением будет количество тех материальных сил, которые развернутся в процессе революции».

В другой речи тот же докладчик при единодушном одобрении с'езда эту точку зрения выразил еще более резко: «Для нас не существует того другого ограничения, тех других рамок революционному деланию, которое существует у социал-демократов, то есть недостаточной зрелости самого капитализма. Мы не считаем себя призванными содействовать его созреванию, ни обязанными дожидаться его. Везде, где мы считаем возможным по соотношению активных революционных сил, мы готовы стремиться ограничить площадь всевластия капитала»...

В период раннего народничества, в эпоху Герцена и Чернышевского социалисты народники верили, что революционной интеллигенции удастся объединить трудовые массы и организовать Россию на началах социализма, прежде чем капитализм успеет захватить под свою власть народное хозяйство или часть его. С этим были связаны надежды на то, что России удастся обойти фазис капиталистического развития.

Партия С. Р. такой веры не исповедывала и таких надежд не питала. Для нее речь шла не о немедленном создании социалистического общества, а о том, чтобы повернуть Россию на путь развития, обеспечивающий свободное, но преобладающее влияние труда на социальное строительство. Согласно ее воззрениям, революция не должна была — ибо это не соответствовало бы объектив-

ным возможностям — уничтожить полностью и без остатка капитализм, но создать такие условия, при которых развитие его в России не могло бы дойти до своего апогея.

В строе, намеченном эсэрами, рядом с новыми трудовыми формами оставались и капиталистические отношения, но «при ограничении всевластия капитала», постепенно и творчески вытекающего ростом первых.

Выдвигая такую программу революции, эсэры ждали ее осуществления *от внутренних сил русского народа*. Они отказались рассматривать грядущую революцию, как буржуазную потому, что учитывали, подобно их предшественникам, исторические особенности России и подобно им же верили в способность русских трудовых масс, «как пролетаризированных, так и непролетаризированных» к *самостоятельному хозяйственному творчеству*. Эсэры отрицали, что можно капиталистической дубиной вогнать русский народ в эллизиум социализма, — но точно также их мировоззрение отвергало возможность достичь такого результата при помощи дубины диктатуры «революционного авангарда». Путь к социалистическому строю лежал для них через непосредственную творческую работу самих трудящихся классов. Тем самым все эсэровское мировоззрение органически вдвойне приковывалось к идеям свободы и народовластия. Во первых, потому, что для них начало и конец человеческой личности, а, следовательно, всякое подавление ее непримиримо противоречит смыслу и целям борьбы за прогресс.

Во-вторых, по той причине, что вся их программа «небуржуазной революции» основана на вере в способность широких масс к самостоятельному хозяйственному творчеству, которая только в режиме народной демократии и может проявиться. А соотношение социальных сил в России, дающее огромный перевес труду, укрепляло в них уверенность народолюбцев в огромном социальном революционном значении «народного самоуправления». Оно является не простым механическим придатком в эсэртстве, а как бы неотделимым куполом, венчающим все его мировоззрение.

Партия С. Р. была *единственной партией* в России, отрицающей буржуазный характер революции, ставившая ей целью «глубокие имущественные и хозяйственные изменения». Она была *единственной русской социалистической партией*, строившей свою программу на своеобразии российских условий, в то время, как обе разновидности социал - демократии, большевизм и меньшевизм, решительно его отрицали и с одинаковым упорством провозглашали реакционной утопией всякую попытку ломать рамки

капитализма. Революция должна была послужить пробным камнем в этом смысле и разрешить долго тянувшийся спор между революционным народничеством и марксизмом. Она безапелляционно разрешила его в пользу первого. Неслыханное торжество партии С. Р. не было случайностью. Все ее предвидения оправдались. Теория буржуазной революции оказалась вмиг разбитой в прах действительностью.

Буржуазия, после первых колебаний, вызванных испугом — и как не пытались привлечь ее к колеснице революции, не преминула воссоединиться с своими бывшими союзниками бюрократией и дворянством, и реакционный тройственный союз времен царизма очень скоро воскрес в другой форме под эгидой контрреволюции, объединившей все эти три силы. И на ряду с этим другой противостоящий ему, по определению эсэров, тройственный союз, союз крестьянства, пролетариата и трудовой интеллигенции, немедленно же, как бы самопроизвольно создался, озаренный пламенем революции и образовал ту самую революционную демократию, которая фактически превратилась в хозяина России, без усилия отеснить на задний план мечтавший о направляющей роли беспочвенный буржуазный либерализм. Община не только оказалась живой, но и проявила громадную творческую мощь, превратившись в орган земельной революции и немедленно впитала в себя образно тех, кто из нее при самодержавии выделился. Крестьянство не менее полно оправдало надежды эсэров, — мужицкая Русь, можно сказать, почти единогласно проголосовала программу социализации земли.

Марксисты - меньшевики пытаются теперь задним числом «опорочить» этот вотум. Попытки меньшевизма, конечно, удивлять не должны. Ведь, он продолжает традиции тех самых «проницательных» русских «революционных марксистов», которые еще перед самым 1905 годом утверждали с громадным теоретическим апломбом, что экспроприация земли, значившаяся в программе С. Р., есть вредная утопия, ибо такая мера может быть осуществлена лишь при социализме. Меньшевики теперь во всяком случае намекают на то, давая, по своему обыкновению, черезчур упрощенное объяснение, что голосованию крестьянства за социализацию земли не следует придавать значения, потому, мол, что мужик готов был голосовать за любую программу, обещающую ему землю.

Меньшевики забывают лишь, что мужик голосовал не только за это, но и за перевод в общенародное достояние своего собственного земельного участка. Они забывают при этом — или не знают, — что русское крестьянство, помимо наделной земли — неотчуждаемой, — владело еще на началах частной собственности миллионами десятин земли купчей и это, однако, не помешало ему принять программу социализации, распространяемой и на нее.

Жаль, что меньшевистские писатели не дали себе труда познакомиться хотя бы бегло с тысячами и тысячами крестьянских наказов, в которых формулированы политические и экономические требования «земляной» России. Они бы тогда легко убедились в том, как сильно владела мужицкими умами забота об устройстве справедливого земельного строя на чисто трудовых началах. Они бы столь же легко убедились и в том, насколько чуждо было русскому крестьянству чувство преклонения перед буржуазными принципами и перед капитализмом. Если уже в крестьянских наказах французской революции чувствовалась, по свидетельству Жореса, «смутная неприязнь к буржуазии», то в таких же наказах революции русское отрицательное отношение к буржуазному классу, как к эксплуататору народного труда, проступает определенно и сильно.

И экономические требования крестьян, не говоря уже о социализации земли — обстоятельство огромной исторической важности — далеко выходило за рамки капиталистического строя.

Впрочем, достаточно напомнить тот факт, что меньшевизм, как таковой, по своей численной силе и идейному влиянию в массах занимал в русской революции очень маленькое место. И объяснялось это, конечно, тем, что его программа, построенная только на защиту рабочих в условиях капитализма, абсолютно не соответствовала глубокому и сложному содержанию совершившегося в России исторического социально-революционного переворота. Такова была бы без сомнения и судьба большевизма, если бы Ленин, защищавший программу «введения русской деревни в условия буржуазного существования», не переменял круто во время войны своей позиции, уверовав в то, что военные напряжения неизбежно вызовут крушение всего здания мирового капитализма.

В первый период революции и в городе, и в деревне, и в армии, и во флоте, борьба фактически шла только между двумя силами — эсэрами и большевиками. С одной стороны, программа революционного преобразования России, основанная на реальном факте ее исторических особенностей и к ним приспособленная и ими определяемая, с другой — фантастический план немедленного скачка в социализм, эти особенности совершенно игнорирующая и построенная исключительно на утопической оценке революционных перспектив Запада.

Быть может, величайшим трагическим парадоксом истории является то, что в этой борьбе победили не эсэры, твердо стоявшие на почве возраставшей их российской дореволюционной действительности, а чуждые ей, витавшие в облаках своих безумных утопий — большевики.

Но вина, конечно, не в эсэровской идеологии, правильно обобщавшей содержание и направление русской революции, а в слабости тогдашнего политического руководства партией. Оно не

сумело создать себе правильное представление о размерах и очертаниях поля, где происходила битва, ни о расположении и вооружении борющихся на нем сил. Верхи партии, захваченные бурным водоворотом событий в стране, потрясаемой одновременно внутренней революцией и внешней войной, не сделали практических действенных выводов из общей революционной концепции эсэровства.

Революционный порядок ими был понят, как безграничная свобода, почти исключаящая применение насилия. И вместе с тем они забыли осуществить то важнейшее положение эсэровской программы, которое гласит, что «свою программу переустройства она будет, как отстаивать в Учредительном Собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период». Охваченные, под влиянием своих верхов мистическим преклонением перед буквой народовластия (в данном случае противоречившей его сущности), эсэры принесли ему в жертву немедленное разрешение величайшей проблемы революции — земельного вопроса и не попытались провести «непосредственно в революционный период» центральный пункт своей программы — земля народу.

Больше того, в этот период и в силу указанной причины, власть, долженствующая олицетворять революцию, в неслыханном ослеплении защищала против тех самых крестьянских масс, которые составляли крепость эсэровства, дореволюционные отношения собственности в деревне, во имя уничтожения которых крестьянские массы восстали против старого режима.

На этих двух роковых подводных камнях — неправильное толкование революционного порядка и непонятное увлечение демократическим формализмом, эсэровский корабль, несшийся по волнам родной ему стихии, и потерпел крушение.

Но это было крушением ложной политики водительства партии С. Р., *но отнюдь не эсэровства, как современного выражения революционного народничества.*

Слишком глубоко были его корни в российской почве, чтобы политическое поражение партии, его воплощавшей, могло поставить на нем крест.

Все дело в том, что, несмотря на торжество большевизма и на проделанные им над страной эксперименты, новая Россия, вышедшая из горнила революции, продолжает развиваться и еще более выпукло выявляет как раз те особенности свои, которые обуславливали содержание революционного народничества.

Большевики упразднили капитализм и стараются, после неудачи первых своих опытов, заменить его капитализмом государ-

ственным, расширяя все более поле деятельности и для частной хозяйственной инициативы. Но, несмотря на все их усилия, Россия остается страной сельской, гораздо более сельской, чем при самодержавии и еще очень долго, и каковы бы ни были меняющиеся условия жизни, земледелие будет огромно перевешивать над всеми остальными отраслями народного хозяйства.

Если до революции внутреннее социальное сложение России в виду относительной слабости удельного веса эксплуататорских классов, было преимущественно трудным, то теперь после уничтожения или подавления последних, этот характер его еще более усугубился, причем именно крестьянство расширило в нем свое прежнее место. Сейчас Россия почти сплошь крестьянская страна с сравнительно немногочисленным, хотя и компактным пролетариатом и весьма незначительными прослойками элементов, могущих лишь условно подойти под категорию буржуазно - капиталистических.

Если при старом режиме русское крестьянство было слабо дифференцировано экономически, то теперь оно стало в этом отношении еще более однородным, — почти сплошь «средняцким». Земельная революция привела к сокращению его флангов — кулацкого и батрацкого — и к расширению за их счет трудовой середины. Недаром большевики были вынуждены отказаться от своей коммунистической политики раскалывания деревни путем противопоставления ее мнимо дифференцированных частей: бедняков и зажиточных. Она оказалась построенной на зыбком песке большевистских фантазий и потерпела жалкое крушение, разбившись о внутреннюю однородность крестьянства.

Революция блестяще подтвердила эсэровский оптимизм в отношении трудовых воззрений русских крестьянских масс. Но и большевистский период не дал никаких, скольконибудь, серьезных данных, позволяющих утверждать о совершающейся среди этих масс обратной эволюции. Община и при большевизме не разрушается, сохраняя свою жизненную силу. И что бы там ни говорили ревнители частной собственности, никто еще не привел доказательств, чтобы где-нибудь русские крестьяне в массе выдвигали требование, противоречащее их веками выработанной психологии о превращении земли в предмет купли - продажи. Оно, впрочем не диктуется им ни их хозяйственными навыками, ни их экономическим интересом, и даже меньшевики, весьма склонные рисовать крестьянство в виде «мелко-буржуазного» дьявола, вынуждены признать, что «не в этом месте жмет крестьянский сапог». А на ряду с этим быстро нараставшие семена революции начинают давать всходы — политическая активность масс, могучее почвенное стремление к «народному самоуправлению». По жестокому капризу истории эсэры были временно побеждены большевиками. Но рука исторической Немезиды чувствуется в том, что при

мнимо-всесильной большевистской власти в новой России, не исчезают и даже не сокращаются, а наоборот, усиливаются основные предпосылки эсэровской революционно-народнической программы, фактом своего усиления выбивая все больше почву под большевизмом. Эсэрам, хотя и побежденным в 1917 году, не приходится отказываться в применении к России своей теории вмешательства в исторический процесс для творческого осуществления шага в сторону своего конечного идеала.

Ибо особенности, на почве которых оно мыслилось, в процессе революции не только наметилось явственно, но и оформились в яркой рельефности. Теперь ясно даже, что шаг может быть сделан более широкий, чем это предполагалось в тот период, когда выработывалась эсэровская программа.

Революция не создала и не могла создать в России почвы для коммунизма, но она глубоко вспахала российскую землю для взрастания и широкого развития оригинальных промежуточных трудовых форм, как этапа на пути к будущему.

Как правильно указывает К. Р. Кочаровский в своей последней работе («Социальный строй России»), «можно допустить взрастание буржуазии в России, как некоторого социального отростка, охватывающего некоторые социально - экономические области»... но «никак нельзя ожидать гегемонии буржуазии, нельзя ожидать, чтобы она, как бы взамен самодержавия, стала новым организующим центром новой социальной системы».

Таким центром в силу объективных условий, созданных революцией, может стать, согласно основной концепции народничества, — труд.

Правда, некоторые, так называемые, «правые» эсэры проповедуют теперь обратную теорию, сближаясь в этом отношении с меньшевиками, все надежды восстановления России возлагают на капитализм, перевернув вверх дном народническую теорию, на Западе он приближается к закату, а в России перед ним необъятные перспективы.

Эта теория, как и всякая искренняя попытка к обобщению действительности, имеет, конечно, полное право на существование. Но она взамен не имеет ничего общего с эсэрством, которое можно принимать или отвергать, но в которое бесполезно пытаться владывать абсолютно противоречащее ему содержание. Поскольку такой «груз» проводится под эсэровским флагом, это есть, конечно, определенная «контрабанда»... Что же касается до большевизма, то трагедия его в том, что, вопреки всем его стараниям, в России осуществляются предпосылки не большевистской, а эсэровской программы. Но трагедия самой России в том, что, несмотря на наличие и развитие именно таких предпосылок, над нею

все еще продолжает господствовать коммунистическая диктатура. Эти два трагических противоречия запирают тупик, в который уперлась русская революция.

Своеобразие российской действительности давит на чуждых ей большевиков и заставляет их видти от отступления к отступлению. Но, отступая, они лишь пытаются приспособлять свою политику к условиям жизни, *не меняя, однако, ее исходной точки.*

Так было с нэпом и неопэпом, так обстоит дело с индустриализацией и «экономией» и всеми досужими вымыслами большевистских фантазеров.

В этом главная причина хронического и неуклонно обостряющегося кризиса большевизма.

Диктатура душит своей тяжестью все возможности социального прогресса, она сдавливает и не дает свободного выхода той громадной творческой энергии, которой революция налила жилы русского народа. Она заграждает дорогу «народному самоуправлению», которое в России, где не существует, как на Западе, могучих классовых сил и пережитков прошлого враждебных демократии искажающих ее существо, могло бы означать настоящее самодержавие народа, нигде до сих пор еще не осуществленное.

Раньше у нее было ложное оправдание — надежда на мировую революцию, теперь ведь и этого нет. Она существует лишь для того, чтобы позволить Сталиным и Бухариним совершать поутги на осуществление своих социальных чудачеств. Вот что противопоставляется законному самодержавию народа. Но в этом то и заключается измельчание большевизма, так высоко взлетевшего и так низко севшего. В этом то признак его безнадежного вырождения.

Революция, изуродованная большевизмом, берет свой реванш над ним.

Приспособляясь к условиям жизни, но сохраняя при этом свою исходную точку, большевики лишь усиливают те самые противоречия, которые изнутри расшатывают их партию, разлагают ее и приближают к могиле.

Или большевизм от этой своей исходной точки откажется и тем перестанет быть большевизмом, или он разложится, — здесь третьего не дано.

Своеобразие России неуклонно предопределяло ликвидацию этого чужеродного нароста на ее теле. Судя по последним событиям, процесс этой ликвидации уже начинается.

Е. Сталинский.

Иностранная жизнь

Причины и последствия переворота в Польше

Варшава, столица Польши, в продолжении трех дней была полем вооруженной битвы между расколовшейся на две части польской армией. Битву эту вызвал Пилсудский, который, взбунтовав часть армии и став во главе ее, потребовал от президента республики Войцеховского отставки правительства Витоса. Войцеховский категорически отклонил это требование, обосновывая свой отказ тем, что «правительство Витоса пришло к власти согласно конституции и имеет в Сейме значительное большинство». Пилсудскому, желавшему ограничиться только демонстрацией, после этого ответа не оставалось ничего другого, как поддержать оружием свое требование. Президент Войцеховский и правительство Витоса приняли брошенный вызов и на улицах Варшавы началась регулярная битва между войсками, верными правительству, и войсками, ставшими на сторону Пилсудского.

Как могло случиться, что бывший первый президент республики, один из самых главных и заслуженных борцов за независимость Польши, один из самых активных создателей молодого государства, победоносный военный вожь, вступил на путь бунта против демократической конституции, против президента и против легального правительства?

Если искать аналогии, то, казалось бы, что Пилсудский пошел по линии Муссолини, Примо де-Ривера или Пангалоса, — иными словами — по линии диктатуры, попрания конституции сапогами восставших солдат, попрания демократических принципов государственного строя...

А, между тем, случилось иначе.

Прежде всего вооруженное восстание Пилсудского было принято с энтузиазмом широкими демократическими кругами интел-

лигенции, всем рабочим классом, крестьянами и национальными меньшинствами.

Если Пилсудский победил, то только благодаря помощи рабочего класса. Железнодорожники бастовали, задерживали войска, идущие на помощь правительству и, наоборот, содействовали продвижению войск, идущих на помощь Пилсудскому. Польская социалистическая партия (P. P. S.) объявила всеобщую забастовку, которая блестяще удалась, жители Варшавы добровольно приняли участие в борьбе, и последний день битвы был днем битвы войск и жителей Варшавы против правительства Витоса.

Если Войцеховский и правительство Витоса сдались, то только благодаря тому, что поняли, что вся страна, кроме Познани, сочувствует Пилсудскому.

Пилсудский победил — все ожидали, что он провозгласит себя диктатором. Между тем, Пилсудский властной волей направил события в русло конституционное. Председатель Сейма Ратай, согласно конституции, временно взял на себя функции президента и поручил проф. Бартлю сформировать правительство, в котором Пилсудский получил портфель министра военных дел. Итак, вчерашний бунтовщик, 15-го мая фактический диктатор Польши, 16-го мая вместе с другими министрами присягал на верность конституции. Дальше уже события пошли без заминки, путем конституции. 31 мая создано Национальное Собрание (Сейм и Сенат вместе), которое выбрало Пилсудского президентом, исполняя волю огромного большинства всего населения Польши, без различия национальностей. Пилсудский выбора не принял. 1 июня Национальное Собрание собралось вторично и выбрало президентом проф. Мосцицкого, известного, европейской славы ученого, просвещенного демократа и республиканца, личного друга Пилсудского.

Итак, вооруженная борьба на улицах Варшавы дала только смену президента и правительства, но не нарушила основ польской государственности и ее конституции. А если так, то во имя чего произошла эта гражданская война и в чем ее причины?

Пилсудский определенно и ясно сказал, что поднял оружие во имя того, чтобы в Польше было меньше несправедливости, подлости и воровства, иными словами — поднял оружие *во имя морального* возрождения государственной и общественной жизни в Польше.

Действительно, упадок общественной жизни в Польше принимал с каждым днем все более и более грозные размеры, со дня на день количество растрат и панам в учреждениях увеличивалось, польская бюрократия начинала делаться каким-то могущественным деспотом, ведущим свою собственную политику с каждым днем все более и более реакционную. Одной из главных причин этого

бюрократического засилья было то, что бюрократию мы получили в наследство из России и Австрии.

Почти все теперешнее польское государство, за исключением Галиции, не имело своей польской администрации. Ее надо было создать из ничего! Естественно, что в нее влились в качестве кадров бывшие русские и австрийские чиновники, которые в огромном большинстве совершенно или обрусели или онемечились, и, во всяком случае, были носителями реакционного духа и сервилизма русской и австрийской бюрократии. И вот, эти люди, выброшенные событиями за борт, припомнили о своем польском происхождении и ринулись в Польшу, где быстро овладели всем государственным аппаратом, внося в него все свои недостатки, то-есть взяточничество, реакционность и угодничество. Таким образом, польская бюрократия очень скоро сделалась опорой и союзником польских реакционных и буржуазных партий, которые быстро развратили высшие круги бюрократии, заинтересовывая их в своих банковых и промышленных предприятиях.

В результате этого явления, польская бюрократия стала играть все большую и, к несчастью, все более пагубную роль в жизни государства. Слабость правительства усиливала бюрократический произвол. На горе Польши, польский парламентаризм родился под несчастной звездой; он в значительной степени несет ответственность за майские события. Польский парламент избирается на основе пятихвостки, на этой же основе было создано Учредительное Собрание. Но ни в Учредительном Собрании, ни в нынешнем Сейме не было и нет действительного постоянного большинства. Наоборот, великое множество мелких партий, вследствие чего беспаянность, дразги, партийные расколы и т. д. Этим объясняется, почему в Польше с момента созыва Учредительного Собрания, то есть с января 1919 года, до майского переворота не было ни одного сколько нибудь сильного и значительного правительства. Каждое правительство держалось милостью или немилостью нестойких партий, зависело от непостоянства, а часто случайного большинства в Сейме. В Учредительном Собрании слабость правительства уравновешивалась могучей волей Пилсудского, первого президента Республики и верховного вождя во время войны, что давало ему в руки фактически огромную власть.

Совсем иной, и фактически гораздо худший оборот, дело стало принимать при нынешнем Сейме, выбранном уже на основе конституции 17 марта 1921 года. К несчастью, эта конституция обладала большими дефектами, которые и до сих пор мстят государству весьма трагически.

Проклятием конституции 17 марта было то обстоятельство, что большинство Учредительного Собрания голосовало за нее из за недоверия и неблагоприятия к Пилсудскому. Правые партии, обладая незначительным большинством в Учредительном Собра-

нии, приняли конституцию, думая, что Пилсудский, пользовавшийся огромной популярностью, будет избран президентом. Уверенные в этом, они постарались роль будущего президента заблаговременно свести к нулю. Поэтому-то они провалили требования левых партий об избрании президента, как, например, в Германии, всеобщим голосованием (прямые выборы). Нашего президента избирает, по примеру Франции, Национальное Собрание (Сейм вместе с Сенатом). Во всем остальном наш парламентский строй является точной копией французского с еще большим ограничением прав президента; последний — по существующей конституции не имеет права распустить Сейм и назначить новые выборы, лишен права наложить вето на постановления Сейма и Сената, не может быть главнокомандующим во время войны, не имеет права заключать иностранных займов и заключать союзов с другими государствами без согласия Сейма, не имеет права амнистии; министры являются ответственными только перед Сеймом, благодаря чему президент может выбирать совет министров, имеющий большинство в Сейме.

Так же точно малы права и Сената. Избирается он на основании той же пятихвостки (разница только в возрасте: для избираемых 30 лет вместо 21 года в Сейме, а для избираемых 40 лет, вместо 25 лет в Сейме). Так же ограничены права Сената относительно вето: каждое постановление Сейма поступает в Сенат, сделать и какие именно изменения. В случае, если такого протеста который в течение 30 дней должен высказаться, желает ли он не последует, постановление Сейма становится законом. В случае несогласия, Сенат обязан в течение следующих 30 дней вернуть законопроект в Сейм с предлагаемыми поправками и Сейм или принимает его обыкновенным большинством или отбрасывает 11/20 голосующих. Если не находится ни обычного большинства для принятия, ни нужного количества для его провала, весь законопроект возвращается в комиссию Сейма, чтобы снова вернуться к прежней процедуре. Кроме того, Сенат может не по собственной инициативе, но по предложению президента большинством 3/5 законного количества членов назначить роспуск Сейма — тем самым и Сената.

Но такая привилегия является в сущности мертвой буквой, так как Сенат, выбранный на одинаковых началах с Сеймом, является его копией. В то же время Сейм по собственной инициативе может себя распустить, а Сенат может утвердить роспуск двумя третями голосов при наличии половины законом установленного числа сенаторов.

Отсюда явствует, что вся власть в Польше фактически находится в руках Сейма, который имеет право обычным большинством выразить вотум недоверия, как всему совету министров, так и отдельным министрам.

При таких обстоятельствах только солидарное и крепкое большинство в парламенте могло обеспечить правительству, которое вышло из его среды, достойный авторитет и поддержку. Но случилось иначе. Выборы в нынешний Сейм не дали никакой партии, ни даже блоку родственных партий крепкого большинства. Однако, на Национальном Собрании в декабре 1922 года Пилсудский мог быть избранным в президенты только при помощи национальных меньшинств. Но он категорически отказался от кандидатуры, заявив, что не желает быть «*пленником в золотой клетке*». Выбор пал тогда на Г. Нарutowича, а после убийства его сумасшедшим националистом, на Ст. Войцеховского, — оба были кандидатами «левицы». Но с'организовать в Сейме постоянное большинство ни «*правица*», ни «*левица*» не смогли. Создалось полупарламентарное правительство генерала Сикорского, которому пришлось лавировать в Сейме. Между тем, крестьянская партия центра «*Пяст*», которую от правых партий отличает только программа аграрной реформы, побраталась с правыми, и создавшееся таким образом большинство свергло Сикорского, призвав на пост премьера Витоса. Однако, создавшееся большинство было искусственным, так как рядом с крестьянской партией «*Пяст*» в пей очутилась помещичья партия — «*народно - христианская*», между сторонниками той и другой началась тихая, но упорная борьба из - за аграрной реформы, которую все время саботировали. Кончилось дело расколом «*Пяста*» и падением премьера Витоса. После этого Сейм разделился на совершенно почти две равные части. Стало немислимым никакое большинство.

А положение страны становилось все трагичнее и требовало немедленной поправки. При таких обстоятельствах, появилось на свет правительство проф. Грабского, известного экономиста, который получил от Сейма огромные полномочия в области финансово — податной.

Действительно Грабский упорядочил финансы: основал Польский Банк, установил польскую валюту («*злотый*»), наладил податную систему, ввел монополии: табачную, водочную, спичечную.

Тем временем, вследствие неспособности Сейма к плодотворной работе, все другие стороны жизни оставались в полном заgone. И это обстоятельство парализовало все положительные результаты реформы Грабского.

В половине 1925 года было ясно, что правительство Грабского свою роль уже выполнило и должно отойти, что нужны новые выборы в Сейм.

Вот когда начали сказываться пагубные результаты погрешностей Конституции. Президент не мог распустить Сейма, а сам Сейм этого не хотел, потому что *правые партии*, без которых не набиралось нужного большинства, понимали, что на-

строение страны *изменяется влево*. Искусственно поддерживая агонию правительства Грабского, правые навязывали ему высших чиновников, министров, добивались податных льгот, правительственных субсидий в торговле и промышленности. Начинается период небывалого морального упадка в политической жизни страны. Партия «Пяст» — представительница состоятельного крестьянства и „Związek Ludowo Narodowy“ представляющий крупную промышленность и крупную земельную собственность, начали в широком масштабе заполнять своими людьми места директоров правительственных предприятий (в монополиях, шахтах, лесах), в банках, посты министров и высших чиновников, воевод в провинции и т. д.

Таким образом, польская бюрократия перестала быть орудием в руках правительства и оказалась «распарцелированной» между партиями.

Между тем, Сейм падал все ниже и ниже, не имея возможности провести никакого закона, так как каждая партия проваливала проекты противоположного течения.

вратился в рассадник совершенной немощи и анархии; неспо-

Всесильный, по видимости, Сейм в действительности пресобный на проведение какой бы то ни было самостоятельной политики, он только парализовал деятельность правительства Грабского и деморализовал весь правительственный аппарат.

Такого положения не мог перенести Грабский и в конце 1925 года ушел в отставку. Казалось бы, Сейм должен распустить сам себя. И опять он пошел иным путем — путем нахождения нового большинства — создания коалиции различных польских группировок ППС (польская социалистическая партия) и НПП „Narodowa Partja Robotnicza“ в виду свирепствовавшего кризиса в промышленности и безработицы, решились войти в такое правительство; отказались от участия радикальная крестьянская партия „Wyzwolenie“ и „Stronictwo Chlopskie“. Таким образом, создалось искусственное большинство из коалиции реакции с рабочими группировками. Еще раз повторяю, что преобладающим мотивом при этом было стремление разрешить вопрос о безработице. Надежда оказалась обманчивой, правительство Скужинского ничего не могло сделать, слишком противоречивыми были стремления партий, входивших в коалицию. Но еще худшим было то обстоятельство, что дальнейшая деморализация среди бюрократии не прекращалась, оргия произвола и злоупотреблений расцветала по прежнему. ППС была слишком слаба, чтобы в одиночку побороть, так как НПП оказалась втянутой в это болото и стала принимать участие и оказывать поддержку в правительственных учреждениях раз-

ным предприятиям, делившимся своими доходами с партийной кассой.

При таком положении дела для ШПС не оставалось ничего другого, как выступить из правительства; это было в апреле 1926 года, а 4 мая Скинский подал в отставку. И опять Сейм пробует состряпать правительство из своей среды. После различных попыток, склеилось новое большинство из правых партий вместе с «Пяст»-ом и «НПР». Таким образом образовалось правительство Витоса, Здзеховского, Станислава Грабского, Керника. Это было правительство реакции, правительство партий, которые считают, что правительство затем и существует, чтобы облегчить интенсивную эксплуатацию со стороны крупной промышленности, торговли, богатого крестьянина и банков. Это правительство обладало 40 голосами большинства в Сейме, поддерживалось изподтишка еврейским и немецким клубами, общественным интересам которых оно отвечало; оно могло бы продержаться все время, оставшееся до выборов, то есть полтора года, но для страны могли бы от этого получиться слишком страшные результаты. Это правительство должно было начать с очищения армии от сторонников Пилсудского, то есть от демократического элемента среди офицерства, с окончательного овладения правительственным аппаратом, затем провело бы в Сейме изменение конституции с надломом пятихвостки (для чего было нужно обычное большинство), таким образом, чтобы в будущем Сейме иметь решительное реакционное большинство.

Таково было положение дел перед майскими событиями. Пилсудский, видя, что левые партии, бессильные столкнуться для общего выступления, не смогут совершить решительного шага, усиленно работал над тем, чтобы не допустить создания подобного правительства. Когда же все таки подобное правительство образовалось, решил его свергнуть сам при помощи вооруженной демонстрации. У Пилсудского не было намерения устроить вооруженное возмущение, он хотел при помощи угрозы заставить Войцеховского распустить правительство Витоса. Однако, Войцеховский слишком дословно понимал свою верность конституции, а, кроме того не хотел уступить производимому над ним насилию; кабинет же Витоса знал, что ему-то терять нечего. Таким образом, началась борьба, в которой Пилсудский имел на своей стороне всю демократию, и которую он поэтому выиграл.

Вот почему ясно, что Пилсудский не стал диктатором; уже не говоря о том, что он не хотел им стать и не желал гражданской войны с Познанью, он совсем не собирался уничтожить демократического строя в Польше. Наоборот, он хочет укрепить демократию, хочет этого добиться, идя путем мирных реформ. Поэтому-то он не согласился быть президентом, ибо при современ-

ной конституции он сразу превратился бы в пленника Сейма или же должен был бы сразу же на следующий день ломать конституцию. Одно дело ломать ее, будучи свободным обывателем, стоящим в стороне; и совершенно другое дело, — будучи главой государства. Отсюда вытекает отказ от президентства и удержание для себя только портфеля министра в кабинете умеренного демократа и республиканца Бартля.

Но разве только в этом суть? Нет, последствия майских событий только теперь начинают сказываться. Пилсудский прежде всего занялся самым энергичным образом реорганизацией, «чисткой» войска. Устраняет старых реакционных генералов, по наследству доставшихся нам от русской и австрийской армий, устраняет фашистские элементы, ликвидирует излишек бюрократических учреждений, — словом, армию превращает в спокойный и правильно заведенный государственный аппарат, всецело ему послушный и одновременно проникнутый современным демократическим духом.

С другой стороны, правительство Бартля ставит себе целью очищение чиновничьего и государственного аппарата от скомпрометтированных, воровских, партийных или неумелых чиновников; с каждым днем увеличивается число чиновников, ставленников Витоса, Корфанта и «narodowej demokracji», выкидываемых из администрации. Таким образом, нужно надеяться, что через полгода и государственный аппарат будет реорганизован надлежащим образом, освежен, очищен от подкупных и негодных элементов.

Наконец, остается последняя радикальная реформа — восстановление равновесия между властью исполнительной и законодательной. Как было уже сказано, до сих пор в Польше первая целиком зависела от второй.

Эта утечка сильной исполнительной власти в пользу всемогущей законодательной власти и реакция против такой утечки — явление обычное для всей Западной Европы. И непопулярность сеймового правления в Польше, так же как и общая для всех тоска по сильному правительстве не являются специфически польскими. Но в Польше нашелся сильный человек, который хочет вернуть исполнительной власти надлежащий ей авторитет. Однако, в то время, как в других государствах сильные люди пошли дорогой диктатуры, Пилсудский пошел путем очень рискованным, — путем убеждения, путем попытки при помощи общественного мнения оказать давление на Сейм, чтобы он сам ограничил свою власть. Эксперимент можно считать пока успешным. Доказательством успеха может служить факт избрания Национальным Собранием президентом Пилсудского. Тем самым были легализованы и получили моральную санкцию майские события.

Национальное Собрание производило выборы при условиях

полной физической свободы, в атмосфере небывалого по солидарности морального давления широчайших народных масс, жаждущих видеть Пилсудского главой государства.

Правительство Бартля внесло в Сейм проект изменения конституции (который и был в главных чертах принят). Стоит приглядеться ближе к нему, так как сам факт подобного предложения мог стать возможным после майских событий.

Главные пункты проекта были следующие:

1. Президент имеет право роспуска Сейма и Сената или по предложению Совета Министров или на основании постановления — Сейма ли, Сената ли — безразлично, сделанного двумя третями голосов, при наличии половины установленной нормы депутатов или сенаторов. Постановление одной палаты автоматически влечет за собой роспуск другой. Как я уже упоминал выше, только Сейм мог распустить и себя и Сенат вышеупомянутым большинством голосов; Сенат же это мог сделать лишь по инициативе президента.

2. Президент приобретает право вето таким образом: в течение 30 дней по получении одобренного Сеймом и Сенатом законопроекта, он имеет право в мотивированной форме потребовать повторного его рассмотрения в Сейме. Если последний снова одобрит проект абсолютным большинством требуемых нормой голосов, президент издает приказ об его обнародовании. До сих пор, как уже было сказано, президент был лишен права вето.

3. Сейм созывается в сентябре ежегодно на бюджетную сессию и в течение 4-х месяцев от момента внесения правительством проекта бюджета таковой должен быть принят. Если в течение этого срока Сейм этого не сделает, внесенный правительством проект бюджета получает силу закона. Подобная реформа имеет большое значение, так как до сих пор Сейм никогда во время не одобрял бюджета. Достаточно вспомнить, что в мае текущего года, то есть перед самыми майскими событиями, бюджет на нынешний год еще не был принят.

4. Президент, после искусственной или естественной смерти старых Сейма и Сената, до избрания новых, имеет право издавать распоряжения, имеющие силу закона; из его компетенции исключается право изменения конституции. Кроме того, Сейм специальным постановлением может передоверить президенту право издавать такие распоряжения — законы во время перерыва между двумя сессиями. Все распоряжения — законы, изданные президентом, должны быть в течение 15 дней предложены на рассмотрение Сейма по его открытии — для утверждения, без чего теряют силу права.

В виде исключения, правительство просит у теперешнего Сейма права для президента издавать распоряжения — законы во время сеймовых вакансий до 31 декабря 1927 года, то есть до конца су-

ществования нынешнего Сейма (Сейм и Сенат в Польше избираются на 5 лет). Этот последний параграф означает наиболее крупное изменение, почти революционный переворот. Он указывает на то, что ныне фактически правящий триумвират Мосцицкий-Пилсудский-Бартель не торопятся с выборами в новый Сейм. Они хотели, чтобы Сейм в июле месяце, утвердив изменение Конституции, раз'ехался на каникулы, чтобы снова собраться в сентябре. За это время правительство будет издавать декреты, в сентябре их предложат для утверждения Сейму; или до сентября будет Сейм распущен и назначены новые выборы, — таким образом, выигрывается четыре месяца — срок выборов. Другими словами, Сейм должен быть отодвинут в сторону и со стороны приглядываться к совершающейся правительством работе по реорганизации во всех областях жизни.

В случае, если бы таковые пововедения зашли слишком далеко, то изменение конституции предвидит такой выход: половина депутатов, то есть 223 (раньше $\frac{1}{3}$) имеет право требовать созыва Сейма и президент обязан это требование выполнить в течение 1 месяца.

Таковы последствия майских событий. Их породили бессилие и анархия Сейма, замирание исполнительной власти, использование правительственного организма для корыстных целей узкого партийного карьеризма.

Одним из главных результатов является изменение конституции 17 марта. Пилсудский, который мог эти изменения провести самовольно, после победы над правительством Витоса и его свержения, пошел иной дорогой — конституционной, домогаясь того, чтобы сам Сейм утвердил эти изменения. Сейм оказался в трудном положении. Правые партии принципиально желают усиления исполнительной власти, ибо в большей степени, чем левые партии, стремятся к власти; но, с другой стороны, они боятся отдать эту власть в руки Пилсудского, их заклятого врага. Левые партии не могут так скоро переломить в себе в течение нескольких десятилетий воспитанную в них боязнь пользоваться исполнительной властью и боязнь, как бы не умалить прав и авторитета парламента; с другой же стороны, знают, что Пилсудский эти полномочия и полученную свободу действия использует в целях установления действительного демократизма и честности в общественной и политической жизни Польши.

Поэтому-то Сейм и находился на распутьи. Но Пилсудский сумел заставить Сейм пойти на уступки, ему в этом помогли его могучая индивидуальность, колоссальное доверие к нему самых широких слоев народа и страшная ненависть и недоброжелательство к существующему Сейму, который считается (не без основания) источником той анархии, в которую оказалась вверженной политическая, общественная и экономическая жизнь страны. Как

уже говорилось, Сейм не сумел выделить из своей среды умелых и сильных правителей, правительства полупарламентарные он обессиливал; сам же в довершение бед, не утвердил ни одного более или менее важного законопроекта, предоставляя Польше довольствоваться старыми законами государств - завоевателей.

Сейм сначала принял проект правительства с возмущением, но под влиянием общественного настроения, которое категорически высказалось против дальнейшей диктатуры Сейма и желало укрепления исполнительной власти — начал уступать и делаться все более стоворчивым.

Сыграли роль в этой перемене настроений Сейма, которая привела его к моральной капитуляции, не только сознание своей непопулярности в стране, но и внутреннее бессилие и раздор.

Ибо Сейм имел только один выход — это, согласно конституции, самороспуск. Но для этого нужно было, чтобы за самороспуском высказалось 2/3 Сейма. Левые партии очень охотно шли на роспуск этого Сейма и на новые выборы, ибо знали, что после майских событий настроение страны было очень благоприятно для левых партий. Но знали это и правые партии и поэтому, как огня, боялись новых выборов — в результате в Сейме не нашлось двух третей голосов, необходимых для его роспуска. Не идти на новые выборы и одновременно все оставить по старому — было немислимо после майских событий. Поэтому правые партии решили пойти навстречу правительственному проекту изменения конституции, но с тем, чтобы попытаться изменить конституцию в направлении к реакции. Поэтому то правые партии внесли свои проекты изменения конституции, в которых имелось стремление сравнять Сенат с Сеймом в правах, придать Сенату более реакционный характер, имелось уничтожение пропорциональности, увеличение избирательного возраста для избирателей с 21 года до 25 лет и для депутатов с 25 до 30-ти и т. д. и т. д.

Левые партии, конечно, были против этих изменений, но эти изменения проходили в комиссии, ибо в ней требовалось обыкновенное большинство голосов. Однако, на пленуме Сейма изменение Конституции требует двух третей голосов, при наличии половины всего числа депутатов и сенаторов.

Правительство со своей стороны высказалось против всех этих поправок правых партий и на пленуме Сейма они провалились. Между тем, сознание необходимости ревизии конституции было общим, равно, как и сознание, что Сейм, который сам не хочет кончить свою жизнь и в то же время не способен к жизни, должен дать правительству возможность работы.

После долгих дебатов были Сеймом и Сенатом утверждены следующие изменения конституции:

1) Президент получил право роспуска Сейма и Сената по предложению совета министров.

Так как Сенат хотел получить равное с Сеймом право роспуска и себя и Сейма, то Сейм, не желая идти на уступку Сенату, лишил и себя и Сенат права роспуска. Итак, теперь только президент имеет право преждевременно распустить Сейм и Сенат.

2) Сейм и Сенат обязаны в продолжении пяти месяцев от момента внесения правительственного законопроекта рассмотреть и утвердить бюджет — иначе получает силу закона правительственный проект.

Как мы видели — правительство ставило срок в четыре месяца.

3) Предложение, требующее ухода в отставку правительства или отдельных министров не может быть поставлено на голосование на том же заседании, во время которого это предложение было внесено.

Этого пункта в правительственном проекте не было.

4) Президент имеет право на время, когда один Сейм окончит свою сессию или будет президентом распущен, а новый еще не соберется, издавать декреты, имеющие силу закона. Но президент не имеет права в этом случае проводить в декретном порядке изменения конституции, закона о выборах в Сейм и Сенат, установления новых налогов и увеличения старых, заключения союзов и объявления войны.

Кроме того, Сейм в виде исключения дал правительству проф. Бартля до конца сессии настоящего Сейма право издавать законы-декреты (не касающиеся вышеприведенных исключений), на время роспуска Сейма, а кроме того дополнительно из полномочий исключены законы о самоуправлении и школьные, так как этими вопросами Сейм хочет заняться сам.

Как видим, правительство Бартля все главные свои требования сумело отвоевать от Сейма, за исключением права вето для президента, в котором Сейм отказал. Но и без этого изменения очень крупные и являются экспериментом в теории и практике нашего парламентского строя.

Итак, в Польше начинается серьезный процесс перестройки политического строя.

Нужно заметить, что проектируемое теперь изменение конституции 17 марта является только паллиативом, стремящимся вернуть исполнительной власти надлежащий авторитет путем декретов, упорядочения наиболее кричащих дел, а их не мало: вопрос национальных меньшинств, не католических вероисповеданий, закон о печати, о собраниях (у нас до сих пор еще действуют законы российские и австрийские), закон о самоуправлении (Галиция и Восточные Кресы (окраины) до сих пор не имеют самоуправления) общие для всей Польши, кодексы уголовный, гражданский и торговый и т. д. и т. д. А между тем, существующая теперь конституция 17 марта предвидит, что следующий за этим Сейм

будет обязан заняться ревизией конституции и имеет право сам без участия Сената большинством трех пятых голосующих, при наличии половины полагающегося по норме большинства депутатов, изменить ее. Отсюда явствует, что Учредительное Собрание само видело недостатки вводимой конституции и будущий Сейм обязан заняться радикальной ревизией конституции..

Если теперь Сейм даст Пилсудскому требуемые полномочия, он в течение 6-12 месяцев проведет безотлагательно нужные реформы и предстанет пред новым Сеймом, выбранным на основании пятихвостки.

Новый Сейм или одобрит управление Пилсудского и впредь предоставит ему бразды правления или пойдет другой дорогой. Так или иначе, но Польша вступила уже в процесс своего политического переустройства. Как и до сих пор, перестройка эта должна происходить в рамках конституции, путем спокойной эволюции и перемен, продиктованных самой жизнью. И, думаю, даже почти уверен, что Польша не сойдет с этой конституционной дороги. Будут происходить те или иные перемены во взаимоотношениях властей исполнительной и законодательной, но борьба эта будет происходить в границах и рамках демократического строя и демократических свобод. Поляки не желают идти ни дорогой и методами большевиков, ни дорогой и методами фашизма. Как и вся Европа, мы ищем иных дорог для государственной жизни, но не хотим свернуть со старого и широкого пути демократизма на неверные, запутанные, боковые тропинки.

Тадеуш Голувко.

Среди книг и журналов

Новости иностранной литературы

Романы Бенуа. — Моран и Монтерлан. — Книги Моруа. —
«Вечер в Кордове».

Если цыплят считают по осени, то литературные новинки, по крайней мере во Франции, следует считать в июле - августе: к этому времени почти все писатели уже выпустили свою очередную ежегодную книгу. Было бы странно предположить, что всякий французский беллетрист сочиняет ровно по одной книге в год и каждую книгу свою пишет ровно год; на деле этого нет, но коммерческие соображения побуждают издателей соблюдать известные предосторожности. Есть исключения: так в этом сезоне Жан Жироду и Андрэ Моруа выпустили по две книги, но почти все остальные: Моран, Монтерлан, Беро, Бенуа ограничились одним томом. Почему знать, быть может, творческий темперамент французских романистов находится в тайном соответствии с чередованием времен года: и требуется ровно трехсот шестидесяти пяти дней для того, чтобы сочинить пятнадцать печатных листов в двадцать тысяч печатных знаков каждый: стандарт современного французского романа. Вероятней будет предположить, что причины подобной аккуратности порядка скорее коммерческого, нежели творческого. Недаром Пьер Бенуа заявил одному интервьюеру: «У меня готово несколько романов, но мне не выгодно печатать более одной книги в год.» Надо дать время критике высказаться о новинке, и возможно большему числу читателей купить ее.

Как бы там ни было, передо мной кипа книг: результат годовой работы французских романистов. Оговариваюсь, что в мои намерения не входит писать обо всех новинках за последние два три месяца, а только о некоторых из тех, что, по моему мнению, заслуживают особого одобрения или порицания. Так, я сознательно умалчиваю о «Фальшивомонетчиках» Андрэ Жида, которым следовало бы посвятить отдельную статью.

Первое, что поражает при чтении этих романов, это их низкий общий уровень. За исключением Жироду, — да и то «Беллу» нельзя счи-

тать новинкой, — все корифеи молодой французской литературы дали нам в этом году слабые произведения. Остановлюсь на двух из них: Моране и Монтерлане.

Последний — представитель и глава спортивной литературы, имеющей и, главным образом, имевшей два года тому назад в связи с Олимпийскими Играмми и всеобщим ростом интереса к спорту большой успех. В первых книгах Монтерлана: в «Раю под тенью мечей», в «Одиннадцати у Порт-Дорэ» воспевались упрощенные люди, у которых интересы тела заменили интересы умственные. Герои Монтерлана страдали, радовались, торжествовали, как и другие смертные, но по другим мотивировкам. Их характеризовали презрение к психологии, отказ от нее, культ тела и движения и известная упрощенность мышления, которую — пусть всякий понимает, как хочет — можно было с успехом счесть за ограниченность. Монтерлан увидел новых людей, но описать их по новому не сумел; однако, многие приняли новизну сюжета за творческую новизну, и Монтерлан стал одним из вождей молодой литературы. Теперь он выпустил новый роман: «Les Bestiaires»^{*}). Появлению книги предшествовали обошедшие всю прессу известия о том, что Монтерлан увлекается боями быков, что он собирается принять в них участие, что он привел свой замысел в исполнение, что он ранен. И без того при чтении романа ясно, что в нем много автобиографических черт. Из приложенных к книге отрывков писем автора и газетных цитат явствует, что важнейшие события, случившиеся с героем Монтерлана, Альбаном де - Брикулем, имели место в действительности. Альбан молодой француз, мечтающий стать тореодором. Мать посылает его в Испанию. Он знакомится с князем де ла Куэста и влюбляется в его дочь. Он принимает участие в боях быков, и познает успехи и неудачи. Однажды дочь князя, Соледад, которой он объясняется в любви, сулит ему взаимность, но ставит одно условие: Альбан должен убить на ближайшем бое черного быка, принадлежащего князю де ла Куэста и внушающего страх юноше. Он принимает вызов и, заранее решив порвать с Соледад, в назначенный день убивает быка и уезжает.

Трудно судить о достоинстве романа по его сюжету, но станет ясно, что оно невелико, если я добавлю, что книга Монтерлана — мешанина лже - спортивных и наивно - философских соображений. Монтерлан совершенно неожиданно оказывается последователем Мизры, — бык принимает для него символическое значение: то это дух зла, которого надо заклать в жертву солнцу, то это — само солнце. Все понятия мистически смешаны. Как ни странно, в романе звучат — какие бывают совпадения! — отголоски Мережковского. Религиозно-философский багаж тянет ко дну все построение, уж очень он идет вразрез с банальными фразами об Испании и испанцах. Единственное, что отличало до сих пор Монтерлана, что составляло достоинство его книг: опи-

^{*}) Henry de Montherland. Les Bestiaires. Grasset. 1926.

сание спорта и спортсменов, в новом романе отсутствует; автор попробовал несколько изменить круг своих сюжетов и бессилие его сразу стало очевидно: большие темы ему не по плечу, но и к темам спортивным теперь нет возврата, — Мизра, Бог - Солнце, психологические осложнения не подобают спорту: видно прав был знаменитый французский футболист Николя, посвятивший статью «Монтерлану - лже - спортсмену.»

Поль Моран не менее яркий представитель современной французской литературы: он возглавляет школу космополитов. Французы слышат домоседами. В противоположность своим соотечественникам, Моран обрыскал все страны мира: сюжеты и герои его попали к нему из за - границы. Впрочем, после войны многое изменилось. Французы стали непоседливей и любопытней. Теперь Моран не исключение. Но самый характер его увлечений должен был завести его в тупик. В начале Моран интересовался людьми, независимо от их национальной принадлежности. Он умел заметить и определить их национальные и личные особенности. Он описывал не шведов вообще, а такую то шведку, не испанский народ, а испанку, встреченную им однажды. Нам трудно судить, насколько верны его описания (так, мы читали, не смущаясь, самые невероятные подробности быта индусов или патагонцев в романах Жюль Верна, но искренне возмущались «Мишелем Строговым»), но, если основываться на рассказе, «Проездом через Москву» то можно сказать, что Моран преувеличивает, но преувеличивает сознательно, зло и справедливо.

Писателю грозила одна опасность: увлечение поверхностным экзотизмом. Постепенно он переставал видеть живых людей и описывал кукол, наряженных в национальные костюмы. Наблюдения его не шли внутрь (пример — Пруста не повлиял на современников), а растекались по поверхности. Любопытство сменялось пресыщенностью: когда то Моран умел находить новое, живое, яркое в Париже, в окружавших его людях, теперь он гонится за новизной вокруг света. Его новая книга «Только Земля»*) — описание совершенного им кругосветного путешествия. Моран почти ничего не увидел, не заметил: в наше время вокруг света путешествуют слишком быстро. «Только Земля» — сборник мелочей, анекдотов. От Морана читатель был вправе ожидать большего, чем списка всех коктейлей, подробного описания азиатских гостинниц и односложных отзывов о пяти материках. Моран немногим отличается от тех путешественников, о которых говорит Конрад, что они видят только каюты пароходов и номера гостинниц, и ничего не замечают и не запоминают, подобно своим сундукам, разнообразные наклейки на которых являются единственным доказательством того, что обладатели их об'ехали вокруг света. Описание различных гостинниц, в которых побывал Моран, занимает при-

*) Paul Morand. Rien que la Terre. Grasset 1926.

близительно, треть его книги. Какой мелкий репортаж. И какое количество анекдотов! Вот один из них.

«Посредине Янг - Тце стоит пароход под красным советским флагом, с золотыми серпом и молотом. Наши кочагары выползают из трюма и смотрят с любопытством на пароход: люди эти — европейцы с усталыми и тонкими чертами лица, — заменяют бастующих китайцев: это бывшие петербургские и московские буржуа, адвокаты, врачи, служащие теперь чернорабочими и отнимающие у кули их рис. Странная встреча двух России в желтых водах».

Картинка эта, любопытная для русских, литературных достоинств не представляет. Моран забыл, что одно забавное не может составить книги.

Что касается самой сущности заметок Морана, его личного отношения к описываемым предметам, то и тут, по сравнению с предыдущими сборниками, наблюдается объединение, небрежность, безответственность.

Моран был одним из создателей французского литературного снобизма, который казался живым явлением, пока писатель находился в в процессе творчества. Постепенно этот «космополитический снобизм» проник даже в бульварную литературу, и мы видели таинственную графиню Веру, сидящую на крыше небоскреба, потягивающую «Kiss-me-quick — cocktail» и читающую роман Пруста. Судя по последней книге, Моран следует созданным им канонам, забыв их живое значение. По прежнему его книга полна иностранных слов, женщин и напитков, трансатлантических пароходов и двадцатипятиэтажных отелей, но все это отныне пустые формулы, все женщины, все гостиницы похожи друг на друга, а если и отличаются, то лишь какой-нибудь незаметной подробностью.

Первые книги Морана поражали новизной, своеобразностью и остротой выражений, — теперь же острота эта притупилась и кажется дешевой и ненужной. В «Только Земля» не меньше сравнений и метафор, чем в «Открыто Ночью», но они не радуют, а раздражают. Читатель со второй страницы видит, как они сделаны. Все дело в том, чтоб соединить в одной фразе два будто бы несовместимых предмета или понятия: мистицизм и коктейль, — Бога и Иностранный Легион. В своей новой книге Моран совместил любопытство с умственной ленью. Моран — человек с любопытством просматривает американские газеты и китайские меню. Моран — писатель ленится написать книгу. Он идет по линии наименьшего сопротивления и ограничивается репортажем. Как ни странно, несмотря на сюжет, книга его даже не интересна. «Только Земля» — тупик, в который завело Морана любопытство к мелочам в мировом масштабе.

Нельзя сравнивать Морана с Монтерланом. Первый куда умней живей, талантливей. Но стиль, который они черезчур легко нашли, у Монтерлана оказался, а у Морана грозит стать стилизацией. Обычно, большие художники проделывают обратный путь. Небольшие - же,

но сознательно относящиеся к своему ремеслу, не выходят из рамок стилизации.

К последним принадлежит **Андрэ Моруа**, пользующийся широкой известностью, главным образом, в среде французской интеллигенции. Его две последние книги «**Меип**»*) и «**Бернар Кэнэ**»**) встретили очень одобрительные отзывы печати. Как то незаметно за эту зиму Моруа стал знаменитым писателем. **Фредерик Лефевр**, выпустивший книгу бесед с **Полем Валери*****), объявил о предстоящем выходе в свет аналогичной книги бесед с Моруа. Известность Моруа была заслужена, но знаменитость его ничем не оправдана. Если и Валери — не такая безотносительная величина, то Моруа подавно не следовало обзаводиться собственным Эккерманом.

Моруа принадлежит к тем писателям, которые литературы не создают, а живут исключительно созданиями своих предшественников. Я разумею не подражание, а тот особый вид творчества, который питается жизнью великих писателей или их героев, так, в «**Меип**» первый рассказ посвящен Гете, отождествленному с Вертером, второй построен на жесте одного из Бальзаковских героев, а третий содержит жизнеописание знаменитой английской актрисы. Тема книги интересная и характерная для Моруа: о влиянии искусства на жизнь. Тема эта разработана тонко и умно, но поневоле бледно. Книга Моруа населена призраками. Однако, если бы те же события случились не с Гете, не с поклонником Бальзака, то и интерес бы их значительно уменьшился. А если бы ни Гете, ни Бальзак не существовали, Моруа не написал бы своей книги. Нельзя требовать, чтобы писатель творил из ничего, все подражают, но подражают в стиле, в приемах, Моруа же создает некий комментарий к сочинениям своих предшественников, литературу о литературе, и потому книги его, несмотря на всю их приятность, большого и самостоятельного интереса возбудить не могут.

Несколько в стороне от других книг стоит последний роман **Блэза Сандрара** «**Мораважин**»****), значительная часть которого посвящена России. Сандрар бывал в России, говорит по русски, в его книге не найдешь тех развесистых клюкв, которые непроходимым, вполне девственным лесом цветут на страницах французских романов. Всего лишь две-три маленькие неточности, которые, быть может, следует поставить в вину не автору, а наборщику.

Автор, от чьего имени ведется повествование, врач — психиатр, он встречает Мораважина в больнице для умалишенных и помогает ему бежать оттуда. Они отправляются вместе в Россию, где устраивают террористическую организацию, цель которой убить царя. Идея этой организации несколько напоминает «**Бесов**», но у Сан-

*) André Maurois. *Meïpe*. Grasset. 1926.

**) André Maurois. *Bernard Quesnay*. N. R. F. 1926.

***) Frédéric Lefèvre. *Entretiens avec Paul Valéry*. Le Livre.

****) Blaise Cendrars. *Moravagine*. Grasset 1926.

драга шарж гораздо очевидней. Покушение не удастся по вине Мораважина, великого и безкорыстного провокатора. Автор и его безумный друг бегут за границу, скитаются по Европе, по Америке, в конце концов обосновываются во Франции, где их застигает и разлучает война. По заключении мира автор однажды случайно встречает в сумасшедшем доме своего товарища, который даже не узнает его. Вскоре Мораважин умирает.

Сандрар описывает события и людей в сильно преувеличенном свете. Он не заботится о правдоподобности, о бытоописании. Его никак нельзя обвинить в том, что он не писатель, а описатель. Он дает сводку фантастических событий, художественно правдоподобных. Так, в изложении Сандрара, российские приключения его героев не гротеск, а кошмар.

«Мораважин» принадлежит к многочисленной семье романов, родоначальником которых является «Кандид». Туда же, между прочим, относится и «Хулио Хуренито», сь которым «Мораважин» имеет нечто общее. Роман Сандрара ироничен и ирония его разрушительна. Рядом с ним «Хулио Хуренито» кажется лишь одной из бесчисленных переоценок ценностей. Сандрар стремится разрушить все ценности. Он поочередно отказывается от всего, из чего слагается человеческая жизнь: от любви, от мысли, от искусства. Недаром роман начинается и заканчивается в сумасшедшем доме.

Но сам роман несет в себе свое наказание. Очевидно, искусство не может держаться на одном отрицании. Лишенный сердцевинки, роман кажется безжизненным, мертворожденным. Действие его на читателя прекращается с последней фразой. У всякой книги должен быть свой *raison d'être*.

«Мораважин» этому обязательному условию не отвечает. Сандрар в тупике. После отказа от жизни, от мысли ему остается только один выход — выход из искусства.

Как ни странно, два лучших романа за последние месяцы написаны «любителями». Чем это объяснить? Было бы смешно утверждать, что молодые французские писатели вдруг сошли на нет. Но несомненно, что многие из них утомились: от славы, для иных преждевременной, для иных слишком громкой. Слава обязывает, она принуждает писателя работать в том жанре, который доставил ему известность. Так, Моран выдумал свой язык, свою манеру изложения, эта удача, давшая ему славу, обернулась против него самого: он стал рабом своей манеры. Надо много смелости и художественной честности, чтобы обновляться на глазах у читателей. Иначе писателю грозит безысходное положение. В этом году в тупик попали несколько талантливейших молодых французов - беллетристов, что отнюдь не является совпадением: в искусстве бывают свои эпидемии. Писателям этим надо во что бы то ни стало обновиться и не извне — описаниями новых видов спорта или малоизвестных стран, — а изнутри: быть может, как это сделал Жироду, обращением к первоисточнику: к человеку.

Как бы там ни было, ни **Жорж Бернанос**, сочинивший роман «Под Солнцем Сатаны*»), ни **Жорж Грапп**, написавший «Вечер в Кордове»**), не принадлежат или, во всяком случае, не принадлежали до сих пор к профессиональным романистам. Первый вообще никогда литературой не занимался, второй был известен, как знаток живописи и литературы: он написал около пятнадцати томов, посвященных, между прочим, Фрагонуару, Монэ, Дега и т. д. Грапп — автор «Очерка английской поэзии в XIX веке», книги о Стивенсоне и Ларошфуко. Как видно, перо он держит не впервые, чему трудно поверить, прочтя его роман.

Сюжет «Вечера в Кордове» очень прост: человек, от чьего имени ведется повествование, приезжает в Кордову и, встретив вечером на гуляньи незнакомую испанку, влюбляется в нее. На следующий день он вновь встречается с ней, она его замечает и больше на гулянье не появляется. Герой тщетно ищет ее и мало по малу возвращается к своим обязанностям. Он — французский консул и наносит визиты местным властям. Попав к алькаду дону - Сантэсу, он узнает в жене хозяйина свою незнакомку. Вскоре он становится своим человеком у алькада. Любовь его к донье Хуане все растет. Она тоже кажется к нему равнодушной. Но дальше дело не подвигается. Все ограничивается сентиментальными прогулками по старой Кордове и психологическими объяснениями, после одного из которых измученный герой уезжает в Кадикс. Через несколько дней он узнает из газет о скоропостижной смерти дон Сантэса. Долг дружбы предписывает ему вернуться в Кордову. Там он узнает, что скорбь Хуаны по мужу безгранична. Проходит несколько дней. Однажды донья Хуана является к герою и отдается ему. И он вдруг понимает всю правду, и в ужасе уезжает в Париж; — он догадался, что Хуана убила своего мужа.

Грапп подошел к этому сюжету, как любитель, новичек и, что хуже всего, новичек, нахватавшийся плохих приемов. Книга его написана условно - литературным языком, с лже - поэтическим оттенком. В романе можно встретить все самые затасканные метафоры и перифразы. Цитирую неудачу: «Наступление сумерек — вечная встреча Ормузда и Аримана» (света и тьмы); «капающая вода — слезы». Самая ткань его языка недоброкачественна. Грапп не знает цены слов, не чувствует их удельного веса. Его определения банальны и туманны. Выписываю подряд несколько прилагательных: «причудливый узор, чудесная кисть, незабываемый пейзаж, царственное зрелище».... Что ни слово, то пустышка. Человек, который бросит «Вечер в Кордове», прочтя десять - пятнадцать страниц, будет, по моему, прав, но он много потеряет. Пока читаешь роман, почти всякая фраза раздражает, но потом впечатление это несколько стирается и книга начинает все больше нравиться. У Граппа дар зарисовывать трагические лица и особенно

*) Georges Bernanos. *Sous le soleil de Satan*. Plon-Nourrit. 1926

**) Georges Grappe. *Une Soirée à Cordove*. Albin Michel. 1926.

трагические события и излагать их с подобающей трагизму сухостью и краткостью. Писатель этот, не умеющий написать одной живой фразы, для которого употребление литературных клише — обязательно, сумел построить целый роман, населить его живыми людьми и связать их трагическим конфликтом. Насколько роман слаб с эстетической точки зрения (напр. описания кордовских достопримечательностей), настолько он крепок с точки зрения психологической. Грапп не анализирует поступков своих героев, он не доискивается до их первопричин, он просто излагает их почти без комментариев, и в изложении его самые неправдоподобные действия кажутся возможными: они происходят всегда как следует и когда следует. Особенно хорош последний визит Хуаны к герою: эти пять - шесть страниц написаны мастерски. По тону они несколько напоминают Барбэ д'Оревилю; впрочем, в «Красном Занавесе» имеется аналогичная сцена. Конечно, Граппу далеко до Барбэ д'Оревилю, который, прежде всего, ценил и знал свой язык и, когда писал, взвешивал каждое слово, но в таланте их есть родственные черты.

Но есть ли «Вечер в Кордове» случайная удача? Об этом можно будет судить по следующим книгам Граппа, если он не раздумает писать беллетристику. Вряд ли он пойдет далеко: небрежное отношение к языку — вещь для писателя губительная; — но и то, что он дал, не мало, и случайная удача этого любителя много ценней и поучительней неудач его собратьев — профессионалов.

Влад. Декабрев.

О разных книгах.

Alexei Remizov. Rybnik. Roman. Druzstvo Pratel Studia v Praze, Preložil Ladislav Rysavy. P. — 305.

«Пруд» — мое первое произведение. Написан в Вологде (1902-1903), но в него вошло — «запевы» (лирические вступления) — из ранее написанного еще в Устьсысольске (1900 - 1901). В 1-ой редакции с некоторыми редакционными пропусками «Пруд» напечатан в ж. «Вопросы Жизни» в 1905 году. Встреча была самая дружная — не было журнала и газеты где бы не было отзыва — везде выругали. Несмотря на изустное заступничество — слово: П. Е. Щеголева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Льва Шестова, Е. В. Аничкова — я не мог найти издателя. И только в 1908 г. через С. К. Маковского в изд. «Сириус» (С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников, М. Н. Бурнашов) вышел «Пруд» отдельной книгой с обложкой М. В. Добужинского. Это 2-ая редакция без пропусков.

«Пруд» отпугнул «странностью и непонятностью», теперь совсем не странной и ничего не

непонятной. У меня не было, конечно, ни «серебристой дали», ни «истомы зноя», ни традиционных при описании природы «вальдшнепов», я по пылу молодости хотел все обозначить по - своему — назвать каждую вещь еще неназванным именем. И в построении глав было необычное, теперь совсем незаметное: каждая глава состоит из «запева» (лирическое вступление), потом описание факта и непременно сон; при описании душевного состояния, как борьбы голосов «совести», я пользовался формой трагического хора.

Через год после выхода «Пруда» в «Сириусе» я попал в еще горшее положение: «Неуемный бубен» — последняя надежда — был отвергнут ред. «Аполлона», хотя устно — и И. Ф. Анненской и Вяч. И. Иванов и С. К. Маковский и Н. С. Гумилев и М. А. Кузмин и Е. А. Зноско - Боровский выражали мне только сочувствие. Все издательства отказались издавать мои книги — от Горького («Знание») до Андрея Белого («Мусагет»). Ну, никуда!

Через Р. В. Иванова - Разум-

ника попал я в «Шиповник»: напечатав в 13-м Альманахе «Крестовые сестры», взялся «Шиповник» издать собрание моих сочинений в 8-и книгах. Тут-то мне и пришло в голову: «а что если попробовать странный и непопулярный «Пруд» изложить своими словами? («скажу теперь: никому и никак не пожелаю этого делать — ни волею, ни неволею, ни от желания и сердца, ни со зла, ни на зло») Целое лето, сидя в Париже на Rue Monsieur le Prince, я прилежно занимался исправлением: и если в 1-ой редакции и во 2-ой я, как тогда говорили, «наворотил», в 3-ей я так «разворотил», что самому неловко стало — уж очень «на дурака»! Так вышла 3-ья редакция «Пруда» (1911 г.), изд. Шиповник — Сирин (1910-1912). Собр. соч. т. IV.

И теперь — и опять в Париже, но уж на Avenue Mozart — опять целое лето — IV-ая редакция (1925 г.) и в последний раз! В основу я взял 2-ую редакцию (Сиринус), а из 3-ей (Шиповник-Сирин) только то, что дополняло хронику романа, все же, «изложенное своими словами» вычеркнул; выделил «запевы» (лирические вступления,) а также сны и «хор»; и, насколько возможно, сделал поправки в самом «письме»:

1) есть г. н. «ритмическая проза» (само собой во всякой прозе свой ритм!), но это именно то, что принято называть «ритмической прозой» и что так любят мелодекламировать, — большой соблазн

для начинающих, но от которого легко избавиться чтением вслух;

2) всевозможные описательные украшения по преимуществу природы, и притом ничего не изображающие или захватанные до беззвучия и безчувствия;

3) однословные фразы — без надобности, а главное без внутреннего напряжения, что можно сравнить с искусственным органом без пульса;

4) повторение слова «для углубления», смысла не углубляющее, а только удлиняет строчку;

5) библейское «и», уместно звучащее у пророков;

6) безприличные многоточия, как мушиная паль...

7) ассонансы (глагольные), производящие стрекотню кузнечиков, а бывает и зазорнее;

8) расслабляющая слащавая чувствительность: ставь определение за определяемым и готово дело, — не скажи, напр., «французский народ», а говори «народ французский»

В первый раз читал я «Пруд» по рукописи в Вологде Щеголеву, Савинкову и Каляеву: когда П. Е. Щеголев не был еще «Архивным фондом», а всего только «почетный академик» — за осанку, за голос, а главное за искусное плавание (так вологжане уверовали!), а Б. В. Савинков сотрудничал в «Искре», а И. П. Каляев служил корректором в газете «Северный Край» в Ярославле. И «Обезьянья великая и вольная палата» называлась не «обезвельволпал», а таинственным С.С.А.

«Пруд» — автобиографичен, но не автобиография. Круг моих наблюдений — фабричные, фабрика, где прошло мое детство; улица и бульвары — я был «уличный мальчишка»; подмосковные монастыри, куда оравой выбирались мы летом «на богомолье». Все это из жизни. Но самые центральные места: «Монах» (самоубийство матери) и «Латник» (видение в тюрьме) — подлинные сны.

2

Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis. Müller Verlag, Potsdam. S. — 168.

«Сонник» с картинками; картинки — иллюстрации наиболее ярких снов — в мозаичной рамке: по золоту красное, голубое, черное — крапинками, клеточками и сетка. Глаз на Восток — там родина снов и сонников (снотолкований). Самый равнодушный читатель, раз заглянув в книгу, никогда от нее не отделяется: всякое утро, вспоминая сон, хватится, чтобы узнать — «что сей сон значит?» И самое несуразное толкование не отпугнет: ведь когда-нибудь непременно же случится — «исполнение сна». Любопытство человека к своему будущему обеспечивает успех книги. В России не было кухарки, которая не имела бы «Сонника», да и во Франции «Сонник» — «живая» книга. И никто так картинно не сумеет рассказать сна, как простой человек, насобачившийся на

«Соннике». «Сонник» побуждает вспоминать сны.

Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на «тот» свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные.

«Реальная» жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство «свободы» и сейчас же обнаруживаются чудеса «совместности» и «одновременности» действия, немыслимые в дневном состоянии. Принуждение остается и во сне, но оно совсем другое, и, пожалуй, тягостнее нашего дневного и, главным образом, по своей неожиданности и внезапности. («Вдруг» и «сразу» — характерные признаки сонного явления).

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным «причинным» сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а «приключения» — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и

история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой туповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием «предсказывают» и «открывают» будущее.

«Сонники» появились не для забавы и развлечения: в прошлом это «руководящая» книга — по ней можно знать, что тебя ждет, а, стало быть, и как поступать надо — чего остерегаться и, наоборот, к чему стремиться. Но и как забава и развлечение «Сонники» могут, и совсем незаметно, служить педагогическим целям: «Сонники» приучают запоминать сны; а запомнившиеся сны — материал для «психо-анализа»: по снам можно разгадать прошлое. В древности было устремление на будущее — «сон предсказывал!» Теперь же на прошедшее — «сон выбалтывает всю подноготную!»

С открытием Фрейда «сон» занял свое место, как факт человеческой жизни. В искусстве явления сна всегда были значительнейшими фактами: Э. Т. А. Гофман, Гауф, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой.

Обзавестись «Восточным сонником» дело и приятное и полезное. Если ночью снилось — припомнишь сон, чтобы по «Соннику» узнать его значение; а когда

«дрях без просыпу» и ничего тебе не снилось, ну, так перелистать книгу, помотришь картинки — особенно хороша одна: изображен фокусник в белых перчатках с отрезанной головой, он же и отрезанную свою голову держит, как мешок с картошкой, и хоть бы что, ну, как безчувственный, и рука не вздрогнет, а означает такой безголовый сон — «славу и богатство!».

3

A. Puschkin. Anekdoten und Tischgespräche. Herausgegeben, übertragen und mit einem Vorwort versehen von Johannes von Günter. Mit illustrationen von Nicolai Saretzkij. Allgemeine Verlaganstalt, München. S. — 105.

В школе 1-го Морского Берегового Отряда (б. 2-ой гвардейский экипаж) на уроке русского языка зашел разговор: кто кого читал и что кому нравится? Один говорит: «Горький». Другой: «Демьян Бедный». Большие Горький да Демьян.

«А Пушкин? нравится?»

А моряк Костров, старательный ученик, и говорит:

«Я понимаю: Пушкин великий! Но это для образованных людей, а мне больше всех нравится Некрасов.»

Пушкин интересовался архивом, материалами — конечно, тут было любопытство к истории, к событиям — но вернее, его верное чутье узнать свой родной «природный» язык. Пушкина привлекал «базар» — русский склад речи (а в матерьялах исто-

рия склада этой речи) — «базар» (отсюда «Балда»), чуждый образованным людям, а близкий, свой и понятный таким, как моряк Костров, а Костров — это русский народ, Россия.

Книга иллюстрирована художником Н. В. Зарецким: как и все, выходящее «из-под кисти» этого художника, здорово и прет.

Алексей Ремизов.

„К о н а р м и я“.

(И. БАБЕЛЬ. «Конармия». (Госиздат. Москва - Ленинградъ, 1926 года)

И. Бабель, хотя и начал свою литературную деятельность еще до революции, но окреп, оформился, нашел свою настоящую линию лишь в последнее время; поэтому мы имеем право присоединить его к наиболее современным и, пожалуй, молодым русским писателям.

О И. Бабеле идет постоянный спор. Одни, как Буденный, обвиняют его в клевете на красную армию, другие, как и большинство коммунистических критиков, заявляют, что он проглядел красоту, пафос революции, что он мелко - буржуазный, разлагающийся романтик, третьи, наконец (к ним принадлежат эмигрантские критики), нашли у него богохульство, цинизм и прочие грехи. Происходит это, главным образом, оттого, что сюжет у Бабеля, несмотря на всю свою дробность или, быть может, именно благодаря этой его концентрированности, поражает читателя настолько, что он перестает обращать внимание на

форму. Обыкновенному рядовому читателю, как и «генералу» Буденному, это простительно, но от критиков можно было бы ожидать больше опытности и внимательности.

Самым интересным и даже замечательным в творчестве Бабеля и, в частности, в появившейся, наконец, в отдельном издании «Конармии» является тонкое и художественное переменное употребление и сплетение нескольких литературных форм. Дело заключается в том, что Бабель не берет одного какого-нибудь стиля, не сживается с ним и не ведет в нем уже все дальнейшее повествование, нет, он ловко преодолевая искусственность, талантом, соединяет, порой, казалось бы не соединимые виды стилей. Первое, и главнейшее место тут занимает подпорченный, полунинтеллигентский язык, с плакатными и трафаретными выражениями; причем он не введен для колорита, а входит, как нечто вполне самоценное, как жанр, в котором и осуществлены не только отдельные части произведения, но и целые рассказы (например, «Жизнео-

писание Павличенки, Матвея Родионовича», «Соль», «Измена» и некоторые другие). Такой язык создает плакатное описание, картину чисто лубочного характера, особенно, если подобным способом изображаются бои. Бабель никогда не скажет «солдаты», но непременно «красные орлы» или «бойцы», не скажет «убит», но «доблестно пал» и т. д. При описании сражений, в особенности проигранных, и больших отступлений, такой искусственно приподнятый тон и пафос могли бы производить комическое впечатление, если бы они не нарушались краткими замечаниями, сделанными частью автором, дающими понять своей болью, что ходульность предшествующих описаний мнима, что происходит она не от пустоты и бахвальства, а от неумения героев найти свое слово и потому пользующихся штампом. Таким образом, неуклюжесть, поверхностность и плакатность использованы автором, как приемы стиля и характеристики действующих лиц одновременно. Что касается постоянного - хождения на грани комического и патетического, то в русской литературе они имеют уже свою традицию, идущую от Гоголя.

Вторым элементом или слагаемым творчества Бабеля является классически спокойное повествование, ведущееся в большинстве случаев от лица автора и употребляемое чаще всего для усиления и подчеркивания предшествующего жанра. Цельных вещей, написанных в этом роде в «Конармии» сравнительно мало

(«Пан Аполек», «Солнце Италии», «Вдова»). И, наконец, третьей составной частью является описание пейзажа, который Бабель делает тоже в классическом спокойном тоне, впадая иногда в некоторую отвлеченность, благодаря богатству своих эпитетов. Видно, что писатель особенно любит такую живопись, полную то взволнованного импрессионизма, то патриархального спокойствия, напоминающего кисть голландских мастеров. В «Конармии» есть несколько таких совершенно бессюжетных рассказов, посвященных лишь описанию («Переход через Збруч», — «Кладбище в Козине»); как элемент, дающий соответствующее настроение или задерживающий действие, описания встречаются во многих более обширных рассказах — это то описание природы, то в большинстве случаев помещений: кухонь, изб, костелов.

Что касается содержания рассказов, то по этому признаку их можно разделить на два разряда: первый, который мы отметили в начале, включает в себе краткий анекдот («Два Ивана», «Соль», «История одной лошади» и т. д.), этих большинство и они восходят по прямой линии к школе Гоголя; второй совершенно бессюжетный и состоит или из совершенно статистического описания пейзажа или, как большинство, из описания боя, похода и т. д.

Я уже говорила, что мнения о Бабеле весьма расходятся, несмотря на то, что большинство критиков относится к нему недобро-

желательно. Одни, напр. уверены, что Бабель не только реалист, но и натуралист, что он с удовольствием раскрывает перед читателем всю грязную человеческую подоплеку. Совершенно верно, в творчестве Бабеля есть также острые моменты, особенно эротические при виде которых хочется закрыть глаза, но отнюдь не отвернуться, потому что больно смотреть. Во имя ровности повествования, быть может, было бы лучше подобные места вычеркнуть или сгладить, но это уже дело писателя, который хочет таким фортиссимо показать величайшее напряжение. Такие повышения — только прием, вкрапление одного жанра в другой, так как основной тон «Конармии» Бабеля безусловно романтический. На это название дает ей право как пафос военных рассказов, так и легкость и надземность таких рассказов, как «Пан Аполек», «Сын Рабби» и несколько иных. В пользу причисления Бабеля к романтикам могу сказать и еще то, что жизненность, доведенная в искусстве до крайности, начинает представляться нам, как фантастика; на

этом принципе строит свои романтические вещи А. Гофман, об этом говорит Гоголь в «Портрете».

Мне хотелось бы сказать несколько слов и о мнимой антирелигиозности Бабеля, даже о кощунстве, которое инкриминируется ему, по моему, без особых оснований. Напрасно критики так оскорблены этой яко бы антирелигиозностью. В этом случае мне припоминаются слова, сказанные, кажется Мотером, что некоторые поношения бывают приятнее, чем похвалы. Вспомним, для примера, древнюю легенду, переработанную А. Франсом, о жонглере Богоматери, удостоившемся ее защиты и чуда. Нечто подобное рассказывает Бабель в «Пане Аполеке». Обижаться или возмущаться его словам... значит становиться на точку зрения ксендза, который благоволил к пану Аполеку, до тех пор, пока он писал его в виде волхва у яслей Спасителя, но обрушил на него все громы, лишь только узнал в остальных святых своих односельчан.

Н. Мельникова-Папоушек.

Зарубежные поэты.

А. Булкин. Стихотворения, Париж, 1926, стр. 69.

Когда я начал читать книжечку, с первых же страниц почувствовал необходимость погово-

рить с автором о некоторых его формальных опытах. Однако, прочитав до конца, с радостью ощутил, что речь может идти о целом мирозерцании. В конце книги в четверостишии, г. Бул-

го интереса, но представляет интерес психологический. Стихи — «Нам дорог дом...», «Здесь в ресторане...», «Когда, влетев в растворенные двери», «Элегия», «Ночной корабль» — наиболее цельны и выдержаны.

Что касается формальной стороны, то в ней имеются некоторые сознательные опыты, но далеко не всегда удачные. Автор отдает явное предпочтение ассонансу, при этом процентов на двадцать он ограничивается только ударной гласной, но не принимает в расчет то согласное окружение, которое собственно и дает специфическое созвучание. Правда ассонанс построенный на ударных гласных встречается довольно часто в изустной поэзии (особенно у сербов в «тужбалицах»), однако он всегда стоит внутри строки. Совпадение ударных гласных в конце строки — г. Булкин культивирует в ущерб своему стиху; такая совпадения, как: *перемѣн* — котле, *снянія* — протянется, *дамы* — страны, *вспомнит* — полдни и т. д. не только не искупают рифмы, но создают впечатление бедной потуги, эстетически раздражительны даже при предположении сознательного опыта. Рифма — *желѣзный* — слезы не оправдывается даже славянизмомъ. Частая постанова (как метод) частиц: *и, о, ведь* в конце строки не учитывает фонетической и психологической задержки в этом месте. Строки Ладинского:

Надежды россиянь, стихи и
Рыданія беглянок муз
именно тем и выигрывают, что

после и предполагается логическая задержка, передаваемая в видѣ трех точек с последующей неожиданностью.

Я совершенно чужд бунинской «академической» ненависти к новаторству или реставрации старины в качестве нового, однако необоснованное или неудачное экзерсирование в поэтической форме и навсегда останется мертвым экзерсисом.

Евг. Недзельский

Ольга Далматова. «Черные грозди». Стихи. Обложка работы М. Добужинского. Рига

Если поверить любителям афористической мысли, что создать великое в искусстве — значит найти пропорцию, в которой должно быть смешиваемо ничтожное (по выразительности) с гениально - острым, то надо признать, что «Черные Грозди» О. Далматовой по величию безнадёжны.

Ни гениальности, ни бездарности.

О таком, наиболее неудобном для критиков состоянии авторской потенции (кстати сказать — угрожающе распространенном в печатном слове современности) — с утомительным постоянством свидетельствуют все 40 стихотворений прекрасно изданной книжки.

О. Далматова вполне грамотно рифмует, скандует, составляет образ и развертывает сюжет.

Даже больше. —

Ей не чужда и высокая культура стихосложения: построения

на определенных (всего чаще двух) рифмах, особый рисунок строф и форма, затрудненная специальными условиями (газзела, напр.). Лишь в одном стихотворении (стр. 46) легко заметить неожиданный и очень грубый срыв в метрике. Пьеска, написанная переменным 6-ти и 5-ти стопным ямбом начинается строкой, назойливо вытгарчивающей из общего рисунка. —

«Какое странное равнодушие
Тоска посеяла вокруг меня».

Однако,

досадное (надо полагать - по недосмотру) исключение не меняет общего тона книги, весьма ровного по грамотности и культуре. К сожалению, все 40 стихотворений так же однообразно ровны и по темпераменту. Тщетно искать неожиданной рифмы, образа, сравнения, эпитеты — той неожиданной гениальности, которая вспыхивает порой даже среди самого безнадежного версификаторского хлама. Все правильно, все прилично, но и только. Давно уже стала общедоступной аксиомой мысль о том, что нет старых и новых, привычных и неожиданных слов, а бывают те и другие сочетания их. Можно формально принять эстетический штамп и можно обновить — «отстранить» — его новым углом зрения, новой — самостоятельной творческой эмоцией. У О. Далматовой вся — или почти вся — образность взята из старого, доброго, хорошего, знакомого арсенала дореволюционной поэзии Российской, и вся держится на эпитетах.

Образ — символ крайне редок, а образ олицетворение и совсем отсутствует.

Едва ли чтонибудь могут сказать теперь уху стихолюбца такие напр. словосочетания:

«Вино печали»; «Пленные желанья — стр. 7. «Багрянец осени»; «Лиловый час вечерний» — стр. 9. «Глухая темница»; стр. 10. «Мятежная гордыня»; «Мертвенный покой» — стр. 12 и т. д. и т. д.

На каждой странице (по нескольку) неуклонно. Правда, имеются и более свежие эпитеты но, — во первых — из этих немногих, и, во вторых «свежесть» их настолько интимна, что скорее предполагается чем ощущается.

Как и все остальное (до обложки — Добужинского — включительно) содержание «Черных гроздей» (содержание, как такое) — грамотно и не выразительно. Даже сильных и характерных влияний — неизбежных в молодом поэте (если не ошибаюсь — «Черные грозди» первая книга) — нет.

Можно найти нечто в тоне настроений блоковское, более отчетливы брюсовские влияния (весенняя газзела, напр.) есть крохи и от Северянина.

Но все стойко выдержано в общем сером тоне. Весьма характерна незначительность «любвных» мотивов и холодная риторика. Ни в чем, — даже в самом человеческом — автор не дает той претворенной в общее личной конкретности, без которой стихи, как правило, чужим ушам не говорят.

В общем —

вся книга стоит на той грани за которой, собственно, и начинаются настоящие стихи (либо кончается всякая на них надежда) и производит впечатление каллиграфически исполненной тетради упражнений на заданные темы и формы, принадлежащей прилеж-

ному «пятерочнику». Родителей умиляет, но посторонними — как правило — не читается.

Впрочем, в т. наз. — «художественных журналах» приют О. Далматовой — именно ее грамотной невыразительностью — обеспечен.

С. Раф.

Отзывы о книгах.

ЦЕНТРОАРХИВ: Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисловие и примечание Н. Ф. Бельчикова. Общая редакция В. Ф. Перверзева. Гос. Изд. М., 1926 г. стр. XIV 366 в больш. 8° 3.000 э.

Никогда не было сделано в России так много для изучения истории русской литературы и ее корифеев, как за годы революции. Наравне с Пушкиным особое внимание уделялось Достоевскому. Прделана большая работа по изучению его произведений, открыты новые тексты (впервые опубликованы, напр., два варианта «Исповеди Ставрогина»), собраны ценнейшие материалы о Достоевском — чело- веке. Среди последних едва ли не самое ценное письма писателя к жене: эти письма совершенно лишены литературности, они изумительно откровенны и раскрывают характер, лицо автора «Карамазовых».

Когда Достоевский женился на Анне Григорьевне Сниткиной, ему было 45 лет. Около 15 лет прожили они вместе счастливо,

дружно. Даже письма, написанные Достоевским незадолго до смерти, носят следы пылкой, страстной любви к жене. Вот конец письма из Эмса 16-28 августа 1879 г.: «До свиданья, мой ангел, золотое ты мое сокровище, умная ты моя красавица. Красавица ты моя вот что. И еслиб не смущало то, что ты говоришь про почтовую цензуру, бог знает бы, что написал тебе. Целую одинакож опять твои ножки. (Вычищено резинкой две строчки). Целую его мысленно непрерывно. Сердечко твое золотое тоже люблю ужасно, чту его и поклоняюсь ему». В письмах было столько интимностей, что Анна Григорьевна предостроительно многое вычеркнула....

Достоевскому приходилось не редко подолгу жить вдали от семьи: ездил на курорты лечиться, ездил по литературным делам и т. д. И тогда писал жене часто и много, иногда каждый день. В письмах очень мало данных о литературных замыслах писателя, о том, как он писал. Но зато много о том, как он жил. Жизнь

же была заполнена заботой о семье, поисками денег, недугами. Страшно читать письма с описаниями проигрышей в рулетку, с требованиями во что бы то ни стало прислать денег на дорогу, с признаниями, что присланные тотчас же женой деньги опять проиграны и что нужно прислать еще — и еще...

К материальным путям примешивались и уколы личного самолюбия. «В то время, как всегда обеспеченный Тургенев знал, что его произведения будут на перерыв оспаривать журналы и он получит по 500 руб. за лист, в то же время, — поясняла в собственных примечаниях к письмам Анна Григорьевна, — необеспеченный Федор Михайлович должен был сам предлагать свой труд журналам, а так как предлагающий всегда теряет, то он получал значительно меньше. Так, он получил за романы «Преступление и Наказание»... «Идиот» и «Бесы» по 150 руб. за лист; за роман «Подросток» по 250 руб... и только за последний свой роман «Братья Карамазовы» по 300 руб... «С болью в сердце», припоминает Анна Григорьевна, «как часто приходилось моему дорогому мужу отказывать себе в удовлетворении самых насущных потребностей, в самых скромных удовольствиях»...

На уклад жизни Достоевского тяжелую лапу наложила болезнь. О ней не мало жутких подробностей в письмах. Более подробно записывал Достоевский течение болезни в случайных заметках в своих черновых тетрадах. Эти записи воспроизведены редакцией

в ее примечаниях к письмам. Вот, например, описание припадков в начале 1875 г.: «один — 4 января и другой 11 января. 8 апреля припадок в 1½ по полуночи. Предчувствовал сильно с вечера да и вчера. Только что сделал папиросы и хотел сесть, чтоб хоть две страницы написать романа, как помню полетел, ходя среди комнаты. Пролетал 40 минут. Очнулся, сидя за папиросами, но не делал их. Не помню, как очутилось у меня в руках перо, а пером я разодрал портсигар. Мог заколоться. Всю неделю сырость; нынче (ночью) лишь полнолуние и кажется морозец. 8 апреля полнолуние. Голова же болит не так, чтобы очень теперь, почти час после припадка. Пишу это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает еще проходить, но есть еще чрезвычайный, так не смею лечь. Бока болят и ноги...»

Жесток был жизненный путь жестокого таланта. Душа требовала оазиса. Его и обрел Достоевский в семейном уюте. Боялся его утратить. Ревновал безумно жену к другим, старался окружить жену заботами, согреть ее растущей *crescendo* любовью. Грандиозный в своих художественных замыслах, великий фантаст в исканиях божьей правды, он становился мелким, робким, узким, когда переставал творить и превращался в мужа и отца.

При чтении воспоминаний А.Г. Достоевской охватывало порой обидное чувство. Эта трезвая, практичная, ловкая женщина казалась неровней гению. Письма самого Достоевского примиряют

читателя с его женой. Именно такой и должна была быть подруга жизни писателя, полу - женой, полу - матерью (хотя и годдилась ему в дочери). Ясный, физически мощный, крепкий волей Толстой мог претерпеть тяжкий крест в лице посланной ему судьбой супруги. Достоевский такого испытания не перенес бы, кончил бы безумием. Без Анны Григорьевны не было бы и лучших творений Достоевского, не было бы во всяком случае того не прекращавшегося углубления в заповедные тайники мироздания, того проникновения в атомы человеческой души, не было бы, словом, всего того, что дают сочинения Достоевского эпохи последних 15 лет его жизни...

Книга издана тщательно. Приложены снимки писем. Жаль, что не даны портреты Достоевских. Крайне ценны примечания к письмам, сделанные самой А. Г. Достоевской. Обстоятельны, хотя и не исчерпывающе полны примечания редакции, использовавшей не только литературу о Достоевском, в том числе и самую новейшую, но и архивные источники, пока неизвестные.

В примечаниях встречаются ошибки: на странице 356 Анатолий Фед. Конн почему то назван Александром. На странице 364 указан год смерти В. П. Буренина (1919), хотя умер он лишь в 1926. Это мелочи, но пора бы академическим учреждениям от неряшливости освободиться.

Д. Лутохин.

Проф. А. И. Маленин. Краткий очерк истории иностранной библиографии. 40 стр. в мал. 8° Лгр. 1925 г. 40 к. 3,200 экз.

А. М. Ловячин. Основы книговедения. Популярный очерк. Стр. 164 - 11 в 8° Лгр. 1926 г. 1 р. 5.200 экз. Изд. «Начатки знания»

В годы революции литература по книговедению в России весьма разрослась и не только количественно. Книга пошла в массу, создалось множество новых библиотек, как общедоступных, так и специальных, и потребность в людях, знающих не книги, а книгу, вызвало заботы о воспитании и подготовке соответствующих технически грамотных работников.

К числу новинок по книговедению относятся, между прочим, и книги А. И. Маленина и А. М. Ловячина. Первая представляет изложение лекций, читанных при Ленинградском Институте Книговедения. Она исключительно богата данными с ценными ссылками на источники, но тем не менее доступна и мало подготовленному читателю.

Наоборот, очень живо написанную книжку покойного А.М. Ловячина, несмотря на пометку «популярный курсъ», прочтеть с пользой только сведущий читатель, в массы же ее пустить не следует. В ней много баласта, встречаются и неточности. Вот, например, как формулирует автор «особый закон» (!!), определяющий соотношение шрифта и полей (отношение первого ко второму?): поля распределяются

в порядке «золотого сечения»: большая величина относится к меньшей, как она же относится к сумме большей и меньшей... Правило золотого сечения, как общеизвестное, формулируется совсем не так: большая величина относится к меньшей, как сумма большей и меньшей к большей, иначе не составить пропорции

$$5 : 3 = (5 - 3) : 5$$

Следовало бы добавить, что это правило подвергнуто жестокой критике и Фехнеромъ и Дессуаром и многими другими и отнюдь не является эстетическим «законом».

Автор, вероятно, не успел перечитать свою последнюю рукопись и никто не дал себе труда ее проредактировать. Между тем, именно популярное пособие должно быть точным и отделанным. Ведь, мало образованный читатель принимает все на веру, не может критически отнестись к печатному слову.

Книгу А. М. Ловячина можно рекомендовать для преподавания курсов среднего типа, как пособие при составлении лекций. Достоинство книги в широкой программе, охватывающей «генезис, статику и динамику» книги с технической, экономической, психологической, эстетической и всех прочих точек зрения....

А. —Ч.

АТЕНЕЙ: Историко - литературный временник под редакц. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Книга третья. Труды

Пушкинск. Дома. Ленинград, 1926 года Стр. 168 в больш. 8°. 1,200 экз.

Предыдущая первая (двойная) книга «Атеней» вышла 2 года назадъ и мы своевременно дали о ней отчет на страницах нашего журнала. Появившийся теперь выпуск «временника» посвящен памяти декабристов. Первые 34 страницы сборника посвящены новым письмам декабристов — В. Ф. Раевского, А. И. Одоевского, Н. М. Языкова, А. И. Полежаева и др.) — и примечаниям к этим текстам.

В отделе статей и исследований помещены работы Б. В. Томашевского «Генезис песен западных славян» у Пушкина, Ю. Г. Оксмана «Сожженная трагедия Гоголя изъ прошлого Запорожья» и Ю. Н. Тынянова «Вал. Брюсов». Характеристика Брюсова сделана объективно и содержательно, образ поэта выступает выпукло. Автор справедливо указывает, что Брюсов войдет в поэзию не только своими завоеваниями. «Он войдет в нее и как новый для своей эпохи тип поэта. Интеллектуальный пафос опыта над жизнью, слава, суровая позиция дидактика и ритора — эти черты были несвойственны «поэту» в представлении русской стиховой культуры XIX века — и напоминают лишь некоторые явления Запада (Гюго).» После патологической озлобленности большинства зарубежных некрологов и воспоминаний, посвященных Брюсову, после фальшивых фимиамов, которыми кадили пе-

ред его гробом там в России случайные товарищи его по РКП, при чтении статьи Тынянова испытываешь, наконец, некоторое удовлетворение: статья написана о художнике, а не о политическом деятеле, которым органически Брюсов и не мог сделаться.

В отделе «материалов», помимо неизданной записки Пушкина, отрывков из Гоголя, фрагментов из «Воскресения» и писем Тургенева, имеется яркая глава из воспоминаний покойного начальника управления по делам печати Е. М. Феоктистова (1828-1898). В этой главе выступают Островский, А. П. Григорьев, Сухово - Кобылины. Приходится пожалеть, что Пушк. Дом не издал «Воспоминаний» Феоктистова полностью. «Автор их, как признает редактор современника, обладал определенным талантом

писателя и знал, что и как рассказывать.»

В отделе критики и библиографии обращает внимание исчерпывающей полнотой и вдумчивыми оценками обозрение пушкинады за 1923-25 г. г. принадлежащее перу И. В. Измайлова. Наконец, в книге имеется богатый отдел хроники с отчетами о ходе историко - литературной работы в Ленинграде, в Сибири (1918-1925 г.), в Нежине, в Перми. Желательно, чтобы в следующем выпуске дана была картина работы по всей стране.

В редактировании первой книги принимал участие П. Н. Сакулин. Теперь нет и его, и никто не заступил его места. А было бы желательно более активное участие московской группы ученых в трудах Пушкинского Дома.

Столпник.

Письмо в Редакцию.

В Редакцию

«Воли России».

Прошу Редакцию «Воли России» исправить досадную ошибку, вкравшуюся в мою статью «Оргия Пошлости», ошибку, на которую любезно обратила мое внимание одна пожилая американская читательница журнала.

Понадеявшись на память, я упрекнул автора *Idioten - Führer'a* за форму выбранного им псевдонима — «*Sir Galahad*». Однако, выясняется, что это имя ры-

царя Круглого Стола. Литературный двойник искателя Святой Чаши настолько мало рыцарственен, что не только я, но и известный философ Теодор Лессинг в своей блестящей статье «Суд над Россией» по поводу той же книги («*Prager Tageblatt*» —, 4 сентября 1926 г.) также не стал углубляться во времена короля Артура, а произвел псевдоним *Galahad* от «*Galle*» — желчь.

Д. Лутохин.

10 сент. 1926 года.

ВВИДУ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВОЛЯ РОССИИ»
 ЗА АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ ВЫХОДЯТ ДВОЙНОЙ КНИЖКОЙ.
 СЛЕДУЮЩАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА ВЫЙДЕТ В ПЕРВЫХ
 ЧИСЛАХ ОКТЯБРЯ.

„ РУССКАЯ СТАРИНА ”

СКЛАД АНТИКВАРИАТА ПРИ КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Я. Р. Лукавского

Энциклопедии.

Все классики в оригинальных довоенных переплетях.

Беллетристика, сборники, альманахи.

Богатый историко-литератур. отдел.

Довоенные учебники.

УЧРЕЖДЕНИЯМ—скидка и разсрочка платежа.

Адрес: Knihkupectvi I. Lukavsky «Russkaja Starina» v Tunich 14, Praha II.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ „АРЗАМАС“

Вышли в свет книги:

Проф. Ю. Айхенвальд. Две жены—Толстая и Достоевская. Цена \$ 0,60

Иван Лукаш. Граф Калиостро. Исторический роман . . . > \$ 1,—

В. Ирецкий. Похитители огня. Роман из сов. жизни . . > \$ 1,—

З. Арбагов. Путь скорби. Роман > \$ 1,—

« АРЗАМАС » выполняет поручения и высылает все книги, вышедшие как в эмиграции, так и в Советской России. На складе имеются все новинки книжного рынка. При выписке книг на 5 мк расходы принимаются на свой счет. Деньги можно присылать в любой валюте.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

А. LASKOWSKY,

Berlin - Charlottenburg, Knesebeckstrasse, 17^{II}

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
№1 ЖУРНАЛА

ВЕРСТЫ

под редакцией кн. Д. И. Святополкъ-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Эфрона, и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова.

СОДЕРЖАНИЕ № 1:

От Редакции. Сергей Есенин: Посмертные стихотворения. Марина Цветаева: Поэма Горы. Борис Пастернак: «Потемкин» (из книги «1905 год») Илья Сельвинский: Казнь Стецюры; Казачья Походная; Цыганская; Цыганский вальс на гитаре; — Частушки. Алексей Ремизов: Из книги «Николай Чудотворец»; Россия. И. Бабель: История моей голубятни. Артем Веселый: Вольница. Алексей Ремизов: «Воистину» (памяти В. В. Розанова). Лев Шестов: Неистовые Речи. Артур Лурье: Музыка Стравинского. П. П. Сувчинский: Два Ренессанса. Кн. Д. Святопокъ-Мирский: Поэты и Россия. Е. Богданов: Три столицы. Кн. Н. С. Трубецкой: «Хождение Афанасия Никитина», как литературный памятник. Р. Пикельный: Искусство и быт. — Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда Р.К.П. — Библиография.

МАТЕРИАЛЫ:

«ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ»

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Librairie "MOSCOU" — Paris, 9, rue Dupuytren

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V г. изд.

„ ДНИ “

V г. изд.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные
срочные сообщения
из России.

Полная информация
о политической
жизни за границей.

Рабочее
социалистическое
движение в Европе.

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ и СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся за границей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris 3, (chèque postal N° 80,446.
Прага — Panska ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Prazska Uverni banka, Banka stav. ziva. a prumyslu). Берлин — Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postchek-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filialka Prazaké Uverny banky. София — Filialka Prazaké Uverny banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О—ва "Le Flambeau", 34, Boulevard des Italiens, Paris.

Volja Rossii, revue mensuelle russe, Uhelny trh I Prague.